Зеленая серия

Джим

Корбетт

Наука джунглей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация Gautier Sans Avoir (*выполнил OCR и корректуру***):**

Третья книга английского автора Джима Корбетта (1875–1955) имеет частично автобиографический характер. Она состоит из очерков о жизни и труде беднейших индийцев: крестьян — арендаторов земель Джима Корбетта, работников железной дороги, на которой автор 21 год прослужил подрядчиком по погрузке-разгрузке и пр. Представлен ряд трогательных историй, свидетельствующих о бескорыстной помощи Корбетта и простых индийцев беднякам, попавшим в трудное положение. Интересны детали быта и обычаев жителей Северной Индии в первой половине XX века. В определенном смысле данный труд не менее занимателен, чем произведения Дж. Корбетта о тиграх и леопардах-людоедах.

- Джим Корбетт
  - ПОСВЯЩЕНИЕ
  - ВВЕДЕНИЕ
  - КОРОЛЕВА ДЕРЕВНИ
  - КУНВАР СИНГХ
  - МОТИ
  - О ДНЯХ, КОГДА НЕ БЫЛО КАНЦЕЛЯРСКОЙ ВОЛОКИТЫ
  - ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ
  - БРАТЬЯ
  - ИСПЫТАНИЕ НАРВЫ
  - СУЛТАНА
  - ДОВЕРИЕ
  - БУДХУ
  - ЛАЛАДЖИ
  - ЧАМАРИ
  - ЖИЗНЬ В МОКАМЕХ-ГХАТЕ
  - КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ
  - ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР И КАЛИБРОВ РУЖЕЙ В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МЕР
  - Примечания от выполнившего OCR и корректуру
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59

Джим Корбетт
МОЯ ИНДИЯ

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

«Эта плодородная земля давала небывалые урожаи сахарного тростника, пшеницы, ячменя, рапса и других культур, однако преступления по-прежнему совершались. Правительственный чиновник винил в этом девушек, которые, по его словам, выходили замуж только за успешно действовавших преступников. Мужчины племени специализировались на кражах и грабежах. Старики, жившие в поселении, за определенную долю награбленного обучали воровскому ремеслу молодежь».

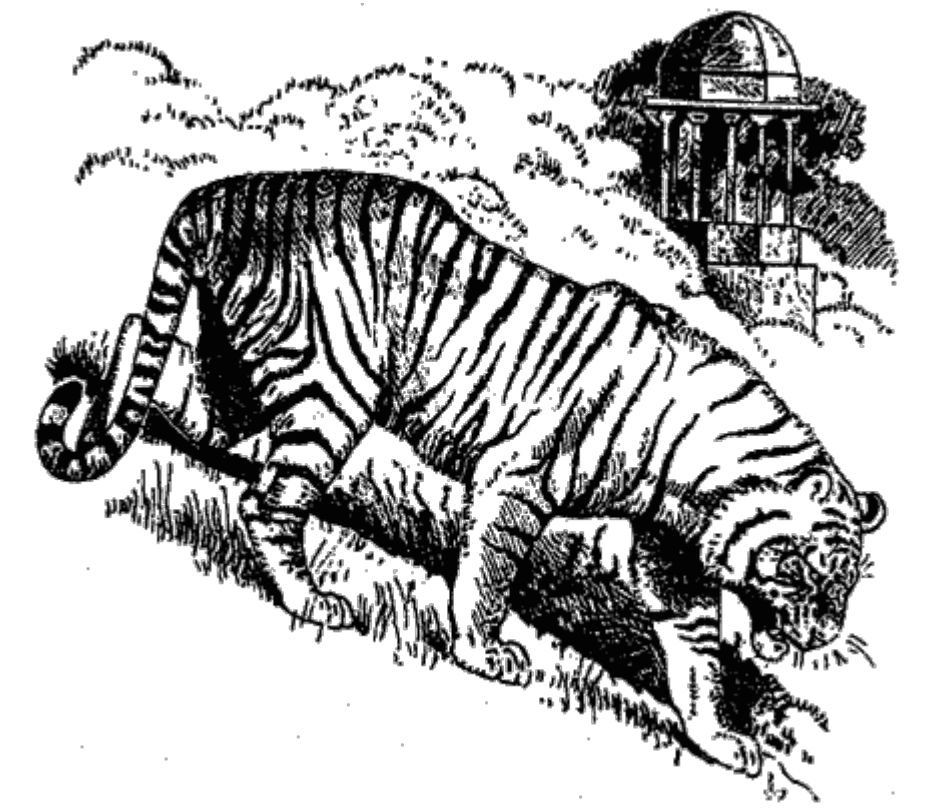
Дж. Корбетт. «Моя Индия»

ПОСВЯЩЕНИЕ

На страницах этой книги вы не найдете истории Индии, рассказа об установлении и падении британского господства или описания причин, в силу которых полуконтинент Индии был разделен на две антагонистические части.[1] Не найдете вы и последствий влияния этого злополучного раздела на судьбы обоих государств и в конечном счете Азии. Всю свою жизнь я провел в Индии. Я находился в самой гуще событий и был тесно связан с людьми, принимавшими в них участие. Поэтому мне трудно дать объективную и беспристрастную оценку тому, что я видел.

В моей Индии, в Индии, которую я знаю, живет четыреста миллионов человек,[2] девяносто процентов из них — простые, честные, мужественные, преданные и трудолюбивые люди. Они ежедневно молят бога и просят правительство лишь о том, чтобы им дали возможность пользоваться плодами трудов своих. На страницах этой книги я расскажу об этих людях, часто называемых «голодающими индийцами», с которыми я провел большую часть жизни. Им, моим друзьям, беднякам Индии, которых я очень люблю, я и посвящаю эту книгу.

ВВЕДЕНИЕ



По всему миру принято называть индийцами людей, населяющих великий полуостров, протянувшийся с севера на юг на две тысячи миль и на столько же с востока на запад. В географическом отношении этот термин, возможно, оправдан, однако надо учитывать, что четыреста миллионов жителей Индии больше отличаются друг от друга по расовому, племенному и кастовому признакам, нежели народы, населяющие Европу. Кроме того, индийцев существенно разделяют религиозные воззрения. Именно религиозные, а не расовые различия привели к расколу Индийской империи на Индию и Пакистан.

«Моей Индией» я называю ту часть огромной страны, которую знаю с детства и где долгое время работал. Я попытался обрисовать жизнь и характеры простых людей, среди которых прожил большую часть моих семидесяти лет.

Взгляните на карту Индии. Найдите мыс Коморин — самую южную оконечность полуострова — и проведите от него линию прямо на север, туда, где Индо-Гангская низменность переходит в предгорье Гималаев. Здесь вы обнаружите Найни-Тал — городок в

горах, летнюю резиденцию правительства Соединенных провинций. С апреля по ноябрь городок до отказа забит европейцами и состоятельными индийцами, спасающимися от жары на равнине. Зимой число обитателей значительно сокращается. Здесь я прожил почти всю свою жизнь.

Теперь оставим этот городок и последуем мысленным взором вниз по течению Ганга к морю мимо Аллахабада, Бенареса и Патны, вплоть до Мокамех-Гхата. Здесь я работал в течение двадцати одного года. События, описываемые в моих рассказах, происходили в районе Найни-Тала и Мокамех-Гхата.

В Найни-Тал можно попасть по многочисленным пешеходным тропинкам и по шоссе, которым мы вполне справедливо гордимся, ибо оно считается лучшей горной дорогой Индии, так как прекрасно спланировано и содержится в идеальном порядке. От конечного пункта железной дороги в Катгодаме на протяжении двадцати двух миль шоссе проходит через леса, где можно встретить тигра и страшную гамадриаду.[3] Дорога постепенно поднимается вверх на высоту четырех с половиной тысяч футов и доходит до Найни-Тала. Район Найни-Тала представляет собой открытую долину, протянувшуюся с востока на запад и окруженную с трех сторон горами, причем высочайшая из них — Чина — достигает 8569 футов.

В долине расположено озеро немногим более двух миль в окружности, которое питает не пересыхающий летом источник. В лесах построены жилые дома, храмы, школы, клубы и отели. В окрестностях есть два рынка. На берегу озера находятся

живописный индуистский храм и высеченная в скале священная гробница. Жрец храма — старый брамин — мой давнишний друг.

Геологи расходятся в мнениях относительно происхождения озера. Некоторые считают, что оно возникло в результате деятельности ледников, другие полагают, что оно вулканического происхождения.

Индусская легенда, однако, связывает возникновение озера с именами трех древних мудрецов — Арти, Пуластья и Пулаха.[4] В священной книге Сканда-Пуране[5] рассказывается, что, совершая паломничество с целью искупления грехов, они пришли на гребень горы Чина. Их мучила жажда. Не найдя воды, они выкопали яму и напустили в нее воду из священного озера Мжасаровар, расположенного в Тибете. После ухода мудрецов в водах озера поселилась богиня Найни. Со временем вокруг озера выросли леса. Множество птиц и животных, привлеченных водой и растительностью, поселилось в долине. В окрестностях храма богини я встречал тигра, леопарда, медведя и других животных. Здесь же, по моим наблюдениям, водятся птицы 128 видов.

Слухи о существовании озера достигли первых английских администраторов этого района. Поскольку жители гор не хотели говорить, где расположено священное озеро, один из администраторов прибегнул к хитроумному плану. Он велел положить на голову горца большой камень и сказал, что тот будет носить его до тех пор, пока не приведет к озеру, где живет богиня Найни. Проблуждав много дней по горам, человек в конце концов устал и привел следовавший за ним отряд к озеру. Когда я был маленьким мальчиком, мне показали камень, который горец якобы носил на голове. Я заметил, что камень слишком велик, чтобы его мог поднять человек: он весил около шестисот фунтов. В ответ на это местный житель сказал: «Да, это большой камень, но ты должен помнить, что в те дни наши люди были очень сильными».

А теперь запаситесь хорошим полевым биноклем и последуйте за мной на вершину горы Чина, откуда вам откроется вид на местность, окружающую Найни-Тал. Дорога очень крутая, но если вас интересуют птицы, деревья и цветы, вы не пожалеете о том, что карабкались вверх три мили. Если, оказавшись на вершине горы, вы, подобно легендарным мудрецам, почувствуете жажду, я покажу вам кристально чистый холодный родник. Здесь вы отдохнете и съедите свой завтрак.

Обратим взор на север. Непосредственно под вами расположена лесистая долина, простирающаяся до реки Коси, за которой протянулось несколько параллельных хребтов. То тут, то там виднеются деревни. На одном из хребтов расположен город

Алмора,[6] а на другом — военный лагерь Раникхет. Дальше опять тянутся хребты, самый высокий из них, Дунгар-Букал, достигает 14.200 футов, однако он выглядит ничтожным перед колоссальным массивом увенчанных снеговыми шапками Гималаев. К северу от вас на расстоянии шестидесяти миль по прямой находится гора Трисул. К востоку и западу от этой величественной вершины высотой в 23.406 футов на протяжении многих сотен миль непрерывной цепью тянутся покрытые снегом горы. На запад от Трисула, там, где снега теряются вдали, виднеются горный массив Ганготри, ледники и вершины, возвышающиеся над святилищами Кедарнатха и Бадринатха. К востоку от Трисула, несколько дальше в глубь страны, вы обнаружите высочайшую вершину Индии Нанда-Деви (25.689 футов). Направо расположена Нанда-Кот — белоснежная подушка богини Парвати.[7] Еще дальше к востоку находятся живописные вершины Панч-Чули — «пять очагов для приготовления пищи». По преданию, ими пользовались Пандавы[8] на пути в Кайлас[9] в Тибете.

Перед восходом солнца, когда Чина и близлежащие горы еще окутаны покровами ночи, снежные вершины изменяют окраску, превращаясь из темно-синих в ярко-розовые. Когда солнечные лучи коснутся уходящих в небо вершин, ярко-розовый цвет перейдет в ослепительно белый. Днем горы выглядят холодными и бесцветными, их вершины как бы припудрены снегом. В лучах заходящего солнца они становятся то ярко-розовыми, то золотыми, то красными — в зависимости от фантазии небесного художника.

Теперь повернитесь спиной к снежным вершинам и обратите свой взор на юг. На самом горизонте вы увидите три города — Барейли, Кашипур и Морадабад. Ближайший из них — Кашипур — находится в пятидесяти милях от вас и так же, как два других города, расположен на основной железнодорожной магистрали, связывающей Калькутту с Пенджабом. Местность между железной дорогой и предгорьями разделяется на три пояса: сначала идет полоса возделанных земель шириной около двадцати миль; далее следует травяной пояс шириной в десять миль — это Тераи; третий лесной пояс шириной в десять миль называют Бхабар. В Бхабаре у подножия гор были расчищены участки леса, и на богатых плодородных землях, питаемых водами многочисленных источников, появились деревни.

Ближайшая группа деревень в районе Каладхунги расположена по дороге в пятнадцати милях от Найни-Тала. Дальше всех находится наша деревня Чхоти-Халдвани. Она окружена каменной стеной, протянувшейся на три мили. Среди

больших деревьев можно разглядеть только крышу нашего коттеджа, расположенного на стыке двух дорог: одна идет из Найни-Тала, а другая огибает предгорья. Горы в этом районе почти целиком состоят из железной руды. Впервые в Индии железо было выплавлено на севере страны, и именно здесь, в Каладхунги. Топливом служили дрова. Опасаясь, что в топках будут сожжены все леса Бхабара, некоронованный король Кумаона[10] — генерал сэр Генри Рамзей закрыл плавильни.

Расположенные между Каладхунги и Чиной более низкие горы густо поросли деревом сал,[11] из которого изготовляются шпалы для наших железных дорог. В ближайшей впадине между хребтами лежит маленькое озеро Кхурпа-Тал, окруженное полями, где выращивается самый лучший в Индии картофель. Вдалеке справа видны отблески лучей солнца в водах Ганга, а слева переливаются воды реки Сарда. В районе предгорий эти реки отстоят друг от друга на двести миль.

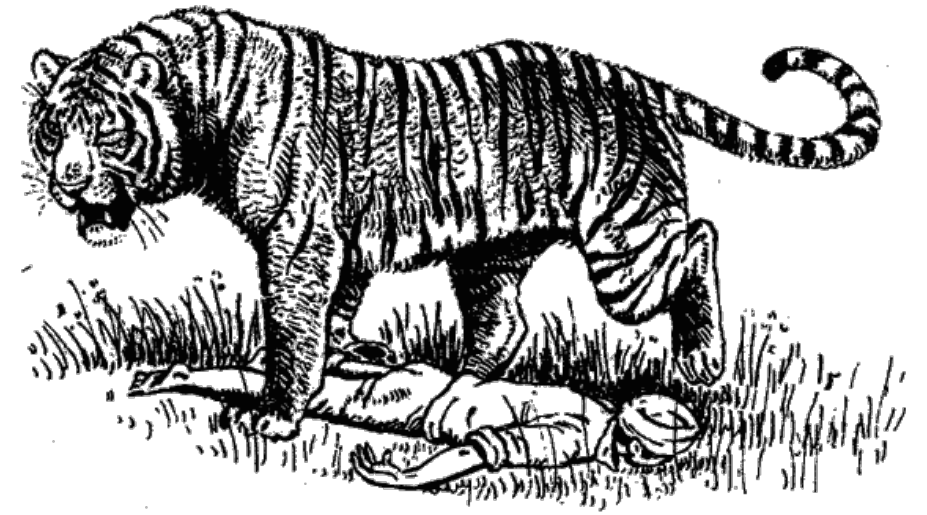
А теперь повернитесь к востоку. На небольшом расстоянии от вас простирается местность, которую в старых справочниках называли «районом шестидесяти озер». Многие озера впоследствии заросли илом, причем некоторые из них даже на моей памяти. Сейчас остались только Найни-Тал, Сэт-Тал, Бхим-Тал и Накучия-Тал.

За озером Накучия-Тал находится конусообразная гора Чхоти-Кайлас. Говорят, что боги гневаются, когда на этой священной горе убивают птиц или животных. Последний, кто нарушил волю богов, солдат, приехавший в отпуск во время войны, непонятным образом оступился после того, как убил горную козу. На глазах у своих товарищей он свалился в пропасть глубиной в тысячу футов.

За Чхоти-Кайласом находится хребет Кала-Агар, где в течение двух лет я охотился на тигра-людоеда из Чоугара. За этим хребтом, насколько хватает глаз, простираются горы Непала.

Сейчас обратите свой взор на запад. Однако сначала вам придется спуститься на несколько сотен футов, где находится горная вершина Деопатта высотой в 7991 фут. Прямо под вами раскинулась глубокая, широкая и густо поросшая лесом долина, начинающаяся у седловины между Чиной и Деопаттой и проходящая через Дачаури к Каладхунги. Флора и фауна этого района богаче, чем где-либо в другом месте Гималаев. Окружающие долину горы тянутся неразрывной цепью до Ганга. Его воды, искрящиеся под лучами солнца, вы можете увидеть на расстоянии ста миль. За Гангом протянулась цепь холмов Сивалик, которые были старыми еще до того, как появились мощные Гималаи.

КОРОЛЕВА ДЕРЕВНИ



Теперь я приглашаю читателя последовать за мной в одну из деревень, которую он видел, обозревая местность с вершины горы Чина. Параллельные линии, пересекающие гору, — террасированные поля. Ширина некоторых из них не превышает десяти футов, а высота каменных стен, поддерживающих их, достигает местами тридцати футов. Возделывание этих узких полей, когда по одну сторону у вас отвесная скала, а по другую — глубокая пропасть, — работа трудная и опасная. Вспашку производят плугом с короткой рукояткой, в который впрягают низкорослый, выносливый скот, выросший в горах и привыкший к местным условиям. Мужественные люди, создавшие эти поля ценой бесконечных усилий, живут в каменных домах с шиферными крышами, вытянувшихся вдоль неровной и узкой дороги, проходящей по равнинам Бхабара во внутренние районы Гималаев. Жители этой деревни знают меня, так как однажды, получив от них срочную телеграмму, я поспешно прибыл из Мокамех-Гхата, чтобы избавить их от тигра-людоеда.

Телеграмма была послана на средства, собранные всей деревней, и доставлена в Найни-Тал специальным гонцом. Событие, послужившее поводом для ее отправки, произошло в полдень в поле за деревней. Одна женщина со своей двенадцатилетней дочерью жала пшеницу, как вдруг появился тигр. Девочка побежала к матери, но тигр набросился на нее, оторвал голову и, схватив тело, скрылся прыжками в прилегающих к полю джунглях, оставив голову девочки у ног

матери.

Телеграммы, даже срочные, идут долго, и, поскольку мне пришлось совершить путешествие в тысячу миль по железной дороге и шоссе, а последние двадцать миль идти пешком, я прибыл в деревню через неделю после того, как была отправлена телеграмма. За это время тигр убил еще одного человека. Жертвой оказалась женщина, которая прежде жила со своим мужем и детьми по соседству со мной в Найни-Тале. Эта женщина вместе с другими косила траву на горе за деревней. Тогда-то тигр напал на нее, убил и утащил тело на глазах у всех присутствовавших. Крики перепуганных женщин были слышны в деревне. Пока они бежали в Найни-Тал сообщить о трагическом случае, мужчины собрались и отогнали тигра. Они с присущей индийцам убежденностью верили, что я откликнусь на телеграмму, и, желая сохранить труп до моего приезда, завернули его в одеяло и привязали на верхушке рододендрона высотой в тридцать футов. Судя по последующим действиям тигра, ясно, что он лежал где-то поблизости и наблюдал за всем происходившим. Если бы он не видел, как тело поместили на дереве, он никогда бы его не обнаружил, поскольку у тигров совершенно отсутствует обоняние.

Когда женщины сообщили в Найни-Тал о случившемся, муж погибшей пришел к моей сестре Мэгги и сказал, что тигр убил его жену. На рассвете следующего дня Мэгги направила нескольких наших людей в деревню соорудить махан[12] над умершей и караулить там до моего прибытия, которое ожидалось в этот же день. Получив в деревне все необходимое для махана, мои люди в сопровождении местных жителей направились к рододендрону. Но там они обнаружили, что тигр, забравшись на дерево, разорвал одеяло и утащил труп. И опять безоружные, но исполненные мужества жители деревни вместе с моими людьми пошли по следу тигра. Пройдя полмили, они нашли частично съеденный труп и начали сооружать на дубе махан. Когда работа была закончена, случайно к месту происшествия подошел охотник из Найни-Тала, целый день охотившийся в этом районе. Сказав, что он мой друг, этот человек отпустил моих людей домой, а сам остался караулить тигра.

Мои люди вернулись в Найни-Тал, куда я уже прибыл к тому времени, и рассказали мне о случившемся. Охотник же, его слуга и носильщик с продовольственной корзинкой и фонарем заняли позицию на махане. Ночь была безлунная. Охотнику не верилось, что тигр находится где-то поблизости, и он зажег фонарь, чтобы осветить пространство под деревом. Когда он опускал фонарь на веревке, она выскользнула у него из рук, фонарь разбился и

начался пожар. Дело происходило в мае, и в наших лесах все высохло. Не прошло и минуты, как сухая трава и валежник у подножия дерева заполыхали. Проявив большое мужество, охотник спустился с дерева и попытался сбить пламя своей твидовой курткой. Но тут он вспомнил о тигре-людоеде и быстро вскарабкался назад на махан. Горящая куртка осталась внизу.

При свете пожара стало ясно, что труп исчез. Однако к этому времени охотник утратил всякий интерес к трупу; его больше волновали собственная безопасность и тот ущерб, который пожар причинит государственным лесам. Сильный ветер перенес огонь в другое место, но через восемь часов ливень и град погасили его. Тем не менее несколько квадратных миль леса оказались выжженными. Это была первая и последняя попытка встретиться с тигром-людоедом, предпринятая охотником, который вначале чуть не сгорел, а потом едва не замерз. На следующее утро, когда усталый охотник возвращался в Найни-Тал, я направлялся в деревню другой дорогой, не подозревая о том, что произошло ночью.

По моей просьбе жители деревни привели меня к рододендрону, и я был поражен тем упорством, с которым тигр стремился вновь завладеть трупом. Разорванное одеяло находилось на высоте двадцати пяти футов над землей. Следы когтей на коре и на мягкой почве под деревом, а также поломанный кустарник — все это говорило о том, что тигр карабкался на дерево и падал по крайней мере раз двадцать, прежде чем ему удалось разорвать одеяло и унести тело. От этого места тигр тащил труп полмили до дерева, на котором потом был устроен махан. Далее огонь уничтожил все следы тигра и его ноши. Однако, пройдя милю в направлении, которое, по моему мнению, должен был избрать тигр, я наткнулся на обгорелую голову женщины. Примерно в ста метрах начинались густые заросли, не тронутые огнем. В течение многих часов я внимательно осматривал эти заросли на протяжении пяти миль вплоть до того места, где начинается долина. Но никаких следов тигра обнаружить не удалось. (Потом я узнал, что с того момента, когда охотник случайно набрел на махан, и до того, когда тигра застрелили, зверь убил еще пять человек.)

После бесплодных поисков в зарослях я возвратился в деревню, где жена старосты приготовила для меня пищу, которую ее дочери подали на медных тарелках. Хорошенько поев (что оказалось весьма кстати, поскольку у меня ничего не было во рту целый день), я собрал тарелки, намереваясь помыть их в протекавшем поблизости ручье. Увидев это, три девушки подбежали ко мне и забрали тарелки. Смеясь, они сказали, что

обычаи их касты — они принадлежали к касте браминов — не будут нарушены, если они помоют посуду, из которой ел белый садху.[13]

Теперь деревенского старосты уже нет в живых, а его дочери вышли замуж и покинули деревню. Но жива его жена, и вы, читатель, сопровождающий меня в деревню после осмотра местности с вершины горы Чина, должны быть готовы выпить чай, приготовленный на жирном свежем молоке с пальмовым сахаром.

Мы спускаемся по крутому склону горы, у которого расположена деревня. Нас заметили, расстелили на земле небольшой изношенный ковер и поставили два плетеных кресла, покрытых шкурами горала. Рядом с креслами стоит, приветствуя нас, жена деревенского старосты. Здесь нет обычая парды,[14] и она не смутится, если вы пристально взглянете на нее. А на нее стоит посмотреть: правда, ее некогда иссиня-черные волосы поседели, а цветущие щеки увяли и стали желтовато-белыми, но они по-прежнему гладкие, без единой складки или морщинки. Ее предками были сто поколений браминов, и в жилах ее течет такая же чистая кровь, как кровь основателя рода. Все люди гордятся чистотой своего происхождения, но нигде не относятся к этому с таким уважением, как в Индии. В деревне, которой правит эта милая старая женщина, живут люди, принадлежащие к разным кастам, но ее право на власть не вызывает ни у кого сомнений, и ее слово является законом. И не потому, что за ней стоят сильные слуги (у нее их нет), а потому, что она принадлежит к касте браминов, являющихся солью индийской земли.[15]

Высокие цены, установившиеся за последние годы на сельскохозяйственные продукты, принесли деревне процветание, как его понимают в Индии, и наша хозяйка в полной мере получила свою долю благ. Нитка дутых золотых шариков, составлявшая часть ее приданого, все так же украшает ее шею, но массивный золотой обруч заменил прежнее тонкое серебряное ожерелье, спрятанное ныне в фамильном банке — ямке в земле под очагом. В давно минувшие дни в ушах у нее не было украшений, а теперь через верхнюю половину уха продето несколько тонких золотых колец. В носу у нее золотое кольцо диаметром в пять дюймов, вес которого частично облегчается тонкой золотой цепочкой, закинутой за правое ухо. Она одевается, как и все женщины высших каст, живущие в горах. Ее одежда состоит из шали, плотно обтягивающего корсажа из теплой материи и широкой ситцевой юбки. Ходит она босиком, поскольку даже в наше просвещенное время жители гор считают, что ношение башмаков свидетельствует о недостаточной чистоте происхождения.[16]

Старая женщина удалилась во внутренние комнаты, чтобы приготовить чай. Пока она занимается этим приятным делом, вы можете обратить внимание на лавочку купца-бании,[17] расположенную на другой стороне узкой дороги. Бания тоже мой старый друг. Поприветствовав нас и одарив пачкой сигарет, он снова уселся, скрестив ноги, на деревянном помосте, где разложены товары. Жители деревни или путешественники могут найти здесь самые необходимые товары: атта (пшеница грубого помола, которая служит основным продуктом питания жителей гор), рис, дал,[18] топленое масло. В лавке имеются лежалые сладости, купленные за бесценок на рынке в Найни-Тале, горный картофель, который подошел бы даже для королевского стола, огромные редьки, настолько горькие, что слезы выступают у тех, кто только смотрит, как их едят, а также сигареты, спички и керосин. Рядом с помостом на расстоянии вытянутой руки находится железная кастрюля, в которой целый день кипятится молоко.

После того как бания занял свое место на помосте, собираются немногочисленные покупатели. Первым пришел маленький мальчик с младшей сестренкой. Гордый обладатель пайсы[19] хочет истратить ее на покупку сладостей. Взяв монетку из грязной ручонки мальчика, бания бросает ее в открытую коробку. Затем, согнав с подноса ос и мух, он выбирает квадратик из сахара и творога, ломает его пополам и кладет по кусочку в протянутые ручки детей. Следом приходит женщина, принадлежащая к низшей касте. На одну анна она покупает атта. Две пайсы тратятся на приобретение дала самого грубого из трех сортов, выставленных на прилавке. На оставшиеся две пайсы женщина покупает немного соли и одну из горьких редек. Потом, сказав с уважением «салам» бании, ибо он человек, достойный уважения, она спешит домой приготовить обед для семьи.

В то время как женщина занималась покупками, громкие свистки и крики мужчин возвестили о приближении каравана мулов. Они нагружены полотном, изготовленным на ручных станках в Морадабаде для продажи на рынках во внутренних горных районах. Взмокшие мулы проделали тяжелый подъем по неровной дороге из предгорий. Пока они отдыхают, четверо мужчин, сопровождающих караван, усаживаются на сооруженную банией для своих покупателей скамейку, чтобы выкурить сигарету и выпить стакан молока. Молоко — самый крепкий напиток, который когда-либо продавался в этой лавочке, так же как и в сотнях других придорожных лавочек в горах. Дело в том, что, за исключением тех немногих, которые вошли в соприкосновение с так называемой цивилизацией, наши горцы не

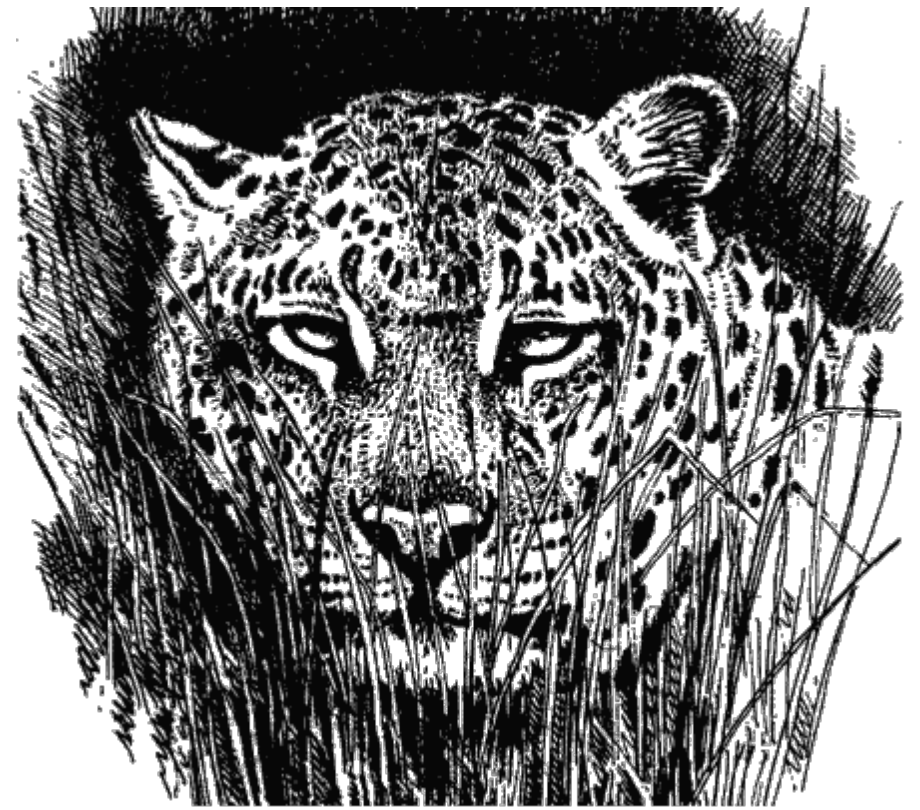
пьют. Женщины же моей Индии совершенно не пьют вина.

Газета никогда не попадала в эту деревню, и все новости о внешнем мире жители узнают во время своих поездок в Найни-Тал или от путников, среди которых наиболее осведомленными являются бродячие торговцы. Направляясь в горы, они приносят новости из отдаленных равнин Индии, а возвращаясь назад через месяц или позже, рассказывают о том, что узнали в торговых центрах, где они продают свои товары.

Старая женщина уже приготовила для нас чай. Будьте осторожны с металлическим стаканчиком, наполненным до краев, поскольку вы можете легко обжечь руки. К этому времени в центре внимания присутствующих оказались уже не бродячие торговцы, а мы, и нравится вам или нет сладкая горячая жидкость, но нужно выпить ее всю, до капли, ибо на нас обращены взоры жителей деревни, гостями которых мы являемся. Оставив хоть несколько капель в кружке, вы тем самым покажете, что напиток недостаточно хорош. Некоторые пытались предлагать деньги за гостеприимство, которым они пользовались, но мы не совершим подобной ошибки. Эти простые гостеприимные люди очень горды. Предложив милой старой женщине плату за чашку чая, мы оскорбим ее точно так же, как оскорбили бы банию, предложив деньги за пачку сигарет.

Покидая место, где я провел лучшую часть жизни, одну из многих деревень, разбросанных на огромном пространстве, осмотренном вами в полевой бинокль с вершины горы Чина, вы можете быть уверены, что оказанное вам гостеприимство и приглашение вновь посетить деревню являются подлинным выражением чувства привязанности и доброй воли, которые испытывает народ моей Индии ко всем, кто его знает и понимает.

КУНВАР СИНГХ



Кунвар Сингх принадлежал к касте такуров[20] и был старостой деревни Чандни-Чок. Был он хорошим или плохим старостой, я не знаю.

Мне же он был дорог потому, что являлся самым лучшим и удачливым браконьером в Каладхунги, а также преданным поклонником моего старшего брата Тома, героя моего детства.

Кунвар Сингх знал много историй о Томе, так как неоднократно сопровождал его в охотничьих экспедициях. Рассказ, который мне нравится больше других и интерес к которому у меня никогда не ослабевает, повествует о состязании в стрельбе, состоявшемся как-то между братом Томом и человеком по имени Эллис. За год до этого Том опередил Эллиса на стрелковых соревнованиях на одно очко и завоевал золотую медаль лучшего стрелка Индии.

Однажды Том и Эллис, не зная того, охотились в одном и том же районе джунглей около Гаруппу. Рано утром, когда туман начал подниматься над верхушками деревьев, они встретились на

подходе к возвышенности, расположенной над широким ущельем, где в этот утренний час всегда можно обнаружить оленей и кабанов. Тома сопровождал Кунвар Сингх, а с Эллисом был охотник из Найни-Тала по имени Будху, которого Кунвар Сингх презирал как человека, принадлежащего к низшей касте и ничего не знавшего о джунглях. После обмена обычными приветствиями Эллис сказал, что, хотя Том и опередил его на одно жалкое очко на соревнованиях стрелков, он докажет ему, что является лучшим стрелком. Для решения спора он предложил, чтобы каждый сделал по два выстрела. Бросили жребий, и Эллис должен был стрелять первым. После этого оба стали осторожно приближаться к низине. Эллис был вооружен ружьем системы «мартини-генри» 450-го калибра, из которого он стрелял на соревнованиях, а у Тома была скорострельная двустволка системы «вестли-ричардс» 400-го калибра, которой он с полным основанием гордился, поскольку в то время в Индии было еще мало ружей этого образца.

Возможно, ветер дул в неблагоприятном направлении или охотники приближались неосторожно. Так или иначе, когда соперники достигли вершины возвышенности, внизу не было видно никаких животных. По краю низины проходила полоса сухой травы, а за ней простирался участок с выжженной травой. Здесь пробивались ростки новой зелени, а по утрам и вечерам можно было встретить диких животных. Кунвар Сингх считал, что некоторые животные, возможно, прячутся в сухой траве и вместе с Будху поджег ее.

Когда трава разгорелась, дронго, сизоворонки и скворцы стали слетаться отовсюду, чтобы поживиться кузнечиками, тучами спасавшимися от огня. Вдруг в дальнем конце заросшей травой полосы началось какое-то движение. Затем оттуда выскочили два больших кабана и стремглав бросились через выжженное пространство, чтобы найти убежище в джунглях, начинавшихся примерно в трехстах метрах. Действуя весьма осмотрительно, Эллис, весивший более девяноста килограммов, опустился на колени, поднял ружье и выстрелил в кабана, бежавшего вторым. Пуля подняла пыль между задними ногами животного. Опустив ружье, Эллис перевел прицел на двести метров, выбросил стреляную гильзу и заложил новый патрон. Вторая пуля подняла облако пыли перед кабаном, бежавшим первым.

Второй выстрел заставил кабанов отклониться вправо. Теперь они бежали со все увеличивающейся скоростью, боком к стрелявшим. Наступила очередь Тома; он должен был торопиться, поскольку кабаны быстро приближались к джунглям и уходили из

пределов досягаемости. Стоя, Том поднял ружье, грянуло два выстрела, и оба кабана с простреленными головами опрокинулись навзничь, подобно кроликам. Эту историю Кунвар Сингх неизменно заканчивал следующим образом: «Затем я повернулся к Будху, этому городскому жителю с намазанными маслом волосами, отец которого принадлежал к низшей касте, и сказал: „Ты видел это, ты, который хвастал, что твой господин научит моего стрелять? Если бы мой господин захотел унизить вас обоих, он не стал бы стрелять два раза, а убил бы обоих кабанов одной пулей“». Каким образом можно было совершить подобный подвиг, Кунвар Сингх никогда не говорил мне, а я не спрашивал, ибо верил в своего героя до такой степени, что ни на минуту не сомневался в его способности застрелить двух кабанов одной пулей, пожелай он этого.

Кунвар Сингх первым пришел ко мне в тот незабываемый день, когда мне впервые подарили ружье. Он появился рано, и когда я с величайшей гордостью показал ему старую шомпольную двустволку, он сделал вид, что не заметил зияющую трещину в правом стволе и витки медной проволоки, скреплявшие приклад со стволами. Обсуждались лишь положительные качества левого ствола, которые явно преувеличивались. Он говорил о его длине, толщине стенок и о том, что ствол прослужит еще много лет. Затем, отложив ружье в сторону, Кунвар Сингх повернулся ко мне и сказал, проливая бальзам на сердце восьмилетнего мальчика и доставляя ему удовольствие вдвойне гордиться своим приобретением: «Теперь ты больше не мальчик, а мужчина. С этим прекрасным ружьем ты можешь не опасаясь отправиться в любое место наших джунглей при условии, если научишься залезать на деревья. Я расскажу тебе историю о том, как важно для нас, мужчин, охотящихся в джунглях, уметь это делать.

Однажды в апреле прошлого года Хар Сингх и я отправились на охоту. Все было бы хорошо, если бы лиса не перебежала нам дорогу, когда мы выходили из деревни. Хар Сингх, как ты знаешь, плохой охотник и мало что знает об обитателях джунглей. Когда, заметив лису, я предложил вернуться домой, он посмеялся надо мной и сказал, что только дети верят, будто лиса приносит несчастье. И мы продолжали свой путь.

Мы отправились в дорогу, когда звезды начали бледнеть. Около Гаруппу я выстрелил в олененка и непонятным образом промахнулся. Потом Хар Сингх прострелил крыло павлина, но, хотя мы изо всех сил гонялись за ним, он спрятался в высокой траве и мы не нашли его. Мы исходили джунгли вдоль и поперек, но больше не встретили ни одного зверя и к вечеру двинулись в обратный путь.

Поскольку мы сделали два выстрела, то опасались, что объездчики будут искать нас, и поэтому избегали дороги и шли по песчаному руслу высохшей реки, пересекая густые заросли боярышника и бамбука. Так мы шли, разговаривая о своих неудачах, как вдруг нам навстречу вышла тигрица, остановилась и стала смотреть на нас. В течение минуты, показавшейся нам вечностью, тигрица разглядывала нас, а затем повернулась и ушла.

Выждав некоторое время, мы пошли дальше, но тигрица снова вышла на нашу дорогу. На этот раз она не только смотрела на нас, но стала рычать и подергивать хвостом. Мы опять замерли, и немного погодя тигрица успокоилась и ушла. Вскоре из густого кустарника с криками поднялась стайка лесных птиц, по-видимому потревоженная тигрицей. Одна из них опустилась на дерево халду прямо перед нами. Когда птица села на ветку у нас на виду, Хар Сингх сказал, что подстрелит ее, чтобы не возвращаться домой с пустыми руками. Он добавил, что выстрел напугает тигрицу и заставит ее уйти. Прежде чем я смог что-нибудь сделать, он выстрелил.

В следующее мгновение раздался ужасный рев, и тигрица, ломая кусты, направилась к нам. В этом месте, на краю высохшего русла реки, росло несколько деревьев руни. Я бросился к одному из них, а Хар Сингх к другому. Тигрица была ближе к моему дереву, но я успел вскарабкаться очень высоко и был вне досягаемости. Хар Сингх в детстве не научился лазать по деревьям. Когда тигрица, оставив меня, приблизилась к нему, он все еще стоял на земле, пытаясь ухватиться за ветки дерева. Тигрица не укусила и не растерзала Хар Сингха. Встав на задние лапы, она обхватила дерево, прижав к нему Хар Сингха, и затем начала отрывать когтями большие куски коры и древесины с обратной стороны дерева. Все это время Хар Сингх пронзительно кричал, а тигрица рычала. Я захватил с собой на дерево ружье и теперь, упираясь босыми ногами, взвел курок и выстрелил в воздух. Услышав выстрел на таком близком расстоянии, тигрица удалилась большими прыжками, а Хар Сингх свалился на землю у подножия дерева.

Через некоторое время я тихонько спустился на землю и подошел к Хар Сингху. Я обнаружил, что когти тигрицы вонзились ему в живот, разорвали его от пупка почти до позвоночника и все внутренности вывалились наружу. Я оказался в затруднительном положении. Уйти и оставить Хар Сингха я не мог и, не имея опыта в подобных делах, не знал, как поступить лучше — попробовать засунуть внутренности назад в живот или отрезать их. Я тихо поговорил об этом с Хар Сингхом, опасаясь,

что тигрица услышит, вернется и убьет нас. Хар Сингх считал, что нужно вложить внутренности в живот. Итак, пока он лежал на спине, я засунул их назад вместе с прилипшими сухими листьями, травой и кусочками дерева. Затем я крепко-накрепко обвязал его своим пагри,[21] чтобы внутренности опять не вывалились, и мы отправились в семимильный путь к своей деревне. Я шел впереди, неся два ружья, а Хар Сингх сзади.

Нам пришлось идти медленно, поскольку Хар Сингх должен был удерживать пагри на месте. Наступила ночь, и Хар Сингх сказал, что лучше отправиться не в деревню, а в больницу в Каладхунги. Я спрятал ружья, и мы прошли еще три мили. Когда мы пришли, больница была закрыта, однако бабу-доктор, который живет рядом, еще не ложился спать. Узнав о случившемся, он послал меня за торговцем табаком Аладиа, который к тому же был почтмейстером в Каладхунги, за что ежемесячно получал от правительства пять рупий. Тем временем доктор зажег фонарь и повел Хар Сингха в барак, где помещалась больница. Когда я вернулся с Аладиа, доктор уложил Хар Сингха на кровать. Аладиа держал фонарь, я соединял края раны, а доктор сшивал их. После этого доктор, очень добрый молодой человек, отказался взять предложенные мною две рупии и дал Хар Сингху выпить хорошее лекарство, чтобы он забыл о боли в животе. Затем мы отправились домой, где нашли наших женщин в слезах: они думали, что нас убили разбойники или растерзали дикие звери. Таким образом, ты видишь, господин, насколько важно людям, охотящимся в джунглях, уметь лазать по деревьям. Если бы кто-нибудь в детстве научил этому Хар Сингха, он не причинил бы нам столько беспокойства».[22]

Я многое узнал от Кунвар Сингха в течение первых лет охоты с моим старым ружьем. Я, например, научился составлять в уме карту местности. Иногда мы охотились вместе, но чаще я охотился один, поскольку Кунвар Сингх боялся разбойников и порой по неделям не выходил из своей деревни. Джунгли простирались на много сотен квадратных миль, и через них проходила только одна дорога. Много раз, возвращаясь с охоты, когда мне удавалось подстрелить читала, замбара или большого кабана, я заходил в деревню, где жил Кунвар Сингх, расположенную на три мили ближе к лесу, чем мой дом, чтобы попросить его принести добычу. Он всегда находил ее, в каких бы диких зарослях леса, кустарника или травы я ни прятал от хищников подстреленное животное. У нас было свое название для каждого приметного дерева, для каждой лужи, звериной тропки или высохшего русла реки. Все расстояния мы измеряли дальностью воображаемого полета пули, выпущенной из моего

ветхого ружья, а направление определяли по компасу. Когда я прятал подстреленное животное или Кунвар Сингх замечал хищных птиц, собравшихся на дереве, и подозревал, что леопард или тигр убил кого-то, один из нас отправлялся в лес, абсолютно не сомневаясь, что нужное место будет найдено в любое время дня и ночи.

После того как я окончил школу и начал работать в Бенгалии, я мог приезжать в Каладхунги лишь раз в году примерно на три недели. Во время одного из таких приездов я страшно расстроился, узнав, что мой старый друг Кунвар Сингх стал жертвой беды, обрушившейся на наши горы, — опиума. Пагубная привычка овладевала его организмом, ослабленным малярией, и, хотя он неоднократно давал мне обещания отказаться от нее, у него уже не было сил сдержать свое слово. Поэтому я не удивился, когда, приехав однажды в феврале в Каладхунги, услышал от жителей нашей деревни, что Кунвар Сингх серьезно болен. Весть о моем прибытии распространилась за ночь по Каладхунги, и на следующее утро восемнадцатилетний парень, младший сын Кунвар Сингха, прибежал ко мне, чтобы сообщить о том, что отец при смерти и хочет повидаться со мной.

Староста деревни Чандни-Чок, выплачивавший правительству четыре тысячи рупий земельного налога, Кунвар Сингх был важной персоной и жил в большом каменном доме под шиферной крышей, где мне часто оказывалось гостеприимство. Однако, приблизившись к деревне вместе с сыном Кунвар Сингха, я услышал, что причитания женщин доносятся не из его дома, а из однокомнатной хижины, выстроенной Кунвар Сингхом для одного из слуг. Подводя меня к хибарке, сын Кунвар Сингха сказал, что отца переместили туда потому, что в доме ему мешали спать внуки. Увидев нас, старший сын Кунвар Сингха вышел из хижины и сообщил, что отец находится в бессознательном состоянии и жить ему осталось лишь несколько минут. Я остановился в дверях, и, когда мои глаза привыкли к полумраку, сквозь клубы дыма, заполнявшего комнату, увидел Кунвар Сингха, лежавшего на земляном полу, голого и лишь слегка прикрытого простыней. Его безжизненную правую руку поддерживал старик, сидевший рядом на земле. Пальцы Кунвар Сингха были сложены на хвосте коровы. Согласно верованиям индусов, душе умершего предстоит переправиться через реку крови. На противоположном берегу ее находится Судья, которому душа должна ответить за свои грехи. Только при помощи хвоста коровы отделившаяся душа может переправиться через эту реку. В противном случае ей суждено оставаться на земле, и она будет причинять муки тем, кто не предоставил ей средства,

необходимого для того, чтобы предстать пред троном Судьи.

У головы Кунвар Сингха стояла жаровня, в которой горели лепешки из коровьего навоза. Рядом с жаровней сидел жрец, бормоча молитвы и позванивая в колокольчик. Вся комната была до отказа набита мужчинами и причитавшими женщинами, которые без конца повторяли: «Он умер! Он умер!»

Я знал, что люди ежедневно умирают в Индии именно таким образом, но не хотел допустить, чтобы мой друг был одним из них. Я хотел бы сделать так, чтобы он никогда не умирал или по крайней мере не умер сейчас. Войдя в комнату, я поднял железную жаровню, которая оказалась горячее, чем я предполагал, и обожгла мне руки, и выбросил ее за дверь. Вернувшись, я перерезал веревку, которой корова была привязана к колу, вбитому в земляной пол, и вывел ее из помещения. Когда эти действия, совершенные мною в полном молчании, были замечены собравшимися, гомон начал стихать и совсем прекратился после того, как я взял жреца за руку и вывел из комнаты. Затем, стоя в дверях, я приказал всем выйти. Никто не протестовал, и мой приказ был выполнен безропотно. Из комнаты вышло невероятное количество людей, старых и молодых. Когда последний из них оказался за порогом, я сказал старшему сыну Кунвар Сингха, чтобы он как можно скорее подогрел два сира молока[23] и принес его мне. Он смотрел на меня в полном недоумении, однако, когда я повторил свою просьбу, поспешно удалился, чтобы исполнить ее.

Вернувшись в хижину, я отодвинул от стены кровать, поднял Кунвар Сингха с пола и положил его на нее. Больной крайне нуждался в свежем воздухе, и притом в большом количестве. Оглядевшись вокруг, я заметил маленькое окошко, забитое досками. Не много времени потребовалось, чтобы сорвать доски и впустить струю свежего, благоухающего воздуха из джунглей в жарко натопленную комнату, где воздух был пропитан человеческими испарениями, едким дымом, запахом коровьего навоза и горелого топленого масла.

Взяв на руки изможденное тело Кунвар Сингха, я понял, что жизнь в нем едва теплится. Глубоко запавшие глаза были закрыты, губы посинели, дыхание стало прерывистым. Вскоре, однако, свежий, чистый воздух начал возвращать ему жизнь, и он стал дышать свободнее и ровнее. Наконец я, сидя на кровати и наблюдая через дверь за волнением, охватившим плакальщиков, удаленных мною из комнаты умирающего, почувствовал, что Кунвар Сингх открыл глаза и смотрит на меня. Не поворачивая головы, я начал говорить:

«Времена меняются, и вместе с ними ты, дядюшка. Раньше

никто не посмел бы вынести тебя из собственного дома и положить умирающего на землю в хижине слуги, как какого-то бездомного нищего. Ты не слушал моих предостережений, и теперь проклятое зелье довело тебя до такого состояния. Если бы я сегодня не сразу откликнулся на твою просьбу, ты был бы уже на пути к огненной реке. Все люди уважали тебя, старосту Чандни-Чока и лучшего охотника в Каладхунги. Теперь ты лишился их уважения. Ты, который был сильным человеком и ел лучшую пищу, теперь ослабел и лежишь с пустым желудком. Когда мы пришли, твой сын сказал, что шестнадцать дней у тебя ничего не было во рту. Но ты не умрешь, старый друг, вопреки тому, что они тебе говорили. Ты проживешь еще много лет, и, хотя мы, возможно, не будем охотиться вместе в джунглях Гаруппу, у тебя всегда будет достаточно мяса. Всем, что добуду на охоте, я буду делиться с тобой, как делился раньше.

А теперь здесь, в этой хижине, когда твои пальцы обмотаны священным шнуром и в руках твоих лист смоковницы,[24] ты должен поклясться головой своего старшего сына, что никогда больше не прикоснешься к отвратительному зелью. На этот раз ты выполнишь клятву. А теперь, пока твой сын принесет молоко, мы покурим».

Пока я говорил, Кунвар Сингх не сводил с меня глаз. Наконец губы его зашевелились и он сказал:

«Как может умирающий человек курить?» — «Не будем больше говорить о смерти, — сказал я, — потому что ты не умрешь. А как мы будем курить, я тебе сейчас покажу».

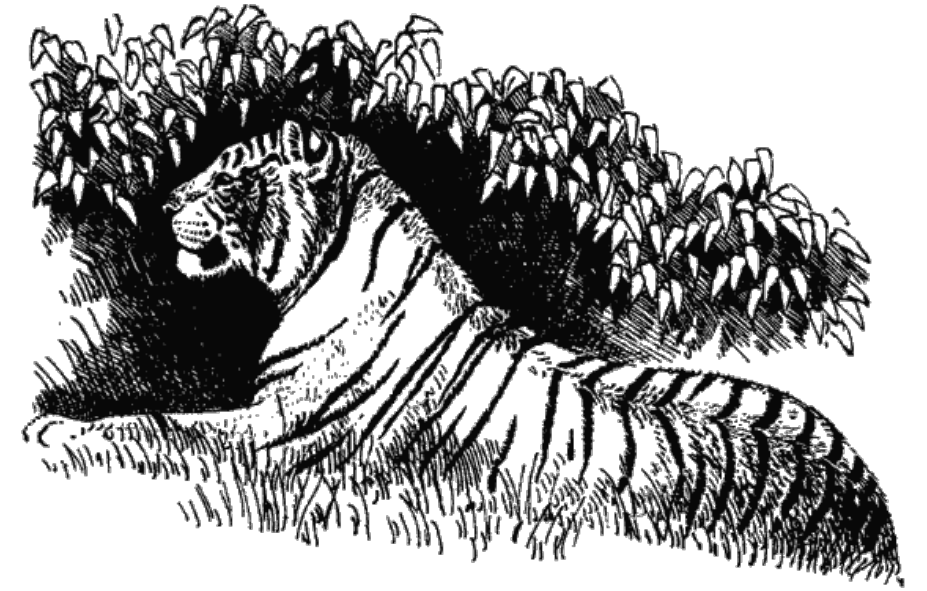
Затем, вынув из портсигара две сигареты, я зажег одну из них и вставил ему в рот. Он медленно затянулся, закашлялся и дрожащей рукой вынул ее изо рта. Однако когда приступ кашля прошел, он снова взял сигарету в рот и продолжал курить. Мы еще курили, когда вернулся сын Кунвар Сингха. В руках у него был большой медный сосуд, который он уронил бы у дверей, если бы я вовремя не подхватил его. Удивление этого человека было вполне понятно. Ведь он оставил своего отца умирающим на земле, а теперь он лежал на кровати, голова его покоилась на моей шляпе, и он курил. В хижине не было никакой посуды, из которой можно было пить, и я отправил сына за чашкой. Когда он вернулся, я напоил Кунвар Сингха теплым молоком.

Я оставался в хижине до поздней ночи. За это время Кунвар Сингх выпил целый сир молока и спокойно спал в теплой и удобной кровати. Прежде чем уйти, я предупредил сына, что он обязан никого не подпускать к хижине, неотлучно находиться у постели отца и поить его молоком всякий раз, когда тот проснется.

На следующее утро, когда солнце только поднималось, я вернулся в Чандни-Чок и обнаружил, что Кунвар Сингх и его сын крепко спят, а медный сосуд, в котором было молоко, пуст.

Кунвар Сингх сдержал клятву, и хотя он не восстановил свои силы настолько, чтобы сопровождать меня на охоте, он часто навещал меня и умер мирно четыре года спустя в своем собственном доме, на своей постели.

МОТИ



У Моти были изящные, точеные черты лица, свойственные всем представителям высших каст Индии.[25] Он был еще подростком, тело которого состояло, казалось, из одних рук и ног, когда умерли его отец и мать, оставив на попечение мальчика всю семью. К счастью, семья была невелика: только младший брат и сестра.

Моти было в то время четырнадцать лет, и он уже шесть лет был женат. Первое, что он сделал, неожиданно став главой семьи, — привез свою двенадцатилетнюю жену, которую не видел со дня свадьбы, из дома ее отца в Кота-Дан, примерно в двенадцати милях от Каладхунги.

Поскольку четыре подростка не могли своими силами обработать шесть акров земли, доставшихся Моти по наследству, он взял себе напарника, которого в этих местах называют «саджхи». Этот человек за свою работу получал бесплатную еду, жилье и половину собранного урожая. Чтобы построить общую хижину, надо было срезать в джунглях бамбук и траву, получив на это разрешение, и приносить их издалека на голове и плечах. В связи с сильными ветрами, бушевавшими в предгорье, приходилось постоянно заботиться о ремонте хижины. Все это ложилось тяжелым бременем на Моти и его помощников. Чтобы избавить их от забот, я построил им каменный дом на четырехфутовом фундаменте с тремя комнатами и широкой

верандой. Нужно сказать, что все они, за исключением жены Моти, которая выросла более высоко в горах, страдали от малярии.

Для защиты урожая от случайно забредшего скота и диких животных обычно сооружали колючую изгородь вокруг всей деревни. Хотя на это дело уходили недели тяжелого труда, такая непрочная загородка мало помогала, и, когда урожай созревал, арендаторы со всеми членами семьи должны были ночи напролет караулить свои поля. Огнестрельного оружия почти не было. Сорока арендаторам нашей деревни английское правительство разрешило иметь одно одноствольное шомпольное ружье. В то время как один из крестьян в порядке очередности пользовался ружьем для защиты своего поля, остальные должны были обходиться жестянками, в которые они колотили всю ночь. Хотя из ружья убивали определенное количество кабанов и дикобразов, этих самых злостных вредителей посевов, все же каждую ночь урожаю наносился значительный ущерб, поскольку деревня стояла на отшибе и была окружена лесами. Поэтому, когда мне начали платить за работу в Мокамех-Гхате, я стал отдавать эти деньги на строительство каменной стены вокруг деревни. Законченная стена имела шесть футов в высоту и три мили в длину. Строительство продолжалось десять лет, поскольку мои доходы были невелики. Если вы поедете на автомобиле из Халдвани в Рамнагар через Каладхунги, то, не доезжая до Кабаньего моста и леса, увидите эту стену.

Однажды холодным декабрьским утром я шел по деревне со своей собакой Робином, которая бежала впереди, вспугивая один за другим выводки серых куропаток. (Никто, кроме Робина, не тревожит их, поскольку в деревне любят слушать, как куропатки перекликаются на рассвете и на закате.) В это время на мягкой почве, на краю одного из ирригационных каналов, я обнаружил следы кабана. Этот кабан с большими изогнутыми, злобно торчащими клыками был величиной с молодого буйвола, и его знала вся деревня. Он проделал дыру в колючей изгороди и разжирел, уничтожая урожай. Когда была построена стена, сначала она доставляла ему некоторое беспокойство, однако, пользуясь шероховатостью ее поверхности, кабан со временем научился взбираться на нее. Сторожа неоднократно стреляли в него, и не раз он, уходя, оставлял кровавый след, однако ни одна из ран не оказывалась смертельной, и кабан становился лишь более осторожным.

Этим декабрьским утром следы кабана привели меня к участку Моти. Приблизившись к дому, я увидел, что жена Моти стоит подбоченясь и осматривает то, что осталось от

картофельных посадок.

Кабан поработал основательно, поскольку клубни еще не созрели, а он был голоден. В то время как Робин стал искать, в каком направлении удалился грабитель, женщина дала волю своим чувствам. «Во всем виноват отец Пунвы, — сказала она. — Прошлой ночью была его очередь сторожить с ружьем. Но вместо того чтобы остаться дома и охранять свои владения, он отправился на пшеничное поле Калу, надеясь подстрелить замбара. Пока его не было, вот что наделал этот шайтан». В нашем районе женщина никогда не упоминает имени своего мужа и не обращается к нему по имени. До появления детей она называет мужа хозяином дома, а затем обращается к нему как к отцу первого ребенка. У Моти теперь было трое детей, старшего назвали Пунва, поэтому для своей жены Моти являлся «отцом Пунвы», а ее все называли «мать Пунвы».

Мать Пунвы была самая работящая женщина в нашей деревне и вместе с тем самая острая на язык. Высказавшись без обиняков об отце Пунвы, ушедшем в прошлую ночь со своего поста, она взялась за меня и сказала, что я зря истратил деньги на постройку стены, через которую может перебраться кабан и съесть ее картошку. Она заявила также, что если я не могу пристрелить кабана, то должен надстроить стену на несколько футов, чтобы никакой кабан не мог через нее перелезть. К счастью, в разгар шторма, обрушившегося на мою голову, пришел Моти, и я, свистнув Робина, поспешно удалился, предоставив ему самому справляться с разбушевавшейся женой.

В этот вечер я заметил следы кабана у дальнего конца стены и на протяжении двух миль шел звериными тропами, а также вдоль берега Кабаньей реки до тех пор, пока следы не привели меня к густым зарослям колючих кустов и лантаны.[26]

Я занял позицию в зарослях. Вполне возможно, что кабан покинет укрытие еще засветло и я смогу выстрелить.

Вскоре после того, как я расположился за камнем на берегу реки, раздался крик самки замбара в дальнем конце джунглей. (Через несколько лет я застрелил здесь «Повальгарского холостяка».[27]) Этот крик предупреждал обитателей джунглей о присутствии тигра. Две недели назад в Каладхунги прибыла охотничья экспедиция, состоявшая из трех охотников с восемью слонами. Охотники намеревались убить тигра, обитавшего на том участке леса, где мне было разрешено охотиться. Кабанья река разграничивала два участка — мой и другой, где действовали прибывшие охотники. Они хотели заманить тигра на свой участок и для этого привязали четырнадцать буйволят на своей стороне реки. Двух буйволят тигр убил, а остальные погибли,

оставленные без присмотра. Накануне, примерно в девять часов вечера, оттуда доносилась сильная ружейная стрельба.

Я просидел за камнем два часа, прислушиваясь к крикам самки замбара, но кабан не появлялся. Когда стемнело и стало невозможно стрелять, я перешел реку, вышел на дорогу, идущую в Кота, и стал быстро продвигаться по ней, замедляя шаг и двигаясь осторожно лишь около пещер, где жил большой питон и где Бил Бейли из лесного департамента за месяц до этого застрелил двенадцатифутовую гамадриаду. У входа в деревню я остановился и крикнул Моти, чтобы он был готов сопровождать меня на рассвете следующего дня.

В течение многих лет Моти постоянно ходил со мной в джунгли Каладхунги. Он был проницательным, умным и бесстрашным человеком, обладал хорошим зрением, острым слухом и способностью бесшумно передвигаться в джунглях. Он никогда не опаздывал на встречу со мной. Когда этим утром мы шли по мокрым от росы джунглям, прислушиваясь к различным звукам, издаваемым просыпающимися обитателями леса, я рассказал ему о том, что слышал крик самки замбара. Я подозревал, что она видела, как тигр убил ее детеныша, но не убежала при этом. Иначе я не мог объяснить, почему крики упорно продолжались. При мысли о том, что мы можем найти только что убитое животное, Моти приходил в восторг. На свои ограниченные средства он мог покупать мясо для семьи лишь раз в месяц, поэтому недавно убитый тигром или леопардом замбар, читал или кабан являлся для него божьим даром.

Накануне вечером, услышав крик самки замбара, я определил, что животное находится примерно в 1500 ярдах к северу от меня. Когда мы прибыли на это место и ничего не обнаружили, мы начали искать на земле следы крови, шерсти или отметины, оставленные тигром, тащившим свою добычу. Я все еще был убежден, что мы должны найти убитое животное и что его убил тигр. В этом месте сходились две неглубокие лощинки, начинавшиеся у подножия горы в нескольких сотнях ярдов от нас. Лощинки шли почти параллельно на протяжении примерно тридцати ярдов. Моти выразил желание пойти по правой лощинке, а мне предлагал осмотреть левую. Я согласился, поскольку лощинки разделялись лишь несколькими кустами и нам не надо было расходиться далеко, чтобы не терять друг друга из виду.

Продвигаясь очень медленно, мы осмотрели каждый фут почвы на протяжении ста ярдов. Вдруг Моти как раз в тот момент, когда я повернул голову, чтобы взглянуть на него, с криком отпрянул назад, повернулся и изо всех сил пустился наутек,

размахивая руками, как будто его преследовал рой пчел. Убегая, он продолжал кричать. Внезапный и пронзительный человеческий крик в джунглях, где только что царила полная тишина, наводит ужас и не поддается описанию. Я догадывался, что произошло. Разыскивая следы крови или остатки шерсти, Моти устремил взгляд на землю и, не замечая ничего вокруг, неожиданно набрел на тигра. Я не знал, ранен ли Моти и насколько серьезно, потому что над кустами виднелись только его голова и плечи. Я поднял ружье и приготовился при первой необходимости выстрелить в тигра. Не заметив какого-либо движения за спиной Моти, я вздохнул с облегчением. Когда Моти пробежал добрую сотню ярдов, я счел, что он находится в безопасности. Тогда я крикнул, чтобы он остановился, добавив, что иду к нему. Затем я вернулся немного назад, поскольку не знал, где находится тигр, а потом поспешил по ложбинке к Моти. Он стоял, прислонившись спиной к дереву. Ни на нем, ни на земле я не увидел крови, и у меня отлегло от сердца. Когда я подошел к нему, он спросил, не гнался ли за ним тигр, и, узнав, что нет, выразил величайшее изумление. Я сказал, что он сделал все возможное, чтобы заставить тигра погнаться за ним, и тогда Моти ответил: «Я знаю, господин. Я знаю, что не должен был кричать и убегать, но я не мог… удержаться…» Его голос вдруг стал стихать, и голова опустилась на грудь. Он начал оседать, я пытался удержать его за шею, но он выскользнул из моих рук и повалился на землю. В лице его не было ни кровинки. Одна бесконечно долгая минута проходила за другой, а он лежал без движения. Я начал опасаться, что он умер от шока.

В подобном положении в джунглях мало что можно сделать, но я сделал все, что мог. Уложив Моти на спину, я ослабил на нем одежду и начал делать массаж в области сердца. Когда я уже почти потерял надежду и собирался нести его домой, Моти открыл глаза.

Немного погодя, когда Моти уже сидел, прислонившись к дереву, я, докуривая сигарету, попросил его рассказать, что же все-таки произошло. «Расставшись с вами, — сказал он, — я прошел небольшое расстояние по ложбине, тщательно осматривая землю в поисках следов крови или шерсти. Заметив на листе пятно, напоминавшее высохшую кровь, я наклонился, чтобы получше рассмотреть его, а когда поднял голову, то прямо перед собой увидел морду тигра. Он лежал свернувшись на расстоянии трех или четырех шагов и смотрел на меня. Голова его была немного приподнята над землей, пасть широко открыта, на подбородке и груди виднелась кровь. Он, казалось, приготовился к прыжку. Я потерял голову, закричал и побежал

прочь». Моти не видел убитого замбара. По его словам, место, где лежал тигр, было открытым, не заросшим кустарником, и никакого убитого животного поблизости не было.

Сказав Моти, чтобы он оставался на месте, я погасил сигарету и занялся поисками. Мне представлялось невероятным, чтобы тигр с разинутой пастью, с кровью на подбородке и груди позволил Моти приблизиться по открытому пространству на расстояние нескольких шагов и ничего не сделал, когда тот закричал так близко от него.

Подойдя с величайшими предосторожностями к тому месту, где находился Моти, когда он закричал, я увидел перед собой голый участок земли: по-видимому, тигр, катаясь с боку на бок, смел с него все листья. У ближайшего края этого участка виднелись расположенные полукругом следы запекшейся крови. Осторожно обходя место, где прежде лежал тигр, дабы не испортить следы, я заметил на противоположной стороне участка свежий кровавый след, который по непонятной причине зигзагообразно извивался в направлении горы, а затем тянулся несколько сотен ярдов вдоль ее подножия и исчезал в глубоком и узком ущелье, где протекал маленький ручеек. Тигр ушел по этому ущелью, ведущему в горы.

Я вновь подошел к оголенному участку земли и осмотрел следы запекшейся крови. В крови попадались осколки костей и зубов, они и объяснили мне все происшедшее. Выстрелами из ружья две ночи тому назад тигру раздробили нижнюю челюсть, и он скрылся в джунглях, где у него было логово. Сильная боль и потеря крови не дали возможности тигру уйти далеко. Он улегся в том месте, где вначале самка замбара заметила, как он катается с боку на бок, а потом, тридцатью часами позже, на него наткнулся Моти. Раздробленная нижняя челюсть (самая болезненная рана у животных), по всей видимости, вызвала у тигра сильный жар, и бедняга, вероятно, находился в полубессознательном состоянии, когда услышал крик Моти. Тигр тихо поднялся и ушел пошатываясь, стремясь во что бы то ни стало добраться до ущелья, где, как ему было известно, имелась вода.

Чтобы удостовериться в правильности моих выводов, мы с Моти перешли через реку в соседний охотничий квадрат и осмотрели место, где были привязаны четырнадцать буйволят. Здесь высоко на дереве мы обнаружили махан и увидели убитое животное, которое тигр пожирал, когда в него стреляли. Широкий кровавый след тянулся от убитого животного к реке. По обеим сторонам от него виднелись следы слонов. Оставив Моти на правом берегу реки, я вновь вернулся на мой охотничий участок,

отыскал следы тигра и слонов и шел по ним пятьсот — шестьсот ярдов до того места, где кровавый след скрывался в густой чаще. У края чащи слоны остановились, постояли некоторое время, затем повернули направо и ушли в направлении Каладхунги. Я вспомнил, что накануне вечером, отправляясь на охоту за старым кабаном, повстречал охотников на слонах. Один охотник спросил, куда я иду, и, когда я ответил, мне показалось, что он хочет что-то сказать, но товарищи остановили его. Таким образом, в то время как три охотника на слонах направлялись к дому лесничего, где они остановились, я пошел в джунгли, и они не предупредили меня, что оставили там раненого тигра.

На обратный путь до деревни мы с Моти затратили почти три часа, хотя расстояние не превышало трех миль. По непонятной причине Моти испытывал ужасную слабость и должен был часто отдыхать. Оставив его дома, я направился прямо в домик лесничего, где обнаружил, что охотники уже сложили свои вещи и собирались в путь, чтобы успеть на вечерний поезд в Халдвани. Мы поговорили на ступенях веранды. Из этого разговора мне стало ясно, почему они не добили раненого тигра: они спешили на вечеринку. Тогда я сказал им, что, если Моти умрет от шока или тигр убьет кого-либо из моих арендаторов, им будет предъявлено обвинение в убийстве.

Охотники все же отправились в путь, а на следующее утро, вооружившись крупнокалиберной винтовкой, я направился в ущелье, по которому ушел тигр. Я не собирался добывать трофей для других. Мои намерения состояли в том, чтобы положить конец страданиям тигра и сжечь его шкуру. Я знал каждый фут ущелья. Оно было местом до крайности неудобным для поисков раненого тигра. Тем не менее я облазил все ущелье, а также близлежащие горы. Потратив на поиски целый день, я не обнаружил никаких следов тигра, так как следы крови исчезли вскоре после того, как он вошел в ущелье.

Через десять дней объездчики нашли остатки тигра, съеденного хищниками. Летом этого года правительство издало постановление, запрещающее устраивать засады на тигров в период между заходом и восходом солнца и предписывающее охотникам-спортсменам, ранившим тигра, делать все от них зависящее, чтобы добить его, а также немедленно сообщить о случившемся в ближайшее лесничество или в полицейский участок.

Случай с Моти произошел в декабре, а когда в апреле я покидал Каладхунги, он, по-видимому, вполне оправился от шока. Однако счастью его пришел конец. Через месяц его сильно покалечил леопард, которого он как-то ночью ранил на своем

поле, а на следующее утро преследовал в густой чаще. Не успел он оправиться от ран, как с ним случилось новое несчастье: он оказался виновным в смерти коровы, что является тягчайшим преступлением для индуса. Старая и дряхлая корова из соседней деревни забрела на поле Моти. Когда он пытался прогнать ее, корова, ступив в глубокую крысиную нору, сломала ногу. В течение нескольких недель Моти усердно ухаживал за коровой, лежавшей у него на поле, однако она все же околела. Дело было слишком серьезным: деревенский жрец не мог разрешить его сам. Он велел Моти совершить паломничество в Хардвар. Заняв деньги, необходимые на поездку, Моти отправился в путь. Прибыв туда, Моти признался в своем преступлении старшему жрецу главного храма. Рассмотрев должным образом содеянный поступок, эта высокая персона приказала Моти сделать пожертвование в пользу храма, за это ему будут отпущены грехи. Однако в доказательство своего раскаяния Моти должен был к тому же дать обет воздержания. Жрец спросил его, от чего он получает самое большое удовольствие, и тот, будучи человеком бесхитростным, ответил, что от охоты и мясной пищи. После этого жрец сказал, что в будущем он должен будет отказаться от этих удовольствий.

Моти вернулся из паломничества очищенным от содеянного греха, но отягченным пожизненным наказанием. Он всегда имел мало возможностей для охоты. Он мог пользоваться шомпольным ружьем лишь по очереди, да и право на охоту имел только в пределах деревни, ибо никому из людей, подобных Моти, не разрешалось охотиться в государственных лесах. Несмотря на это, Моти испытывал большое удовольствие, стреляя из старого ружья, а иногда с моего разрешения он пользовался моим ружьем, что, конечно, делалось вопреки всяким правилам. Отказ от охоты был тяжелым лишением, но еще тяжелее было исполнять другую часть обета, которая к тому же имела вредные последствия для здоровья. При своих скромных средствах Моти мог купить себе немного мяса только раз в месяц. Однако кругом было много диких кабанов и дикобразов, и иногда ночью на его поле забегал олень. Кроме того, в нашей деревне существовал обычай, которому я также следовал: делить мясо животного, добытого кем-нибудь на охоте, между всеми. Таким образом, Моти получал не только то мясо, которое он мог купить.

На следующую зиму после паломничества в Хардвар у Моти появился сухой кашель. Поскольку домашние средства не помогали, я пригласил знакомого доктора, проезжавшего через Каладхунги, осмотреть Моти, и, к моему ужасу, выяснилось, что у него туберкулез. По рекомендации доктора я направил Моти в

санаторий Бховали в тридцати милях от нас. Через пять дней он вернулся с письмом директора санатория, в котором говорилось, что положение Моти безнадежно и поэтому директор, к сожалению, не может его принять. Гостивший у нас сотрудник медицинской миссии, который много лет проработал в санатории, посоветовал Моти спать на открытом воздухе и каждое утро выпивать по кварте молока с добавлением нескольких капель парафина. Остаток зимы Моти спал на открытом воздухе и каждое утро, сидя у нас на веранде, куря и беседуя со мной, выпивал кварту свежего молока от наших коров.

Бедняки Индии — фаталисты и к тому же не обладают большим запасом жизненных сил, необходимых для борьбы с болезнью. Когда мы переехали в наш летний дом, Моти, лишившись нашего общества, но не нашей помощи, потерял надежду и через месяц умер.

Женщины наших гор — самые работящие во всей Индии, а из них наиболее работящей была вдова Моти, мать Пунвы. Эта маленькая плотная женщина, твердая как кремень, работящая как бобер, была достаточно молода, чтобы вторично выйти замуж, однако не сделала этого из-за обычаев своей касты. Она смело и решительно смотрела в лицо будущему, прекрасно справлялась со своими обязанностями, в чем ей помогали ее дети.

Старшему из троих детей, Пунве, было двенадцать лет, и он с помощью соседей мог пахать и выполнять другие полевые работы. Десятилетняя девочка Кунти была замужем и помогала матери до тех пор, пока через пять лет не переехала к своему мужу в другую деревню. Она вместе с матерью готовила еду, мыла посуду, стирала и чинила одежду. Мать Пунвы тщательно следила за своей и детской одеждой, и какими бы старыми и залатанными ни были их вещи, они всегда были чистыми. Надо было таскать воду из оросительного канала или Кабаньей реки для нужд дома, приносить из джунглей дрова, траву и нежные молодые побеги для дойных коров и их телят; заниматься прополкой и уборкой урожая; толочь в каменной ступе рис таким тяжелым, обитым железом пестом, что от него устали бы даже мужские руки; веять пшеницу, которую Пунва возил потом на водяную мельницу, где ее мололи и превращали в атта. Приходилось часто ходить за две мили на базар и ужасно торговаться, чтобы купить то немногое из продуктов питания и одежды, что семья могла себе позволить.

Младшему из детей, Шер Сингху, было восемь лет. С того момента как он открывал глаза на рассвете и до того как закрывал их после ужина, он непрерывно занимался работой, которую мог выполнить мальчик. Он даже помогал Пунве пахать, хотя ему приходилось в конце каждой борозды самому

обращаться за помощью, поскольку у него не хватало сил поворачивать плуг.

Не зная печали, Шер Сингх был самым счастливым ребенком в деревне. Если его и не было видно, то всегда было слышно, поскольку он очень любил петь. На его особом попечении находились четыре вола, двенадцать коров, восемь телят и бычок Лалу. Каждое утро, подоив коров, Шер Сингх отвязывал скот от кольев, к которым привязал его накануне вечером, выгонял из загона в поле через ворота в стене, окружавшей деревню, а сам принимался за чистку загона. Затем наступало время завтрака. Услышав, что его зовет мать или Кунти, он спешил домой через поле, захватив с собой бидон с молоком. Скромный завтрак состоял из свежих горячих чапати[28] и дала, приготовленных на горчичном масле и щедро посыпанных зеленым перцем и солью. Позавтракав и выполнив свои обязанности по дому, Шер Сингх принимался за свою основную работу. Он должен был пасти скот в джунглях, следить, чтобы скотина не разбрелась, и охранять ее от леопардов и тигров. Собрав волов и коров, которые лежали за деревенской оградой и грелись на солнце, он оставлял телят под присмотром Кунти. Затем этот маленький мальчик с взъерошенными волосами, положив на плечо топор и сопровождаемый бычком Лалу, гнал своих подопечных через Кабаний мост в густые джунгли, расположенные за рекой, окликая при этом каждое животное по имени.

Лалу был маленьким бычком. Позднее, когда он превратится в вола, на нем будут пахать. В описываемое мной время он еще не ходил в упряжке и был гордостью Шер Сингха, его «молочного брата»: оба были вскормлены молоком матери Лалу. Шер Сингх назвал своего «молочного брата» Лалу, что означает «красный». Но Лалу не был красным. Он был светлого серовато-коричневого цвета с темными подпалинами на лопатках и с темной, почти черной полосой вдоль всей спины. У него были короткие, острые и сильные рога, окрашенные в светлые и темные тона, напоминающие рожки для обуви, украшавшие туалетные столики того времени.

Когда люди и животные постоянно находятся вместе, подвергаясь при этом общим опасностям, они придают друг другу храбрости и уверенности. Шер Сингх, отец и дед которого чувствовали себя в джунглях свободнее, чем среди людей, не испытывал страха ни перед одним живым существом. Лалу, молодой и бойкий, обладал безграничной уверенностью в своих силах. Таким образом, Шер Сингх наделял Лалу своей храбростью, а бычок мальчика — своей уверенностью.

В результате скот Шер Сингха пасся там, куда другие боялись

заходить, и он справедливо гордился тем, что у него животные были лучше, чем у других жителей деревни, и что никакой леопард или тигр не поживился его скотиной.

В четырех милях от нашей деревни расположена долина, протянувшаяся с севера на юг примерно на пять миль. По красоте и богатству дикой природы она не имеет равных в лесном массиве Соединенных провинций площадью пять тысяч квадратных миль. В верхнем конце долины, из пещеры, где живет питон, из-под корней старого дерева джамун выбивается ручеек, который ниже по течению становится более полноводным. Он кристально чист, его заводи и стремнины богаты разнообразной мелкой рыбой, которой питаются зимородки не менее пяти разновидностей. В долине растут деревья и кусты, которые привлекают множество птиц и животных, питающихся цветочным нектаром и плодами. А они, в свою очередь, служат приманкой для хищных птиц и зверей, находящих прекрасное укрытие в густых кустах и зарослях камыша. В некоторых местах, где ручей подмыл берега, образовались небольшие оползни, заросшие впоследствии тростником с широкими сочными листьями, которые очень любят замбары и каркеры.

Эта долина была моим излюбленным местом. Однажды зимним вечером, вскоре после того, как мы переехали в Каладхунги из нашего летнего дома в горах, я стоял в таком месте, откуда хорошо просматривалась вся долина. На крутом склоне левее меня я заметил какое-то движение. Хорошенько присмотревшись, я решил, что это животное, пасущееся в сочной траве. Для замбара оно было слишком маленьким, а для каркера слишком большим. Я начал подкрадываться к нему. В это время в нескольких сотнях ярдов от меня ниже по долине послышался рев тигра. Животное, за которым я наблюдал, также услышало этот рев, и когда оно подняло голову, я с удивлением узнал в нем Лалу. Нагнув голову, он замер, прислушиваясь к рычанию. Когда тигр замолчал, Лалу с беззаботным видом стал снова щипать траву. Лалу не должен был находиться здесь, поскольку пасти скот в охраняемых государственных лесах было запрещено и, кроме того, ему угрожала опасность со стороны тигра. Я позвал бычка по имени, и после небольшого колебания он поднялся по крутому берегу ручья и мы вместе вернулись в деревню. Когда мы появились, Шер Сингх привязывал скот в загоне. Узнав, где я нашел Лалу, он только рассмеялся: «Не беспокойтесь о нем, господин. Лесной объездчик — мой друг, и он не заберет моего Лалу. Что касается тигра, то Лалу вполне сможет постоять за себя».

Вскоре после этого случая в Каладхунги прибыл главный

лесничий Смитис с женой. Они сидели у нас на веранде и пили кофе, когда прибыли погонщики верблюдов, которые сообщили, что прямо перед ними на дороге возле Кабаньего моста тигр задрал корову. Люди подняли шум, и тигр, оставив корову, скрылся в джунглях.

Миссис Смитис очень хотелось подстрелить тигра. Я отправился с двумя ее слугами соорудить махан, но обнаружил, что тигр тем временем вернулся и уволок корову на двадцать ярдов в джунгли. Когда махан был готов, я послал за миссис Смитис. Поместив ее на махане и оставив около нее лесника, я вскарабкался на дерево у края дороги в надежде сфотографировать тигра.

Было четыре часа пополудни. Через полчаса после того, как мы заняли позиции, в районе, где, по нашим сведениям, залег тигр, «залаял» каркер. В это время на дороге показался Лалу. Дойдя до места, где была убита корова, он весьма тщательно обнюхал землю и большую лужу крови, затем повернулся к краю дороги и с высоко поднятой головой двинулся по следам тигра. Приблизившись к корове, он обошел вокруг нее и начал в ярости рыть землю копытами. Привязав фотоаппарат к ветке, я слез с дерева и отвел рассвирепевшего и сопротивлявшегося Лалу на окраину деревни. Не успел я вновь занять позицию на дереве, как на дороге опять показался Лалу, намереваясь повторить свою демонстрацию вокруг мертвой коровы. На этот раз миссис Смитис послала лесного объездчика увести Лалу. Когда этот человек проходил мимо меня, я сказал ему, чтобы он отвел бычка за Кабаний мост и через некоторое время привел слона, который должен был увезти миссис Смитис. Незадолго до этого каркер перестал «лаять», и выводок лесных птиц поднял кудахтанье в нескольких ярдах от махана. Подготовив фотоаппарат к съемке, я посмотрел на миссис Смитис и увидел, что она держит ружье наготове. В этот момент Лалу появился в третий раз. (Впоследствии мы узнали, что, после того как его отвели за мост, он сделал круг, перешел реку ниже по течению и скрылся в джунглях.) На этот раз Лалу подбежал рысцой к трупу коровы и, не то увидев, не то почуяв тигра, наклонил голову и стал бодать кусты, громко мыча. Он повторил этот маневр трижды, каждый раз возвращаясь назад к исходному положению и вскидывая рога вверх.

Раньше мне приходилось наблюдать, как буйволы отгоняли тигров и леопардов от убитых ими животных. Однако я никогда прежде не видел, чтобы одинокое животное, да к тому же бычок, отогнало тигра от его добычи.

Каким бы храбрым ни был Лалу, он не мог противостоять

тигру, который начинал терять терпение и отвечал на мычание сердитым ревом.

Помня о маленьком мальчике в деревне, сердце которого будет разбито, если что-нибудь случится с его любимым товарищем, я уже собирался прийти на помощь Лалу. В этот момент миссис Смитис весьма великодушно отказалась от возможности застрелить тигра, и я велел погонщику привести слона. Лалу покорно пошел за мной к загону, где его поджидал Шер Сингх. Я думаю, что он, так же как и я, был доволен тем, что тигр не принял его вызов, когда он защищал мертвую корову.

Этой ночью, а также вечером следующего дня тигр приходил поесть говядины. В то время как миссис Смитис вновь безуспешно пыталась подстрелить тигра, я заснял его на кинопленку. Тигр заснят в тот момент, когда он спускается по крутому берегу и пьет воду из маленькой заводи.

Все развлечения и игры Шер Сингха, точно так же как когда-то мои, были связаны с джунглями. Из всех моих знакомых только он получал такое же удовольствие от джунглей, как я. Умный и наблюдательный мальчик, он знал о джунглях невероятно много интересного. Ничто не ускользало от его внимания, и он был таким же бесстрашным, как зверь, чье имя он носил.[29]

По вечерам мы больше всего любили гулять по одной из трех дорог, сходящихся у дальнего конца Кабаньего моста: по заброшенной магистрали на Морадабад, дороге на Кота или лесной дороге, ведущей в Рамнагар. Почти каждый вечер на закате мы слышали голос Шер Сингха еще до того, как видели его самого. Он гнал скот домой и самозабвенно пел чистым дискантом, разносившимся далеко вокруг. Шер Сингх всегда с улыбкой приветствовал нас и рассказывал что-либо интересное.

«Утром я видел на дороге следы большого тигра, которые шли из района Кота в сторону Найя-Гаон, а в полдень я слышал, как тигр ревел в конце камышовых зарослей в районе Дхунигада. Около Сарьяпани раздавался какой-то стук. Забравшись на дерево, я увидел, как бьются два читала. У одного из них очень большие рога, господин, и он очень толстый, а я не ел мяса уже много дней».

«Что я несу? (Он нес на голове что-то, завернутое в большие зеленые листья и перевязанное лыком.) Я несу кабанью ногу. Я увидел нескольких хищных птиц на дереве, пошел посмотреть, в чем дело, и в кустах нашел частично съеденного кабана, убитого в прошлую ночь леопардом. Если господин пожелает застрелить леопарда, я провожу его к месту, где лежит убитый кабан».

«Сегодня я нашел пчелиный улей в дупле дерева халду, — сказал он однажды, с гордостью показывая большой поднос из

листьев, скрепленных длинными шипами, на котором лежали белоснежные соты. — Я принес мед вам». Затем, бросив взгляд на ружье, которое я держал в руках, он добавил: «Я сам принесу мед к вам в дом, когда закончу работу, потому что вы, возможно, встретите кабана или каркера и, если ваши руки будут заняты, не сможете их подстрелить». Для того чтобы вынуть улей из дупла дерева халду с помощью его маленького топора, потребовалось, вероятно, часа два или даже больше. Его сильно искусали пчелы — руки распухли, а один глаз почти закрылся, но он ни словом не обмолвился об этом. Если бы я обратил на это внимание, он бы очень смутился. Позднее, вечером, когда мы обедали, Шер Сингх бесшумно проскользнул в комнату и поставил на стол начищенный до блеска медный поднос, на котором лежали соты. При этом он прикоснулся пальцами левой руки к локтю правой — старинный и отмирающий обычай горцев отдавать дань уважения.

Оставив свой дар на столе, Шер Сингх задержался у дверей. Опустив глаза и водя пальцем ноги по ковру, он сказал: «Если вы завтра отправитесь охотиться на птиц, я пошлю Кунти пасти скот, а сам пойду с вами, так как знаю место, где очень много птиц». Он всегда робел в доме и говорил срывающимся голосом, как будто во рту у него было слишком много слов и он с трудом проглатывал лишние, мешающие ему. Охота на птиц была подлинной стихией Шер Сингха. Все деревенские мальчишки любили это занятие, да и я сам не меньше их. Охота на птиц была не только волнующим событием, но и сулила возможность в конце дня принести домой дичь. Кроме того, в полдень всегда устраивался привал в заранее условленном месте, куда мой слуга заблаговременно приносил для всех нас свежие сладости и жареный грэм.[30]

Когда я занимал позицию, Шер Сингх, разместив своих товарищей цепочкой на избранном участке лесной чащи, начинал двигаться ко мне, крича громче всех и продираясь через самые густые заросли. Птица взлетала, и он кричал: «Вот она, господин! Летит, летит!» Когда же через кусты с треском продиралось крупное животное, что случалось нередко, он кричал своим товарищам, чтобы они не убегали, уверяя их, что это только замбар, читал или, возможно, большой кабан. За день мы прочесывали, таким образом, десять — двенадцать участков зарослей, добывая с дюжину лесных птиц, двух-трех зайцев, а иногда маленького кабана или дикобраза. В конце охоты добыча делилась между загонщиками и охотником, а если дичи оказывалось мало, то только между загонщиками. Самым счастливым моментом для Шер Сингха был тот, когда он в конце дня направлялся домой, гордо неся на плече павлина в полном

оперении.

К этому времени Пунва уже женился, и быстро приближался день, когда Шер Сингху придется покинуть дом, поскольку шесть акров земли не могут прокормить двух братьев. Зная, что сердце Шер Сингха будет разбито, если ему придется покинуть деревню и свои любимые джунгли, я решил устроить его учеником к своему другу, имевшему гараж в Катгодаме, откуда его машины совершали рейсы в Найни-Тал. После того как Шер Сингх пройдет курс обучения, я собирался взять его к себе шофером, а в зимние месяцы использовать на охоте в качестве помощника. Летом, пока мы находимся в Найни-Тале, он мог бы присматривать за нашим домом и садом в Каладхунги. Когда я сообщил ему о своих планах, дававших ему возможность постоянно жить в деревне совсем рядом с домом, который он не покидал со дня рождения, Шер Сингх онемел от восторга.

На протяжении нашей жизни мы составляем множество планов, и я не уверен, стоит ли огорчаться, когда некоторые из них не выполняются. Шер Сингх должен был начать работать учеником после нашего возвращения в Каладхунги в ноябре. В октябре он заболел тропической малярией, затем воспалением легких и за несколько дней до нашего приезда умер. В детстве он был счастлив и целыми днями пел, но кто знает, была бы его жизнь в нашем вечно изменяющемся мире такой же счастливой и беззаботной, как в первые годы его короткой жизни?

Прежде чем покинуть на время наш дом, с тем чтобы восстановить здоровье, подорванное на войне против гитлеровской Германии, я собрал своих арендаторов и их семьи и в третий раз сказал им, что настало время стать хозяевами земли и самим управлять деревней. На этот раз от имени арендаторов выступила мать Пунвы. После того как я кончил говорить, она поднялась и сказала с присущей ей практичностью:

«Вы зря оторвали нас от работы. Мы уже говорили вам и сейчас опять повторяем, что не возьмем вашей земли, ибо, если мы ее возьмем, это будет означать, что мы больше не ваши люди. А теперь, господин, как насчет того кабана, сына шайтана, который перелез через построенную вами стену и поел мой картофель? Пунва и другие не могут подстрелить его, а мне надоело сидеть всю ночь и бить в жестянку».

Как-то вечером Мэгги и я шли вдоль выжженного огнем поля, которое опоясывает подножие гор. У наших ног бежал Дэвид. В это время через дорогу перебежал кабан — достойный отпрыск старого шайтана, который в преклонном возрасте, изрешеченный дробью, погиб в битве с тигром, продолжавшейся всю ночь. Солнце уже село, и расстояние было велико — добрых триста

ярдов, однако стрелять имело смысл, поскольку кабан совершенно определенно направлялся в деревню. Я установил прицел и, прислонив ружье к дереву, выжидал, пока кабан отдыхал у края глубокой лощины. Я спустил курок, кабан прыгнул в лощину, вскарабкался на противоположную сторону и со всех ног пустился наутек. «Ты промахнулся?» — спросила Мэгги. В глазах Дэвида я прочел тот же вопрос. Я мог промахнуться только в том случае, если неправильно поставил прицел. Но я четко видел черную щетину кабана в прорези моего серебряного прицела, а дерево помогало мне точнее прицелиться. Так или иначе, надо было идти домой, и, поскольку протоптанная скотом тропинка, по которой только что удалился кабан, привела бы нас к Кабаньему мосту, мы решили посмотреть, каковы результаты моего выстрела. В том месте, где кабан прыгнул в лощину, его нога глубоко ушла в почву. На противоположной стороне лощины, где он вылез наверх, виднелись следы крови. В двухстах ярдах находилась узкая полоска густых зарослей. По-видимому, утром я обнаружу там мертвого кабана, поскольку он оставил после себя широкий кровавый след. Если он еще жив и могут быть неприятные неожиданности, лучше Мэгги не сопровождать меня. К тому же утром гораздо светлее.

Пунва слышал, как я стрелял, и поджидал нас на мосту. На его нетерпеливый вопрос я ответил: «Да, я стрелял в старого кабана и, судя по следам крови, серьезно ранил его». Я добавил, что, если Пунва встретит меня на мосту завтра утром, я покажу ему, где находится кабан, и он сможет туда отправиться с группой людей и принести его. «Можно мне захватить с собой и старого хавилдара?[31]» — спросил Пунва, и я согласился. Хавилдар, добрый старый человек, завоевавший уважение и любовь всех окружающих, принадлежал к племени гуркхов.[32] Уйдя из армии, он поступил на службу в полицию. Год назад он вышел в отставку и поселился с женой и двумя сыновьями на участке земли, который мы выделили ему в нашей деревне. Подобно всем гуркхам, хавилдар был большим любителем кабаньего мяса. Считалось само собой разумеющимся, что, кто бы из нас ни подстрелил кабана, бывший солдат и полицейский неизменно получал свою долю.

На следующее утро Пунва и хавилдар поджидали меня на мосту. Следуя по тропинке, протоптанной скотом, мы вскоре дошли до места, где накануне вечером я видел следы крови. Далее следы привели нас, как я и ожидал, к густой чаще. Здесь я оставил моих спутников, ибо раненый кабан — опасное животное. В наших джунглях, кроме медведя, только кабан нападает на человека, сбивает его с ног и свирепо расправляется с ним.

Поэтому с ранеными кабанами, особенно если у них большие клыки, следует обращаться очень осторожно.

Кабан пролежал всю ночь там, где я и предполагал, но не сдох, а на рассвете ушел из чащи. Я свистнул Пунве и хавилдару, и, когда они присоединились ко мне, мы пошли по следам зверя. Мы шли через поле, выжженное огнем. Судя по направлению, взятому раненым кабаном, он явно уходил в район густых джунглей на дальнем склоне горы, откуда, как я предполагал, он появился накануне вечером. Следов крови, оставленных кабаном утром, было меньше, и по мере нашего продвижения они становились все менее заметными. Наконец мы совсем потеряли их в той части леса, где порыв ветра развеял опавшие листья. Перед нами находился участок сухой травы, доходившей до пояса. Я все еще считал, что кабан решил пробраться в густые джунгли на дальнем склоне горы, и вошел в траву, надеясь вторично обнаружить его следы.

Хавилдар немного отстал, а Пунва шел сразу за мной. Когда мы углубились на несколько ярдов в траву, я зацепился шерстяными носками за шипы низкого кустарника. Я нагнулся, чтобы освободиться от шипов, а Пунва, стараясь обойти кусты, сделал несколько шагов вправо. В тот момент, когда я отцепил шипы и выпрямился, из травы выскочил кабан и, злобно хрюкая, бросился на Пунву, одетого в белую рубашку. Подняв дуло винтовки вверх и крича во всю глотку, я нажал курок. Именно так я всегда просил действовать товарищей, если они видели, что на меня нападает раненое животное.

Если бы я не зацепился носками за колючки и не задержался на какую-то долю секунды, все было бы хорошо: я успел бы застрелить кабана до того, как он приблизится к Пунве. Но поскольку кабан уже был рядом с Пунвой, единственное, чем я мог помочь, это попытаться отвлечь его внимание, ибо, стреляя в кабана, я рисковал убить Пунву. В тот момент, когда пуля вылетала из дула моей винтовки, Пунва с отчаянным криком «Господин!» упал на спину в траву. Кабан стоял над ним, однако, услышав мой крик и выстрел, он мгновенно повернулся и бросился на меня. И не успел я выбросить стреляную гильзу и вложить новый патрон в мою винтовку 275-го калибра, как кабан оказался возле меня. Сняв правую руку с винтовки, я выставил ее вперед. Когда моя ладонь коснулась кабаньего лба, он остановился как вкопанный, вероятно только потому, что мое время умирать еще не пришло. Кабан был огромен и настолько свиреп, что мог сбить с ног и растерзать ломовую лошадь. Он остановился, но все время крутил головой с торчавшими из пасти большими клыками то в одну, то в другую сторону, однако, к

счастью для меня, он рассекал только воздух. Грубая щетина на его лбу содрала кожу с моей ладони. Затем, без всякой видимой причины, кабан повернулся и стал уходить. В этот момент я всадил в него одну за другой две пули, и он рухнул головой вперед.

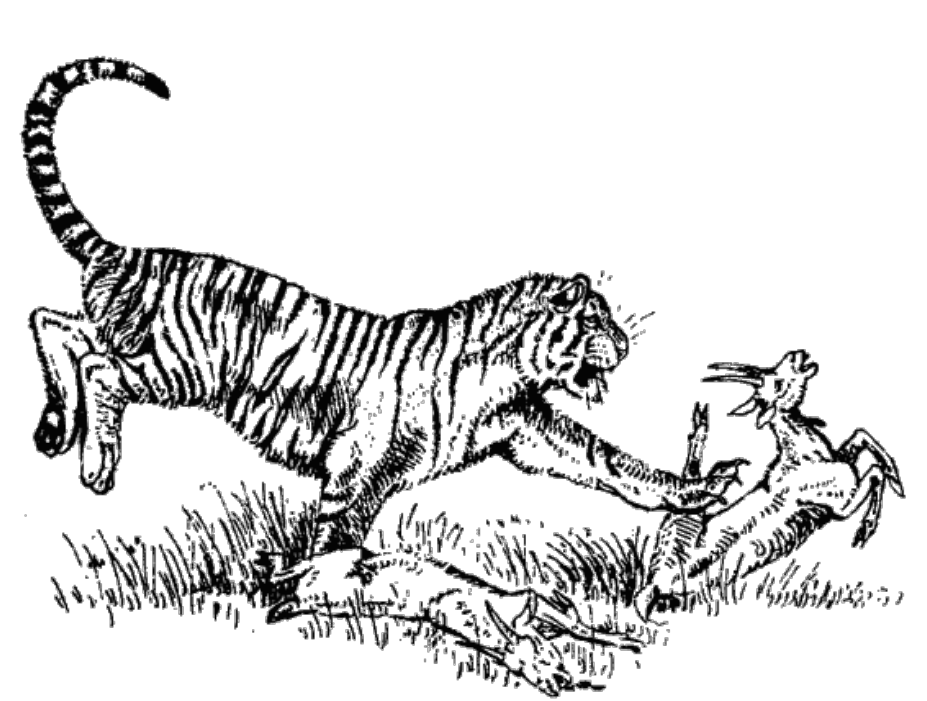
Пунва не подавал голоса и не двигался. С ужасом думая о том, что я скажу его матери, и еще более опасаясь того, что она скажет мне, я со страхом и трепетом направился к тому месту, где в траве находился Пунва, ожидая найти его тело, растерзанное кабаном. Он лежал на спине с закрытыми глазами, однако, к моей неописуемой радости, крови на его белой одежде не было. Я потряс его за плечо и спросил, как он себя чувствует и куда он ранен. Очень слабым голосом он сказал, что умер и что у него сломан позвоночник. Я приподнял Пунву, осторожно посадил и обнаружил, что он сидит без моей помощи. Проведя рукой по его спине, я обнаружил, что позвоночник цел. Убедившись в этом с помощью собственной руки, Пунва повернулся и посмотрел назад, где на два-три дюйма над землей возвышался сухой пенек. Когда кабан сшиб его, Пунва, вероятно, потерял сознание, а придя в себя и ощущая, как пенек врезается ему в спину, решил, что его позвоночник сломан.

Итак, старый кабан, сын шайтана, напугав нас обоих чуть ли не до смерти, был убит. Если не считать клочка кожи, содранного с моей руки, кабан не причинил нам никакого вреда. Пунва не получил даже царапинки, но зато приобрел возможность рассказывать интересную историю. Хавилдар, как и подобает мудрому старому солдату, оставался в стороне. Тем не менее он претендовал на львиную долю убитого кабана: ведь не кто иной, как он, находился в резерве, готовый оказать помощь, если таковая потребовалась бы. К тому же, по существующему у нас обычаю, все присутствовавшие при том, как охотник застрелил зверя, получали двойную долю, и какая разница — видел он или слышал, как был застрелен кабан? Он получил свою двойную долю и со временем также мог рассказывать захватывающую историю о том, как он отличился на этой утренней охоте.

Пунва и поныне «царствует» и растит свое потомство в доме, который я построил для его отца. Кунти покинула деревню, переехав к мужу, а Шер Сингх ожидает своих родственников в «Лесах счастливой охоты». Мать Пунвы еще жива, и если вы пройдете через ворота деревни, пересечете поля и войдете в дом Пунвы, то увидите, что она ведет хозяйство сына и его семьи, много работает и весело выполняет тысячу и одну обязанность, как и в те дни, когда она пришла в нашу деревню в качестве невесты Моти.

В годы войны Мэгги жила зимой одна в нашем доме в Каладхунги в четырнадцати милях от ближайшего селения, не имея никаких средств передвижения. Я не беспокоился за нее, поскольку знал, что она находится в безопасности среди моих друзей, бедняков Индии.

О ДНЯХ, КОГДА НЕ БЫЛО КАНЦЕЛЯРСКОЙ ВОЛОКИТЫ



Как-то зимой я и Андерсон странствовали в районе Тераи — низменной части страны, расположенной у отрогов Гималаев. В начале января мы отправились кружным путем из Биндукхера в Боксар, место нашей будущей стоянки. К нашему приходу слуги должны были распаковать вещи и натянуть палатки.

Им предстояло переправиться вброд через две небольшие речки. Во время переправы через вторую реку верблюд, навьюченный палатками, поскользнулся на глинистом дне и груз оказался в воде. Это происшествие вызвало большую задержку, и, когда мы пришли в Боксар после успешной охоты на черных куропаток, наше имущество еще не было выгружено.

Место для лагеря было выбрано в нескольких сотнях ярдов от деревни Боксар. Прибытие Андерсона было знаменательным событием, и все население деревни пришло засвидетельствовать ему свое почтение и оказать помощь при разбивке лагеря.

Сэр Фредерик Андерсон в то время был управляющим государственными имениями в Тераи и Бхабаре. Люди различных каст и верований, жившие на территории в несколько тысяч квадратных километров, находившейся под управлением сэра

Фредерика, любили его за большую человечность и доброту. Он к тому же был замечательным администратором и обладал феноменальной памятью. Я знал лишь одного человека, имевшего подобную память, — генерала сэра Генри Рамзея, управлявшего в течение двадцати восьми лет тем же районом страны. Рамзея за его деятельность прозвали некоронованным королем Кумаона. И Рамзей и Андерсон были шотландцами. Говорили, что однажды услышав чье-либо имя или увидев чье-либо лицо, они уже никогда не забывали их. Только тот, кто имел дело с простыми неграмотными людьми, может понять, как важно иметь хорошую память. Ничто не импонирует простому и бедному человеку в такой степени, как то, что вы вспомнили его имя или обстоятельства, при которых прежде встречались.

Когда будет писаться история подъема и упадка британского империализма, следует уделить особое внимание роли канцелярской волокиты в деле ликвидации английского господства в Индии. Рамзей и Андерсон служили в Индии в тот период, когда там еще не знали, что это такое. Популярность этих деятелей и успех их правления были в большой мере обусловлены тем, что их руки не были связаны бюрократизмом.

Рамзей был не только судьей Кумаона, но и магистратом,[33] полицейским чиновником, служащим департамента лесов и инженером. Поскольку обязанности его были бесчисленны и обременительны, он выполнял многие из них во время своих неоднократных поездок по стране. Рамзей имел обыкновение решать все гражданские и уголовные дела во время этих длительных походов, в окружении толпы народа. Сначала заслушивались истец и его свидетели, затем ответчик со своими свидетелями. После должного разбирательства Рамзей объявлял свое решение, налагая штраф или приговаривая к тюремному заключению. Не было случая, чтобы оспаривалась правильность его решения. Ни один человек, на которого Рамзей наложил штраф, не уклонился от уплаты соответствующей суммы в государственное казначейство. Ни один человек, приговоренный к тюремному заключению, не отказывался от явки в ближайшую тюрьму для отбытия срока простого или строгого заключения.

В качестве управляющего Тераи и Бхабара Андерсону приходилось выполнять лишь часть обязанностей, лежавших на его предшественнике Рамзее. Тем не менее он был наделен широкими административными полномочиями.

Пока ставились палатки в лагере у Боксара, Андерсон предложил собравшимся людям присесть и добавил, что выслушает все жалобы и примет все петиции. Первая петиция поступила от старосты соседней с Боксаром деревни. Эта деревня

и Боксар пользовались водой из одного оросительного канала, проходящего через Боксар. Поскольку муссоны принесли дождей меньше, чем обычно, воды оказалось недостаточно для обеих деревень, и жители Боксара использовали всю ее для своих полей. В результате в другой деревне погиб урожай риса. Староста Боксара признал, что воду в канале перекрыли, но оправдывал свои действия тем, что в противном случае урожай риса погиб бы в обеих деревнях. Рис был собран и обмолочен за несколько дней до нашего прихода. Андерсон, выслушав обоих старост, приказал разделить урожай между двумя деревнями в соответствии с количеством засеваемой ими площади. Признавая справедливость этого решения, жители Боксара стали претендовать на оплату труда, затраченного ими при уборке и молотьбе риса. Крестьяне соседней деревни отвергали эти претензии, заявляя, что к ним не обращались за помощью во время уборки и обмолота урожая. Андерсон поддержал их.

В то время как старосты обеих деревень отправились делить рис, крестьянин по имени Чади подал следующую петицию. Он обвинял некоего Калу в том, что тот увел у него жену по имени Тилни. Чади рассказал, что три недели назад Калу начал соблазнять его жену и, несмотря на протесты, не прекращал своих домогательств. В конце концов Тилни ушла из дома и поселилась с Калу. Когда Андерсон спросил, здесь ли Калу, из группы сидевших полукругом людей поднялся человек и сказал, что это он.

Пока разбирался вопрос о рисе, собравшиеся женщины и девушки не проявляли большого интереса, поскольку его должны были решать мужчины. Однако дело о соблазнении жены, судя по выражениям лиц и взволнованному дыханию, сильно заинтересовало их.

Андерсон спросил Калу, считает ли он себя виновным в том, в чем его обвиняет Чади. Калу признал, что Тилни живет в его доме, но категорически отрицал, что он ее соблазнил. Когда его спросили, готов ли он вернуть Тилни ее законному мужу, Калу ответил, что Тилни пришла к нему по доброй воле и он не будет принуждать ее вернуться к Чади. «Здесь ли Тилни?» — спросил Андерсон. От группы женщин отделилась девушка и, представ перед нами, сказала: «Я — Тилни. Что желает ваша честь?»

Тилни была хорошо сложенной привлекательной молодой женщиной лет восемнадцати. Она носила традиционную прическу женщин Тераи: из волос сооружался конус высотой в целый фут, а сверху накидывалось черное сари с белой каймой. Верхнюю половину тела плотно облегал красный лиф. Костюм завершала широкая юбка веселой расцветки. Когда Андерсон

спросил ее, почему она оставила мужа, Тилни показала на Чади и сказала: «Посмотрите на него. Он не только грязный, но и скряга. За два года, что я прожила с ним, он не купил мне ни одежды, ни украшений. Одежду, которую вы видите на мне, и эти украшения, — сказала она, прикоснувшись к серебряным запястьям и ниткам стеклянных бус, — дал мне Калу». Когда ее спросили, согласна ли она вернуться к Чади, Тилни покачала головой и сказала, что ничто не заставит ее сделать это.

Жители Тераи славятся своей чистоплотностью и независимым положением женщин. Ни в каком другом районе Индии дома и деревни не содержатся в такой безупречной чистоте, как в Тераи. Ни в одном другом районе молодая женщина не посмела бы, да ей просто и не позволили бы выступить в защиту своих интересов перед собравшимися мужчинами и женщинами, в том числе перед двумя белыми мужчинами.

Затем Андерсон спросил, имеются ли у Чади какие-нибудь предложения, и тот ответил: «Вы — моя мать и мой отец. Я пришел к вам, чтобы добиться справедливости, и, если ваша честь не может заставить мою жену вернуться ко мне, я требую компенсации». «Сколько же ты хочешь за нее?» — спросил Андерсон. И Чади ответил: «Сто пятьдесят рупий». Со всех сторон послышались восклицания: «Он требует слишком много», «Слишком много», «Она не стоит столько».

Когда Андерсон спросил Калу, готов ли он заплатить сто пятьдесят рупий, тот ответил, что эта сумма чрезмерна, и добавил, что каждому в Боксаре известно, что Чади заплатил за Тилни только сто рупий. Эта цена, говорил он, была заплачена за Тилни, когда она была «новой», а теперь он готов заплатить за нее только пятьдесят рупий.

Симпатии собравшихся разделились. Одни утверждали, что требуемая сумма слишком велика, в то время как другие столь же активно провозглашали, что предложенная сумма слишком мала. В конце концов, после того как были должным образом рассмотрены все доводы за и против, все обстоятельства, относящиеся к самым интимным сторонам взаимоотношений, Андерсон установил цену за Тилни в размере семидесяти пяти рупий. Тилни слушала все это, и озорная улыбка не сходила с ее миловидного лица. Калу было предложено уплатить Чади. Развязав кушак, Калу достал вязаный кошелек и вытряхнул его содержимое у ног Андерсона. Всего в кошельке оказалось пятьдесят две серебряные рупии. Два товарища Калу пришли ему на помощь и добавили недостающие двадцать три рупии. После этого Чади было предложено сосчитать деньги. Когда он сосчитал

их и сказал, что сумма получена сполна, с земли с трудом поднялась женщина, которая, как я заметил раньше, пришла последней. Она шла очень медленно, по-видимому превозмогая большую боль, и уселась несколько поодаль от остальных. «А как же я, ваша честь?» — сказала женщина. «Кто ты?» — спросил Андерсон. «Я жена Калу», — ответила она.

Это была высокая изможденная женщина. На ее бледном, пожелтевшем лице не осталось ни кровинки, фигура ее была безобразна: живот вздут из-за больной селезенки, а ноги опухли. Все это говорило о том, что ее поразил бич Тераи — малярия.

Усталым, безжизненным голосом женщина сказала, что теперь, когда Калу купил себе другую жену, она стала бездомной. Не имея родственников в деревне и будучи слишком больной, чтобы работать, она умрет с голоду, оставшись без присмотра. Она прикрыла лицо сари и беззвучно заплакала. Сильные рыдания сотрясали ее изможденное тело.

Возникло неожиданное и неприятное осложнение, разрешить которое Андерсону было трудно, ибо, пока рассматривалось это дело, не было и намека на то, что у Калу есть жена.

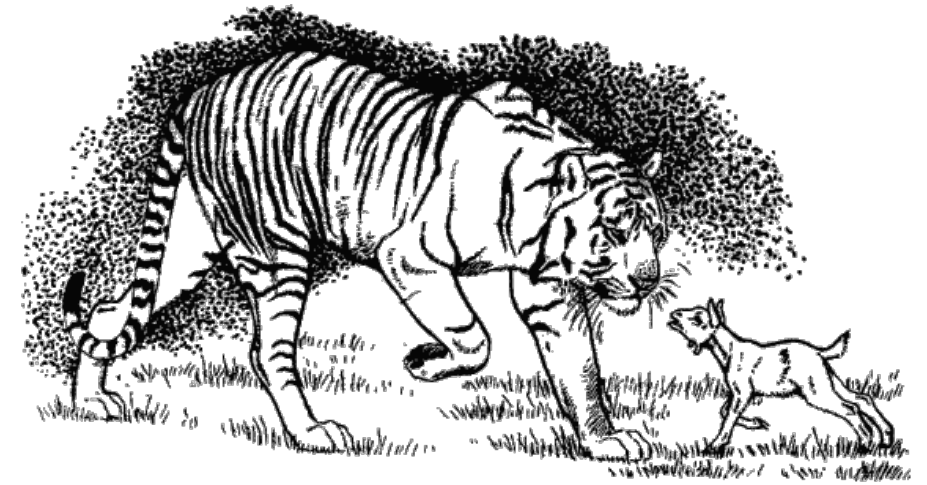
Неприятная тишина воцарилась после того, как из груди женщины вырвался этот призыв к состраданию. Тогда Тилни подбежала к несчастной женщине и, обняв ее своими сильными молодыми руками, сказала: «Не плачь, сестра, не плачь и не говори, что ты бездомная. Я буду жить с тобой вместе в новом доме, который Калу построил для меня. Я буду заботиться о тебе и ухаживать за тобой, и половину того, что Калу даст мне, я отдам тебе. Не надо больше плакать, сестра, а теперь пойдем со мной, я отведу тебя в наш дом».

Когда Тилни и больная женщина удалились, Андерсон встал и, громко высморкавшись, сказал, что его чертовски продуло ветром с гор и что на сегодня разбор дел закончен. Горный ветер, по-видимому, повлиял на других точно таким же образом, поскольку не один он вдруг ощутил настоятельную потребность высморкаться. Однако разбирательство дел на этом не окончилось. Чади подошел к Андерсону и попросил вернуть его жалобу. Разорвав ее на мелкие клочки, он вынул из кармана завернутые в кусок материи 75 рупий, развязал узел и сказал: «Калу и я живем в одной деревне. Ему теперь придется кормить двух человек, причем одному из них требуется особая пища. Ему понадобятся для этого все его деньги. Поэтому разрешите мне, ваша честь, вернуть ему эти деньги».

Объезжая свои владения во времена, когда не было бюрократизма, Андерсон и его предшественники разрешали, к взаимному удовлетворению всех сторон, сотни, нет, тысячи

аналогичных дел, причем участники тяжб не несли абсолютно никаких расходов. После введения бюрократических институтов эти дела стали передаваться в суды, где как истец, так и ответчик несут обременительные расходы. Судебные решения сеяли семена недовольства, что, в свою очередь, неизбежно приводило к возникновению все большего и большего количества судебных дел. Это лишь обогащало адвокатов и судей и разоряло простых, честных и трудолюбивых крестьян-бедняков.

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ



Харквар и Кунти поженились в том возрасте, когда им вместе не было и двадцати лет. В те дни это было нормальным явлением в Индии. По-видимому, так оно было бы и сейчас, если бы не жили на свете Махатма Ганди и мисс Майо.[34]

Харквар и Кунти жили в деревнях, отстоящих друг от друга на расстоянии нескольких миль и расположенных у подножия большой горы Дунагири. Они не видели друг друга до того знаменательного дня, когда, одетые в новое яркое платье, на какой-то короткий момент стали центром внимания огромной толпы родственников и друзей. Этот день надолго остался у них в памяти из-за того, что им представилась чудесная возможность набить до отказа свои маленькие животики халвой и пури.[35] Его надолго запомнили также отцы мальчика и девочки. В этот день деревенский торговец-бания, которого они называли «отцом и матерью», внял их просьбе и одолжил несколько рупий. Таким образом, им удалось сохранить уважение своей общины, поженив детей в том возрасте, когда все дети должны жениться, и притом в благоприятный момент, указанный деревенским жрецом. Бания же сделал новую запись против их имен в своей счетной книге. Конечно, заем из пятидесяти процентов был слишком тяжелым, но с божьей помощью он частично будет выплачен, поскольку имеются и другие дети, которых надо поженить, а кто же, кроме «доброго» бании, поможет им?

Кунти после свадьбы вернулась к своему отцу и несколько лет выполняла обязанности, возложенные на детей в домах бедняков. Единственное отличие ее «замужнего состояния» от

прежнего заключалось в том, что ей больше не разрешалось носить одежду из одного куска материи, которую носят незамужние девушки.[36] Теперь ее костюм состоял из трех частей: чаддара[37] длиной в полтора ярда, один конец которого прикрывал голову, а другой был заткнут за юбку, маленького лифа без рукавов и короткой юбки.

Прошло несколько однообразных и беззаботных лет, прежде чем для Кунти наступил день, когда ее сочли достаточно взрослой, чтобы переехать к мужу. Снова на помощь пришел бания, и одетая в новое платье девочка-невеста с глазами, полными слез, отправилась в дом к своему мужу-мальчику. Изменение в жизни Кунти в связи с переходом из одного дома в другой состояло лишь в том, что теперь она исполняла домашнюю работу не для матери, а для свекрови. В бедных семьях Индии нет бездельников: молодые и старые — все выполняют порученную им работу и делают ее весело. Кунти теперь была достаточно взрослой и могла помогать в приготовлении пищи. Сразу же после того, как съедали завтрак, все члены семьи, которые могли наняться на работу, уходили из дому. Их заработки, как ни ничтожны они были, давали возможность сводить концы с концами. Отец Харквара был каменщиком и работал на строительстве храма при школе, которую содержала американская миссия. Харквар мечтал пойти по стопам отца. Сейчас, когда он был для этого слишком слаб, он помогал кормильцу семьи, поднося ему и другим каменщикам строительные материалы. За десять часов работы ему платили две анна.

На орошаемых землях, в низине, созревал урожай. После завтрака, помыв и почистив металлические горшки и сковородки, Кунти отправлялась со своей свекровью и другими многочисленными невестками на поля деревенского старосты. Там она вместе с другими женщинами и девушками работала те же десять часов, что и ее муж, получая, однако, в два раза меньше. Когда дневная работа была закончена, семья в сумерках возвращалась в дом, который деревенский староста разрешил отцу Харквара построить на своей земле. Разводили огонь из сухих веток, собранных маленькими детьми за время отсутствия старших, приготовляли и съедали ужин. В доме не было никакого освещения, кроме огня в очаге. Когда горшки и сковородки были перемыты и убраны, все члены семьи отправлялись спать, каждый на свое место. Харквар и его братья спали вместе с отцом, а Кунти — с остальными женщинами семьи.

Когда Харквару исполнилось восемнадцать, а Кунти шестнадцать лет, они ушли из дома, взяв то немногое, что им

принадлежало, и поселились в доме, который предоставил им дядя Харквара в деревне, расположенной в трех милях от военного лагеря в Раникхете. В лагере шло строительство казарм, и Харквар без труда нашел работу каменщика. Кунти также легко устроилась на работу: она переносила камни из каменоломни на строительную площадку.

Четыре года молодые супруги работали на строительстве казарм в Раникхете. За это время у Кунти родилось двое детей. В ноябре, к концу четвертого года, строительство было закончено. Харквару и Кунти необходимо было искать новую работу, ибо на свои сбережения они могли продержаться лишь несколько дней.

В этом году зима была ранняя и обещала быть необычайно суровой. Семья не была обеспечена теплой одеждой, и после бесплодных поисков работы в течение недели Харквар предложил перебраться в другой район, у подножия гор, где, как он слышал, шло строительство канала.

В начале декабря они бодро отправились пешком в долгий путь. Расстояние между деревней, где они жили четыре года, и строительством канала в Каладхунги, где они надеялись получить работу, составляло примерно пятьдесят миль. Ночью они спали под деревьями, а днем шли по крутой и неровной дороге. Они несли свои пожитки и по очереди брали на руки детей. Двигаясь таким образом, Харквар и Кунти, усталые, с разбитыми ногами, через шесть дней добрались до Каладхунги.

Сюда же в начале зимы пришли из высокогорных районов безземельные крестьяне-«неприкасаемые»[38] и построили общие дома, в которых могло разместиться до тридцати семей. В этих домах Харквар и Кунти не нашли пристанища, и им пришлось строить отдельную хижину. Выбрав место на опушке леса, где было много топлива и откуда недалеко до базара, они целыми днями трудились над сооружением хижины из ветвей и листьев. У них оставалось всего несколько рупий, и здесь не было «доброго» бании, к которому можно было бы обратиться за помощью.

Лес, на опушке которого Харквар и Кунти построили свою хижину, был моим излюбленным местом охоты. Еще мальчиком я впервые вступил в него со старым шомпольным ружьем, чтобы охотиться за дичью и пополнять запасы мяса для своей семьи. Затем я исходил этот лес вдоль и поперек, вооруженный современной винтовкой. К тому времени, когда Харквар и Кунти с двумя детьми, трехлетним Пунвой и двухлетней Путали, поселились в своей хижине, я точно знал, что в этом лесу обитают пять тигров, восемь леопардов, семейство медведей-губачей, два гималайских медведя, спустившихся с гор, чтобы полакомиться

дикими сливами и медом, несколько гиен, логово которых находилось в густых травяных зарослях в пяти милях отсюда. Гиены каждую ночь приходили в лес, чтобы поживиться остатками добычи тигров и леопардов. Кроме того, в лесу жили две дикие собаки, множество шакалов, лисиц и лесных куниц. Встречались также различные виды виверы цибетовой и другие представители кошачьих. Среди обитателей леса были еще два питона, змеи различных пород, хохлатые и золотистые орлы и сотни других хищных птиц. Я не упомянул еще таких животных, как олени, антилопы, дикие свиньи и обезьяны, ибо они к моему рассказу не имеют отношения.

На другой день после того, как примитивная хижина была построена, Харквар устроился на работу у подрядчика на строительстве канала квалифицированным каменщиком с оплатой восемь анна в день. Кунти за две рупии приобрела разрешение лесного департамента, предоставлявшее ей право срезать у подножия гор траву, которую она затем продавала лавочникам на базаре на корм скоту. За связку свежей травы, весящей до восьмидесяти фунтов, которую приходилось нести десять — четырнадцать миль по дороге, пролегающей по холмам, Кунти получала четыре анна. При этом одну анна она должна была отдать человеку, который имел выданную властями лицензию на продажу травы на базаре. На восемь анна, зарабатываемых Харкваром, и три анна, приносимых Кунти, семья из четырех человек могла жить в относительном довольстве. Пищи было много, она была дешевой, и впервые за всю свою жизнь они могли позволить себе раз в месяц есть мясо.

Два месяца из трех, которые Харквар и Кунти намеревались провести в Каладхунги, прошли весьма спокойно. Работать приходилось долго и без отдыха, но они привыкли к этому с детства. Погода стояла прекрасная, и дети были здоровы. Они не голодали, если не считать тех нескольких дней, когда строилась хижина.

Первое время Харквар и Кунти тревожились о детях, так как они были слишком малы, чтобы сопровождать отца на строительство канала или мать в ее длительных переходах в поисках травы. Затем им на помощь пришла добрая старушка-калека, жившая в общем доме в нескольких сотнях ярдов от них. Она предложила присматривать за детьми в то время, когда родители находились на работе. Таким образом, на протяжении двух месяцев все шло хорошо. Каждый вечер, когда Харквар приходил домой со строительства канала, расположенного в четырех милях, а Кунти появлялась несколько позже, продав траву на базаре, их с нетерпением ожидали Пунва и Путали.

Пятница была базарным днем в Каладхунги, и все жители близлежащих деревень стремились попасть на базар, где сооружались открытые лотки, на которых раскладывались дешевые продукты, фрукты и овощи. По базарным дням Харквар и Кунти возвращались с работы на полчаса раньше обычного. Дело в том, что, если до закрытия лотков на ночь оставались непроданные овощи, их можно было купить дешевле.

Однажды в пятницу Харквар и Кунти, вернувшись в свою хижину со скромными покупками — овощами и фунтом козьего мяса, не нашли Пунвы и Путали. Расспросив старуху, они выяснили, что она не видела детей после полудня. Старуха предполагала, что они могли уйти на базар посмотреть карусель, которая привлекала внимание всех детей их дома. Предположение казалось разумным, и Харквар отправился на базар искать детей, а Кунти вернулась в хижину и занялась приготовлением ужина. Через час Харквар вернулся вместе с несколькими мужчинами, помогавшими ему в поисках, и сообщил, что им не удалось обнаружить никаких следов детей. Никто из опрошенных не видел их.

В это время по Индии ходили слухи, что факиры похищают индусских детей, продавая их затем на северо-западной границе для постыдных целей. Я не берусь утверждать, насколько обоснованными были эти слухи, однако в газетах мне часто приходилось читать о фактах избиения факиров, а также о том, что в ряде случаев полиция спасала факиров от толпы, собиравшейся их линчевать. Можно с уверенностью сказать, что все родители в Индии знали об этом. Когда Харквар и его друзья, помогавшие в поисках, вернулись в хижину, они поделились с Кунти своими опасениями о том, что детей похитили факиры, которые, вероятно, с этой целью пришли на базар.

В дальнем конце деревни находился полицейский участок, где служили три констебля. Туда и направились Харквар и Кунти в сопровождении все увеличивающейся толпы сочувствующих. Старший констебль был добродушным старичком и сам имел детей. Участливо выслушав рассказ опечаленных родителей, он записал их показания в журнал и сказал, что ночью предпринять ничего не удастся, но наутро он пошлет городского глашатая объявить во всех пятнадцати деревнях уезда Каладхунги о пропаже детей. Затем он сказал, что шансы получить детей назад в целости и сохранности значительно возрастут, если глашатай объявит, что за них будет выдана награда в пятьдесят рупий. Пятьдесят рупий! Харквар и Кунти растерялись от такого предложения, ибо эта сумма казалась им невообразимо большой. Однако, когда на следующее утро городской глашатай отправился

в путь, он мог сообщить о том, что награда будет выдана, ибо один человек из Каладхунги, услышавший о предложении старшего констебля, сказал, что он заплатит эту сумму.

В тот вечер Харквар и Кунти съели свой ужин поздно ночью. Порцию, предназначенную для детей, они отложили и всю ночь поддерживали небольшой огонь, так как было очень холодно. Через короткие промежутки времени Харквар и Кунти выходили из хижины и звали своих детей, хотя не было почти никакой надежды получить ответ.

Около Каладхунги две дороги пересекаются под прямым углом. Одна из них проходит вдоль подножия гор из Халдвани в Рамнагар, а другая — из Найни-Тала в Баспур. В эту ночь, с пятницы на субботу, сидя вплотную у маленького огня, Харквар и Кунти решили, что, если к утру дети не появятся, они пойдут искать их по первой дороге, ибо скорее всего в этом направлении могли уйти похитители. На рассвете субботнего дня они отправились в полицейский участок, чтобы сообщить старшему констеблю о своем решении. Там им посоветовали сделать заявление в полиции Халдвани и Рамнагара. Они очень ободрились, когда старший констебль сообщил, что направляет с почтальоном письмо самому полицейскому инспектору Халдвани с просьбой телеграфировать на все узловые железнодорожные станции, чтобы предприняли поиски детей, приметы которых сообщались в письме.

Вечером, почти перед заходом солнца, Кунти вернулась из Халдвани, пройдя за день двадцать восемь миль. Прямо с дороги она зашла в полицейский участок узнать о детях и сообщить констеблю, что ее поиски оказались безрезультатными и что она сделала заявление, как ей было сказано, в полиции Халдвани. Вскоре из Рамнагара вернулся Харквар, проделав путь в тридцать шесть миль. Он также сразу пошел в полицейский участок справиться о детях и сообщить, что он не обнаружил никаких следов, но выполнил указания старшего констебля. У хижины собралось много друзей, в том числе матери, беспокоившиеся за судьбу своих детей. Все они пришли выразить свое сочувствие Харквару и Кунти.

Воскресенье они провели так же, как и субботу. Кунти в этот раз отправилась на север, в Найни-Тал, а Харквар — на юг, в Баспур. Кунти прошла тридцать миль, Харквар — тридцать две. Они отправились в путь рано утром и вернулись лишь к ночи. Обезумевшие от горя родители проделали долгий путь по плохим дорогам через дремучие леса, где люди обычно ходят только большими группами. Харквар и Кунти никогда не отважились бы пойти туда в одиночку, но тревога за детей поборола их страх.

В воскресенье вечером, усталые и голодные, Харквар и Кунти вернулись в свою хижину. Поиски в Найни-Тале и Баспуре оказались безрезультатными. Дома они узнали, что ни обход городским глашатаем окрестных деревень, ни запросы полиции не помогли напасть на следы детей. Родители впали в отчаяние. Они больше не надеялись увидеть Пунву и Путали. Гнев богов, выразившийся в том, что факир смог среди бела дня похитить их детей, был необъясним. Прежде чем отправиться в долгое паломничество из своей горной деревни, они посоветовались с местным жрецом, который указал наиболее благоприятный день для начала путешествия. Проходя мимо храмов, они делали требуемые приношения: в одном месте кусочек сухого дерева, в другом маленькую полоску материи, оторванную от чаддара Кунти, и, наконец, даже деньги — пайсу, которая им самим была очень нужна. Здесь, в Каладхунги, проходя мимо храма, в который они не могли войти как представители низшей касты, они всякий раз молитвенно складывали руки. Почему же именно на них обрушилось это ужасное несчастье? Ведь они выполняли все требования богов и никогда не причиняли зла ни одному человеку.

В понедельник муж и жена настолько ослабели и упали духом, что уже не могли выйти из хижины. Пищи у них не было, и ее не будет до тех пор, пока они снова не начнут работать. Но зачем теперь работать: ведь пропали дети, ради которых они столь охотно трудились с утра до вечера. Друзья приходили и уходили, стараясь каждый по-своему выразить свое сочувствие, а Харквар все сидел у дверей хижины, думая о мрачном и безнадежном будущем. Кунти, выплакав все слезы, уже много часов сидела в углу, раскачиваясь взад и вперед.

В этот понедельник один знакомый мне человек пас буйволов в тех джунглях, где жили дикие звери и хищные птицы, о которых я говорил выше. Он был простым пастухом и большую часть своей жизни провел в джунглях, где пас буйволов деревенского старосты из Патабпура. Опасаясь тигров, он перед заходом солнца собрал буйволов и погнал их в деревню по протоптанной скотом дорожке, через самые густые заросли. Пастух заметил, что каждый буйвол, дойдя до определенного места на дороге, поворачивал голову направо и стоял до тех пор, пока идущий сзади буйвол не начинал подгонять его рогами. Пастух подошел к этому месту и взглянул направо: в небольшой яме в нескольких футах от дороги лежало двое маленьких детей.

В субботу днем, когда городской глашатай обходил деревни, пастух пас буйволов в джунглях. Однако вечером и на следующий день, в воскресенье, в селении, где жил пастух, как и во всех

других деревнях Каладхунги, только и было разговоров что о похищении детей Харквара. Это, значит, и были пропавшие дети, за которых обещана награда в пятьдесят рупий. Но почему их убили и принесли в это отдаленное место? Дети были голыми и лежали обнявшись. Пастух спустился в яму и присел на корточки, чтобы узнать, как погибли дети. В том, что дети были мертвы, он не сомневался, однако, сидя рядом с ними и рассматривая их, он вдруг заметил, что они дышат, и понял, что они живы и просто крепко спят. Пастух сам был отцом, он очень осторожно притронулся к детям, чтобы разбудить их. Прикоснувшись к ним, он нарушил обычай своей касты, ибо был брамином, а дети принадлежали к низшей касте. Но что значат обычаи касты в подобных случаях! Предоставив буйволам самим следовать домой, он поднял детей, которые были слишком слабы, чтобы идти, и, посадив их на плечи, отправился на базар в Каладхунги. Пастух был слабым человеком, поскольку он, как и все жители предгорий, болел малярией. Нести детей было неудобно, их все время приходилось придерживать. Да и тропинки, протоптанные скотом и дикими животными в этом районе джунглей, проходят с севера на юг, а его путь лежал с востока на запад. Кроме того, ему часто встречались непроходимые заросли и глубокие ущелья. Однако он мужественно прошел шесть миль, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть. Путали не могла говорить, а Пунва был в состоянии произнести лишь несколько слов: они играли и заблудились.

Харквар сидел у порога хижины и смотрел в сгущающуюся темноту ночи. То тут, то там появлялись светящиеся точки: это в домах зажигали фонарь или разводили огонь в очаге. Вдруг он заметил небольшую группу людей, приближающихся со стороны базара. Во главе процессии шел человек, несущий что-то на плечах. Все новые люди присоединялись к процессии со всех сторон, и он слышал возбужденные голоса: «Дети Харквара! Дети Харквара!» Он не мог поверить своим ушам, но это, по-видимому, было так, ибо процессия направлялась прямо к его хижине.

Кунти, отчаяние которой достигло предела и силы которой окончательно истощились, заснула, скорчившись в углу хижины. Харквар разбудил ее и подвел к дверям как раз в тот момент, когда подошел пастух, несший Пунву и Путали.

Когда умолкли приветственные возгласы, поздравления друзей, благословения и выражения благодарности, которыми со слезами осыпали спасителя, стали обсуждать вопрос о награде, причитавшейся пастуху. Для этого бедняка пятьдесят рупий были несметным богатством. Пастух мог бы купить на них трех буйволов или десять коров и стать независимым на всю жизнь.

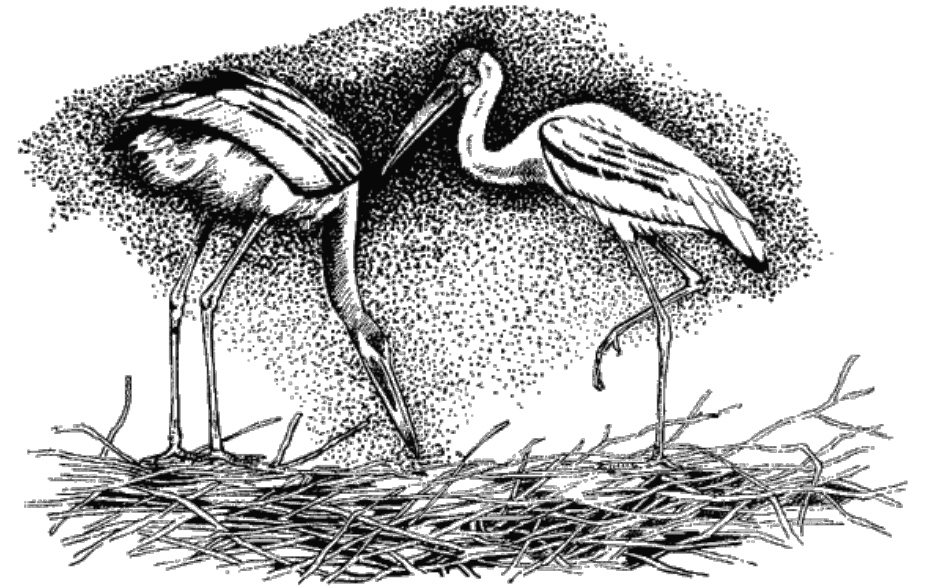
Однако спаситель детей оказался лучше, чем его считали. Он сказал, что многочисленные благословения и проявления благодарности сами по себе уже достаточная награда для него, и наотрез отказался взять хотя бы одну пайсу из этих пятидесяти рупий. Харквар и Кунти также отказались принять эти пятьдесят рупий в качестве подарка или займа. К ним вернулись их дети, которых они уже не надеялись увидеть. Когда они достаточно окрепнут, Харквар и Кунти опять начнут работать. А пока им за глаза хватит молока, сладостей и пури, принесенных с базара добрыми и чистосердечными людьми, собравшимися в хижине.

Двухлетняя Путали и трехлетний Пунва потерялись в пятницу, в полдень, и были найдены пастухом в понедельник около пяти часов дня, то есть примерно через 77 часов. Выше я перечислил диких зверей, которые, как мне было известно, жили в лесу, где дети провели это время. Невозможно предположить, что никто из хищных зверей или птиц их не видел, не слышал или не почуял. Тем не менее, когда пастух передал Путали и Пунву родителям, на теле детей не было следов зубов или когтей.

Однажды я наблюдал, как тигрица подкрадывалась к месячному козленку. Местность была совершенно открытая, и козленок, заметив тигрицу на некотором расстоянии, начал блеять, после чего тигрица перестала подкрадываться и направилась прямо к нему. Когда она приблизилась на расстояние нескольких ярдов, козленок пошел к ней навстречу. Подойдя к тигрице, он вытянул шею и поднял голову, чтобы обнюхать ее. Несколько мгновений месячный козленок и королева лесов стояли нос к носу. Затем тигрица повернулась и ушла в том направлении, откуда появилась.

В конце войны против гитлеровской Германии в течение одной недели я прочел отрывки из речей трех самых видных деятелей Британской империи. Они осуждали зверские методы ведения войны и обвиняли противника в том, что он пытался строить отношения между воюющими сторонами на основе «закона джунглей». Если бы создатель установил для человека те же законы, что и для обитателей джунглей, войн не было бы.

БРАТЬЯ



Долгие годы обучения мальчиков искусству охоты остались позади. Однажды утром, после завтрака, мы сидели на веранде нашего коттеджа в Каладхунги. Сестра Мэгги вязала мне пуловер цвета хаки, а я заканчивал ремонт моего любимого спиннинга, который испортился оттого, что долго лежал без употребления. В это время по ступенькам веранды поднялся человек, одетый в чистый, но со множеством заплат бумажный костюм. Лицо его озаряла широкая улыбка. Поздоровавшись, он спросил, помним ли мы его.

Много людей, опрятных и не очень опрятных, старых и молодых, богатых и бедных (но в основном бедных), индусов, мусульман и христиан поднималось в разное время по этим ступеням, ибо наш коттедж стоял на перекрестке дорог, у подножия гор, на границе между пашней и лесом. Здесь находили приют больные и обездоленные, все те, кто нуждался в помощи, человеческом участии или просто в чашке чаю. Это были крестьяне, жившие в земледельческих районах, или же рабочие, трудившиеся в лесах, а подчас путники, направлявшиеся из одного места в другое. Если бы на протяжении всех лет мы записывали имена только больных и раненых, которым была оказана помощь, этот список включил бы тысячи имен. Мы лечили различных людей, ставших жертвой болезней, свирепствовавших в этой местности с нездоровым климатом, или

пострадавших в лесу от нападения диких зверей.

Однажды утром к нам пришла женщина с жалобой на то, что ее сыну очень трудно есть припарку из льняного семени, которую ей накануне вечером дали для того, чтобы приложить к нарыву. Она просила заменить лекарство в связи с тем, что припарка не помогала мальчику. Был и такой случай, когда поздно вечером пришла старая женщина-мусульманка и, заливаясь слезами, умоляла Мэгги спасти ее мужа, умиравшего от воспаления легких. С сомнением разглядывая таблетки, она спросила: «И это все, что следует дать умирающему человеку, чтобы ему стало лучше?» На следующий день она вернулась и, сияя, сообщила, что ее муж поправился. Она просила дать такое же лекарство пришедшим с нею четырем знакомым женщинам, у которых тоже были старые мужья, могущие в любое время заболеть воспалением легких. В другой раз восьмилетняя девочка, с трудом дотянувшаяся до задвижки на воротах, подошла к веранде, крепко держа за руку мальчика примерно на два года моложе ее, и попросила лекарство для его больных глаз. Она села на землю, заставила мальчика лечь на спину и, зажав его голову между колен, сказала: «Теперь, госпожа, вы можете сделать с ним все что хотите». Девочка была дочерью старосты деревни, расположенной в шести милях от нас. Увидев, что у товарища по школе болят глаза, она решила привести его к Мэгги для лечения. В течение целой недели, до тех пор пока глаза у мальчика не были вылечены окончательно, эта юная самаритянка ежедневно приводила его к нашему коттеджу, хотя ей надо было проделать лишние четыре мили.

Однажды к нам пришел, сильно хромая, пильщик леса из Дели. Его правая нога была распорота кабаньим клыком от пятки до подколенной впадины. Все время, пока мы занимались его ногой, он, будучи правоверным мусульманином, проклинал нечистую тварь, нанесшую ему ужасную рану. Этот человек рассказал, что, когда утром он подошел к сваленному накануне дереву, чтобы распилить его, из ветвей выскочил кабан и бросился на него. Когда я сказал, что не надо было попадаться на пути кабана, он с негодованием воскликнул: «Зачем ему надо было нападать на меня? Ведь он мог бегать по всем джунглям. Я не трогал его и даже не видел».

Приходил и другой пильщик леса. Он переворачивал бревно, когда скорпион, «вот такой большой», ужалил его в ладонь. Мы сделали все необходимое, но пильщик катался по земле, громко жалуясь на судьбу и уверяя всех, что лекарство ему не помогло. Однако вскоре после этого видели, как он стоял подбоченившись и задыхался от смеха. В этот день проводился ежегодный детский

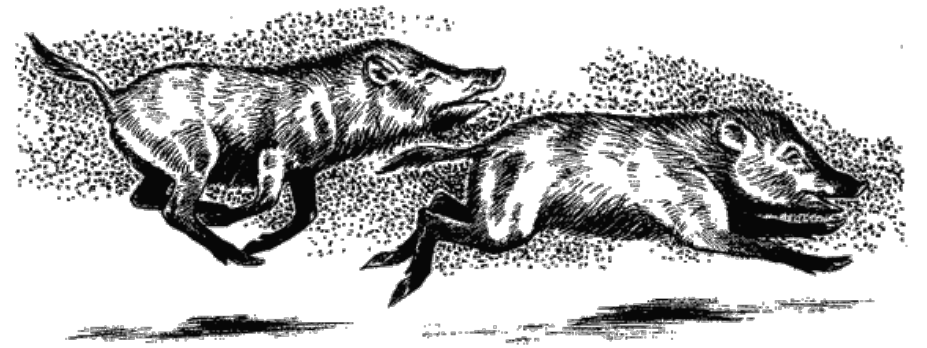
праздник, на который мы пригласили пострадавшего. Когда игры и развлечения окончились и две сотни детей, а также их матери наелись сладостей и фруктов, они образовали круг. Мальчик с завязанными глазами должен был сбить бумажный мешок, наполненный всевозможными лакомствами. Мешок висел на веревке между бамбуковыми палками, которые держали двое мужчин. Когда мальчик ударил своей палкой по голове одного из них, громче всех смеялся человек, укушенный скорпионом. Его спросили, болит ли рука. Он ответил, что боль прошла и что он готов вытерпеть сколько угодно укусов скорпионов, лишь бы ему позволили еще раз участвовать в таком празднике, как этот.

Я не могу припомнить, как давно члены нашей семьи начали выступать в роли докторов-любителей. Индийцы, особенно бедные, никогда не забывают любое проявление доброты к ним, пусть даже самое незначительное. Не все люди, поднимавшиеся по ступеням нашего коттеджа в Каладхунги, были пациентами. Многие по нескольку дней шли по плохим дорогам и в любую погоду для того, чтобы поблагодарить нас за небольшую помощь, оказанную им в прошлом году или даже несколько лет назад. В их числе был шестнадцатилетний юноша, который вместе с матерью несколько дней прожил в нашей деревне, пока Мэгги лечила его мать от гриппа и острого воспаления глаз. Потом он проделал многодневный путь, чтобы передать Мэгги благодарность матери и подарить несколько гранатов, которые она сорвала для нее «своими собственными руками». И в этот же день, за час до появления человека в залатанном костюме, к нам вошел старик и сел на веранде, прислонившись спиной к одной из колонн. Поглядев на меня, он покачал головой, выражая неодобрение, и сказал: «Вы выглядите гораздо старше, господин, чем в тот день, когда я вас видел в последний раз». «Да, — ответил я, — все мы выглядим старше спустя десять лет». «Нет, не все, господин, — возразил он, — я выгляжу и чувствую себя не старше, чем в то время, когда в последний раз сидел на вашей веранде, и притом не десять, а двенадцать лет назад. Я тогда возвращался пешком после паломничества в Бадринат. Я ужасно устал и к тому же очень нуждался в десяти рупиях. Поэтому, увидев ваши ворота открытыми, я попросил разрешения передохнуть и обратился к вам за помощью. Теперь я возвращаюсь из другого паломничества — в священный город Бенарес. Я не нуждаюсь в деньгах и пришел лишь для того, чтобы поблагодарить вас и сказать, что тогда я благополучно добрался до дома. Я немного покурю, отдохну, а потом пойду к своей семье, которую оставил в Халдвани». И для этого он проделал путь в двадцать восемь миль! Несмотря на его утверждения, что

двенадцать лет нисколько не состарили его, это был болезненный, хилый старик.

Итак, перед нами на веранде стоял человек, одетый в залатанный бумажный костюм. Хотя его лицо и казалось знакомым, мы не могли вспомнить ни его имени, ни обстоятельств, при которых встречались. Он догадался, что его не узнали. Тогда он снял пиджак, расстегнул рубашку и обнажил грудь и правое плечо. И мы сразу вспомнили: это Нарва, занимавшийся изготовлением корзин. Неудивительно, что мы не сразу узнали его: шесть лет назад, когда мы видели этого человека в последний раз, он был страшно истощен — кожа да кости. Он с большим трудом передвигал ноги и был вынужден опираться на палку. Сейчас мы смотрели на его изуродованное плечо, раздробленные и переломанные кости которого неправильно срослись, на сморщившуюся и побледневшую кожу на груди и спине, а также на частично высохшую правую руку. Мы, которые в течение трех месяцев наблюдали за мужественной борьбой этого человека со смертью, теперь восхищались тем, насколько хорошо он выдержал это тяжкое испытание. Поднимая и опуская руку, сжимая и разжимая ладонь, Нарва сказал, что рука становится сильнее с каждым днем. Вопреки нашим опасениям, пальцы не потеряли гибкости и он мог снова заняться своим ремеслом. Он сказал, что пришел для того, чтобы показать нам, что уже совсем здоров, и поблагодарить Мэгги — он склонил голову к ее ногам — за то, что она содержала его с женой и ребенком в те месяцы, когда он находился между жизнью и смертью.

ИСПЫТАНИЕ НАРВЫ



Нарва и Хария, вопреки их утверждениям, не были родными братьями. Они родились и выросли в одной и той же деревне около Алморы. Когда они подросли настолько, что могли работать, оба выбрали одно и то же ремесло — изготовление корзин. Это означает, что они были из касты «неприкасаемых», поскольку в Соединенных провинциях этим занимаются только «неприкасаемые». В летние месяцы Нарва и Хария плели корзины в родной деревне около Алморы. Зимой они спускались в Каладхунги, где был большой спрос на огромные корзины, до пятнадцати футов в диаметре. В этих корзинах крестьяне наших деревень хранили зерно. В своей горной деревне около Алморы Нарва и Хария изготовляли корзинки из рингала, карликового бамбука толщиной в дюйм и длиной до двадцати футов, растущего в горах на высоте от четырех до десяти тысяч футов. Из него, между прочим, лучше всего делать спиннинги. В Каладхунги они плели корзины из обычного бамбука.

Бамбук в Каладхунги растет в охраняемых государственных лесах. Земледельцам, живущим около этих лесов, разрешается ежегодно срезать некоторое количество бамбука для своих личных потребностей. Те же, кто использует бамбук в коммерческих целях, должны получать лицензии у местного лесничего, уплачивая ему по две анна за связку бамбука и небольшую сумму в пользу лесничего за беспокойство, связанное с выписыванием лицензии. Патент выдается на одного человека и фактически предоставляет право срезать такое количество стволов бамбука, какое владелец лицензии сможет унести. Для плетения корзин больше всего подходит двухлетний бамбук.

На рассвете 26 декабря 1939 года Нарва и Хария вышли из дому. Им предстояло пройти восемь миль до деревни Нални, получить там у лесничего патент, затем нарезать две связки

бамбука на участке леса около Нални и в тот же вечер возвратиться в Каладхунги. Когда они вышли из дому, было ужасно холодно и каждый закутался в грубую хлопчатобумажную ткань. Около мили они шли вдоль берега канала. Преодолев несколько высоких стен головного сооружения канала, они свернули на тропинку, пересекающую участки густых зарослей кустарника и каменистое ложе Кабаньей реки, где рано утром можно видеть пару выдр и где с восходом солнца можно спиннингом поймать махсира весом до четырех фунтов.

Пройдя две мили, они перешли вброд на левый берег реки и вступили в густые заросли джунглей, где по утрам и вечерам можно встретить небольшие стада читалов и замбаров, а иногда каркера, леопарда или тигра. Еще через милю по этим джунглям они пришли к месту, где горы сходятся и где за несколько лет до этого Робин обнаружил следы «Повальгарского холостяка». Здесь начинается долина, известная всем, кто пасет скот, браконьерствует или охотится в этом районе, под названием Самал-Чаур. По долине следует ходить осторожно, поскольку на здешних тропинках можно встретить тигра почти так же часто, как человека.

В верхней части долины тропинка на протяжении двух миль круто поднимается в направлении деревни Нални, пересекая участок, заросший травой. Трава достигает здесь восьми футов в высоту и занимает пространство шириной тридцать ярдов. Справа и слева от тропинки травяные заросли простираются примерно на пятьдесят ярдов. Зная, что впереди крутой подъем, Нарва снял с себя ткань, в которую был закутан, сложил ее в несколько раз и перекинул через правое плечо. Хария шел впереди, а Нарва следовал за ним в нескольких шагах. Углубившись на три-четыре ярда в травяные заросли, Хария услышал рев разъяренного тигра и одновременно крик Нарвы. Он бросился назад и на открытом участке перед зарослями травы увидел Нарву лежащим на спине. Поперек него наискось лежал тигр. Ближе всего к Хария находились ноги Нарвы. Схватив его за щиколотки, он начал вытаскивать его из-под тигра. Тогда тигр встал, повернулся к нему и зарычал. Оттащив Нарву на некоторое расстояние, Хария обхватил его тело руками и поставил на ноги. Но Нарва был тяжело ранен и ужасно потрясен. Он не мог ни стоять, ни ходить. Хария снова обхватил его руками и то волоком, то на руках дотащил по открытому пространству возле травяных зарослей до тропы, ведущей в деревню Нални. Тигр тем временем продолжал рычать. Прилагая нечеловеческие усилия, Хария в конце концов доставил Нарву в Нални. Здесь обнаружили, что, несмотря на сложенную в несколько раз ткань, которую Нарва положил на

правое плечо, тигр поломал ему плечевые кости и разорвал мышцы, в результате чего обнажились кости на груди и спине.

Все четыре клыка тигра прокусили сложенную в восемь раз ткань. Если бы не это препятствие, клыки тигра вонзились бы глубже и рана оказалась бы смертельной.

Ни лесничий, ни жители Нални ничем не могли помочь Нарве. Хария нанял за две рупии вьючного пони, посадил на него Нарву и отправился в Каладхунги. До Каладхунги, как я уже выше говорил, было восемь миль, однако Хария, не желая вторично встречаться с тигром, сделал большой крюк через деревню Масабанга, что удлинило мучительный для Нарвы переезд на десять миль. В Нални не нашлось седла, и Нарва сидел на жестком вьюке, используемом для перевозки зерна. Первые девять миль пути проходили по невообразимо крутой и плохой дороге.

Мэгги пила чай на веранде нашего коттеджа, когда у порога дома верхом на пони появился окровавленный Нарва, поддерживаемый Харией. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить, что в данном случае она не справится своими силами. Прежде всего Мэгги немедленно дала Нарве большую дозу нюхательной соли, поскольку он явно терял сознание, и сделала перевязь для его руки. Затем она приготовила бинты, разорвав для этого простыню, и написала записку младшему хирургу, возглавлявшему больницу в Каладхунги, с просьбой немедленно принять Нарву и сделать для него все возможное. Записку она дала старшему слуге и приказала ему сопровождать Нарву в больницу.

В тот день я охотился на птиц с друзьями, проводившими рождественские каникулы в Каладхунги. Когда я вернулся поздно вечером, Мэгги рассказала мне о Нарве. На следующий день рано утром я был в больнице. Очень молодой и очень неопытный доктор сообщил мне, что он сделал все, что мог. Но поскольку он мало верил в его выздоровление и у него не было возможности оставить Нарву в больнице, он отправил его домой. В большом общем доме, где жило около двадцати семейств с рекордным количеством маленьких детей, я нашел Нарву лежащим на подстилке из соломы и листьев. Нельзя было придумать более неподходящего места для человека в таком тяжелом состоянии: его раны уже начинали гноиться. В течение недели Нарва лежал в углу шумного и грязного дома. Временами он бормотал что-то в горячечном бреду, временами впадал в бессознательное состояние. За ним присматривали его плачущая жена, преданный «брат» Хария и друзья. Даже для моего неопытного глаза было ясно, что, если гноящиеся раны Нарвы не вскрыть и не

прочистить, предсказание доктора наверняка сбудется. Поэтому, договорившись об уходе за больным во время лечения, я переправил его в больницу. Надо отдать доктору должное: взявшись за дело, он справился с ним хорошо. Многие длинные шрамы на груди и спине Нарвы, с которыми он не расстанется до самой смерти, были следами не когтей тигра, а ланцета доктора, которым тот действовал весьма свободно.

За исключением профессиональных нищих, бедняки в Индии могут прокормить себя только до тех пор, пока работают. Поскольку все время жены Нарвы было занято (она должна была навещать мужа в больнице и ухаживать за ним после того, как он вернулся в общий дом, а также заботиться о трехлетней дочке и грудном ребенке), Мэгги давала Нарве и его семье все необходимое.[39] Через три месяца Нарва, от которого остались кожа да кости, с правой рукой, по всей вероятности навсегда выведенной из строя, приполз из своего дома к нам, чтобы попрощаться и отправиться на следующий день вместе с Харией и своей семьей в их деревню около Алморы.

Посетив Нарву в первый раз в общем доме и выслушав рассказ очевидца этого случая — Хария, я пришел к убеждению, что встреча тигра с Нарвой была случайной. Однако я хотел убедиться в том, что правильно восстановил ход событий. Если же все произошло иначе, то я застрелю тигра. Я прошел тем же путем, по которому до этого шли братья, направляясь в деревню Нални. На протяжении нескольких ярдов дорога проходит вдоль заросшего травой участка у подножия горы Нални, а затем поворачивает под прямым углом и пересекает травяные заросли. Незадолго до того, как Нарва и Хария подошли к этому месту, тигр задрал замбара-самца и затащил его в траву возле правой обочины дороги. Когда Хария вступил в травяные заросли, тигр услышал шелест и, выйдя из зарослей, бросился на Нарву, который шел в нескольких ярдах за Харией и находился в одном-двух ярдах от поворота. Встреча произошла случайно, поскольку трава была слишком густой и высокой и тигр не мог видеть Нарву до того, как столкнулся с ним. Кроме того, тигр больше не стал трогать Нарву и даже позволил Харии вытащить его из-под себя. Поэтому тигру была дарована жизнь. Впоследствии я упомянул о нем в главе «Просто тигры» в моей книге «Кумаонские людоеды».

Я был свидетелем многих смелых поступков, о некоторых из них читал или слышал, но самым замечательным поступком я считаю поступок Харии, спасшего Нарву. Одинокий безоружный человек в огромных джунглях откликнулся на призыв о помощи и вытащил своего товарища из-под рассерженного тигра, лежавшего на нем, а затем нес его две мили по крутому склону горы, думая,

что тигр идет за ними. Для этого нужно обладать редким мужеством, которому всякий может позавидовать.

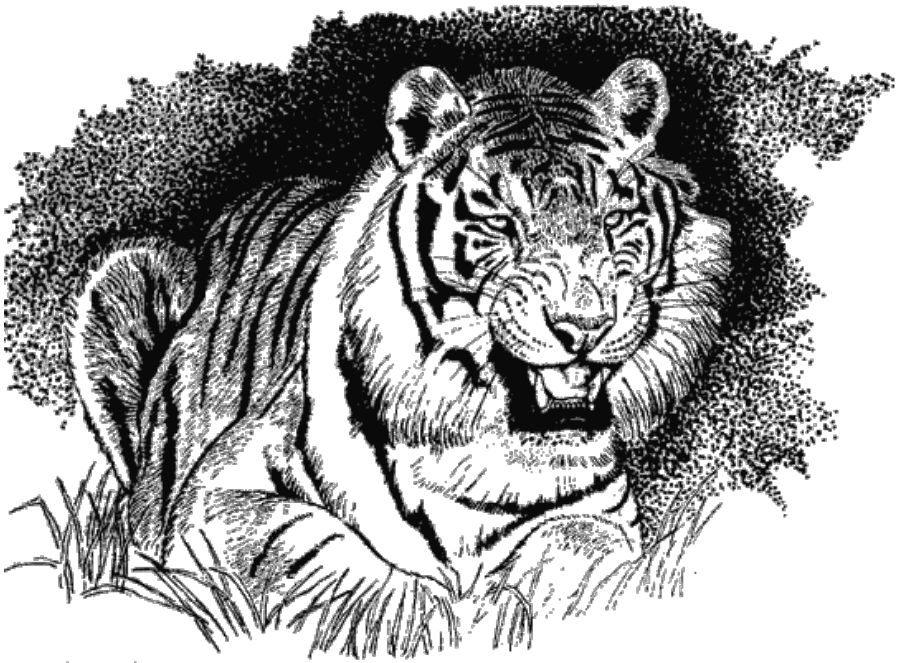
Я записал рассказ Хария — впоследствии он был во всех деталях подтвержден Нарвой — с целью, о которой он даже не догадывался: добиться награды для него. Хария был настолько далек от мысли о том, что он совершил нечто заслуживающее поощрения, что, когда я кончил свой опрос, он сказал: «Господин, ведь я не сделал ничего такого, что могло бы причинить неприятности мне или моему брату Нарве?» Несколько дней спустя я записывал рассказ Нарвы, который, я опасался, мог бы оказаться его последней волей. Говоря почти шепотом, голосом, искаженным от боли, он сказал: «Господин, сделай так, чтобы у моего брата не было неприятностей. Ведь он не виноват в том, что тигр напал на меня. Он рисковал своей жизнью, спасая меня».

Мне бы хотелось закончить свой рассказ сообщением о том, что мужественный поступок Хария и героическая борьба Нарвы за жизнь в исключительно неблагоприятных условиях были оценены по заслугам и этим беднякам были вручены небольшие награды. К сожалению, я не смог преодолеть бюрократические препоны. Английское правительство отказалось выдавать награду в тех случаях, когда подлинность обстоятельств дела не может быть подтверждена данными под присягой показаниями независимых и объективных свидетелей.

Таким образом, один из самых мужественных поступков не получил признания, поскольку отсутствовали «независимые и объективные свидетели». Из двух братьев Хария находится в худшем положении, поскольку он ничем не может подтвердить своего участия в этом деле, в то время как у Нарвы есть шрамы на теле и ткань, прокусанная во многих местах и обагренная кровью.

Долгое время я вынашивал идею обратиться по этому поводу к его величеству королю, однако после того как началась мировая война, я, к сожалению, был вынужден отказаться от своего намерения.

СУЛТАНА



В условиях такой огромной страны, как Индия, с ее многочисленным населением, находящимся все время на грани голодной смерти, с ее большими лесными массивами и плохими средствами сообщения, правительству приходится сталкиваться с большими трудностями в борьбе с преступностью. В Индии существуют племена, которые, как считают, целиком состоят из преступников. Эти племена живут в специальных поселениях, выделенных правительством, и подвергаются ограничениям в зависимости от характера преступлений, на которых они специализируются.

Во время Второй мировой войны, занимаясь работой по улучшению культурно-бытовых условий жизни населения, я часто посещал одно из таких поселений. Его обитатели не подвергались строгим ограничениям, и я имел много интересных бесед с ними, а также с правительственным чиновником, управляющим поселением. Стремясь отучить людей этого племени от преступного образа жизни, правительство предоставило ему в безвозмездное пользование большой участок аллювиальной земли на левом берегу реки Джамны в округе Мирут. Эта плодородная земля давала небывалые урожаи сахарного тростника, пшеницы, ячменя, рапса и других культур, однако

преступления по-прежнему совершались. Правительственный чиновник винил в этом девушек, которые, по его словам, выходили замуж только за успешно действовавших преступников. Мужчины племени специализировались на кражах и грабежах. Старики, жившие в поселении, за определенную долю награбленного обучали воровскому ремеслу молодежь. Мужчинам позволялось покидать поселение по специальному разрешению на указанный в нем срок, женщины же вообще не могли уходить из поселения. Старейшины племени требовали строгого соблюдения следующих правил: во-первых, все кражи должны совершаться в одиночку, во-вторых, воровать следует как можно дальше от поселения и, в-третьих, при совершении кражи ни в коем случае нельзя прибегать к насилию.

Метод, которым неизменно пользовался молодой человек, закончивший курс обучения воровскому ремеслу, состоял в следующем. Устроившись в качестве слуги в дом богатого человека в Калькутте, Бомбее или другом отдаленном городе, он крал у своего хозяина вещи, которые легко можно спрятать: золото, украшения, драгоценные камни. Однажды, когда я расплачивался с несколькими молодыми людьми, которые вспугивали для меня черных куропаток в зарослях сахарного тростника, правительственный чиновник сообщил мне, что молодой человек, только что получивший от меня условленную плату, за несколько дней до этого вернулся в поселение после годового отсутствия, принеся бриллиант стоимостью в тридцать тысяч рупий. После того как специалисты племени оценили бриллиант, он был спрятан, а самая лучшая невеста пообещала выйти замуж за удачливого вора в следующий брачный сезон. Я узнал, что другой человек, стоявший рядом и не принимавший участия в охоте на куропаток, придумал такой способ поразить воображение избранной им девушки: он пригнал в поселение по ужасной проселочной дороге новый автомобиль, украденный в Калькутте. Для того чтобы реализовать свой план, ему потребовалось сначала оплатить уроки вождения автомобиля.

Некоторые члены племен профессиональных преступников, не подвергавшихся строгому надзору, устраивались ночными сторожами в частные дома. Такому «сторожу» достаточно было оставить свою обувь на пороге дома, где он служил, чтобы гарантировать хозяев от грабежа. Это похоже на шантаж, но шантаж дешевый, поскольку месячная плата «сторожу» колебалась от трех до пяти рупий в зависимости от ранга вора. Деньги эти, однако, доставались легко, так как обязанности «сторожа» состояли лишь в том, чтобы вечером поставить свою обувь на пороге дома, а утром забрать ее.

Одно из племен, обитавших в Соединенных провинциях, — бханту, содержалось под строгим контролем ввиду склонности членов племени к преступлениям, связанным с насилием. К этому племени принадлежал Султана — знаменитый лесной разбойник, которого правительство тщетно пыталось поймать на протяжении трех лет. О нем, о Султане, и будет мой рассказ.

Когда я впервые побывал в Найя-Гаон, это была одна из самых богатых деревень Тераи и Бхабара, расположенных у отрогов Гималаев. Каждый ярд плодородной земли, отвоеванной у девственного леса, интенсивно использовался арендаторами — зажиточными, довольными и счастливыми людьми. Сэр Генри Рамзей, которого называли королем Кумаона, переселил этих сильных и выносливых людей из горных районов Гималаев.

В то время малярию называли бхабарской лихорадкой. Несколько врачей, разбросанных на огромной территории и ответственных за здоровье народа, не имели ни возможностей, ни средств для борьбы с этим бедствием, поразившим район предгорий. Жители деревни Найя-Гаон, расположенной среди лесов, одними из первых пострадали от малярии. Все больше полей оставались невозделанными из-за смерти арендаторов. В конце концов осталась лишь горстка крепких поселенцев, и, когда им дали землю в нашей деревне, джунгли вновь поглотили Найя-Гаон. В последующие годы только один раз была предпринята попытка вновь вспахать заброшенные поля. На этот раз отважным пионером оказался врач из Пенджаба. Но вскоре от малярии умерла его дочь, потом жена, а затем и он сам. И тогда Найя-Гаон вторично поглотили джунгли.

На земле, с таким трудом расчищенной от леса, когда-то созревали богатейшие урожаи сахарного тростника, пшеницы, горчицы и риса. Теперь же она заросла густой травой. Привлекаемый этим богатым кормом, скот из нашей деревни, расположенной в трех милях, регулярно пасся на заброшенных полях Найя-Гаон. Когда скот длительное время пасется на открытом пространстве, окруженном джунглями, он неизменно привлекает хищников. Поэтому я не удивился, услышав однажды, что в джунглях, недалеко от этого пастбища, поселился леопард и стал нападать на наш скот. На заросшем травой участке не было деревьев, на которых я мог бы устроить засаду. Поэтому я решил застрелить леопарда либо рано утром, когда он направляется в густую чащу, где лежит днем, либо вечером при его возвращении к убитому ранее животному, либо во время нападения на новую жертву. Для успешного осуществления любого из этих вариантов необходимо было установить, в каком месте джунглей, окружающих пастбище, находится логово леопарда. Поэтому как-

то утром мы с Робином отправились в путь, чтобы собрать необходимые сведения.

С южной и западной стороны к Найя-Гаон, которую называют деревней и по сей день, хотя земли ее уже много лет не возделываются, подходят густые джунгли. На севере границей Найя-Гаон служит дорога, известная под названием Канди-Сарак, а на востоке старая магистраль, которая до появления железной дороги связывала равнины Соединенных провинций с внутренними районами Кумаона.

В настоящее время мало кто пользуется дорогой Канди-Сарак и магистралью. Я решил сначала отправиться этим путем, а затем уже испробовать более трудные подходы с юга и с запада. На перекрестке, там, где в былые времена находился полицейский пост, охранявший путников от разбойников, Робин и я обнаружили следы самки леопарда. Мы с Робином хорошо ее знали, поскольку она несколько лет жила в густых зарослях лантаны у нижнего конца нашей деревни. Эта хищница не только не трогала скота, но даже отпугивала кабанов и обезьян, портящих урожай, поэтому мы не пошли по ее следу, а направились дальше, по магистральной дороге в направлении к Гаруппу. С вечера предыдущего дня здесь никто не проходил, и поэтому следы животных были ясно видны на пыльной поверхности дороги.

Робин был умной собакой, и уже по тому, как я держал ружье, знал, что мы вышли охотиться не на птиц, и поэтому не обращал внимания на павлинов, время от времени перебегавших через дорогу, или других лесных птиц, разгребавших сухие листья у обочины. Все его внимание было сосредоточено на следах тигрицы и двух тигрят, которые прошли по дороге за час до нас. Временами на широкой дороге попадались участки, заросшие невысокой травой. В этой мокрой от росы траве тигрята катались и кувыркались, и Робин вволю надышался свежим и пугающим запахом тигра. Семейство тигров шло по дороге на протяжении мили, а затем свернуло в восточном направлении на звериную тропу. В трех милях от перекрестка и в двух милях от Гаруппу дорогу пересекает по диагонали тропа, которой пользуется много животных. Здесь мы увидели свежие следы крупного леопарда-самца. Итак, мы нашли то, что искали. Леопард пришел со стороны пастбища и пересек дорогу. Этот хищник мог убить взрослую корову, и представлялось маловероятным, чтобы в одном районе могли обитать два таких леопарда. Робину хотелось пойти по следу леопарда, однако густые джунгли, заросшие кустами, те самые джунгли, где несколько лет назад чуть не погибли Кунвар Сингх и Хар Сингх, — неподходящее

место для выслеживания зверя, обладающего таким прекрасным зрением и слухом, как леопард. Кроме того, у меня возник более простой план обнаружить леопарда, и мы пошли домой завтракать.

После завтрака Мэгги и я в сопровождении Робина вновь отправились по дороге в Гаруппу. Накануне леопард не убил ни одного животного из нашего стада, однако он мог убить читала или кабана, приходивших на то же пастбище. Даже если он никого не убил, он вполне мог прийти на обычное место своей охоты. Мэгги, я и Робин, лежащий между нами, заняли позицию за кустом на краю дороги в сотне ярдов от звериной тропы, по которой леопард прошел утром. Мы сидели в засаде уже около часа, прислушиваясь к голосам многочисленных пернатых обитателей джунглей. В это время павлин во всей красе своего оперения величественно пересек дорогу и пошел по звериной тропе. Немного погодя десять — двенадцать читалов начали предупреждать лесных обитателей о присутствии леопарда. Их зов доносился из района густых джунглей, где, по нашим предположениям, должен был залечь леопард. Через десять минут немного ближе к нам одинокий читал повторил предупреждение. Леопард покинул свое логово и пошел в нашу сторону. Поскольку он не пытался скрываться, вероятно, он шел к ранее убитому животному.

Робин лежал, положив морду на вытянутые лапы, и не шевелился. Он, так же как и мы, прислушивался к тому, о чем говорили обитатели джунглей. Увидев, что я поднял ногу и положил винтовку на колено, он прижался к моей левой ноге и задрожал всем телом. Пятнистый убийца, которого Робин боялся больше любого другого животного, обитающего в джунглях, сейчас должен был высунуть голову из кустов и, осмотрев дорогу, двинуться в нашу сторону. Что бы ни случилось потом — будет ли леопард убит или упадет с ревом, смертельно раненный, Робин не сделает ни одного движения и не издаст ни одного звука. Он принимает участие в увлекательной игре, где ему известен каждый ход.

Тем временем павлин, пройдя немного по звериной тропе, взлетел на ветви сливового дерева и стал поедать спелые плоды. Вдруг он поднялся с резким криком и опустился на сук сухого дерева, предупредив, как и читал, обитателей джунглей об опасности. Теперь оставалось всего несколько минут, не более пяти, поскольку леопард будет приближаться очень осторожно. В это время краем глаза я заметил вдали на дороге какое-то движение. Это бежал человек. Не уменьшая скорости, он то и дело оглядывался назад. Человек на дороге в такое время, когда

солнце уже садилось, — явление необычное, и еще более необычным казалось то, что он был один. С каждым шагом приближавшегося человека уменьшались наши шансы застрелить леопарда. Однако мы ничего не могли изменить. Человек этот, вероятно, был в большой беде и, возможно, нуждался в помощи. Я узнал его, когда он находился еще довольно далеко от нас. Это был арендатор из соседней деревни, который в зимние месяцы нанимался пасти скот на скотоводческой ферме в трех милях к востоку от Гаруппу. Заметив нас, бегущий сильно вздрогнул, однако, узнав меня, подошел и сказал: «Бегите, господин, спасайте свою жизнь! За мной гонятся люди Султаны».

Он тяжело дышал и был ужасно взволнован. Не обращая внимания на мое предложение присесть и отдохнуть, он показал свою ногу и сказал: «Посмотрите, что они сделали со мной! Если они меня или вас поймают, то наверняка убьют. Так что бегите, пока не поздно». Его нога была разрезана от подколенной чашечки до пятки. Из страшной, загрязненной раны сочилась кровь. Я сказал этому человеку, что, если он не хочет отдохнуть, пусть хотя бы перестанет бежать, ведь в этом нет никакой необходимости. Затем я вышел из кустов на дорогу в том месте, откуда было далеко видно, а раненый, хромая, пошел в сторону своей деревни. Ни леопард, ни люди Султаны не появлялись. Когда стало слишком темно для точного выстрела, Мэгги и я, сопровождаемые ужасно возмущенным Робином, вернулись в свой дом в Каладхунги.

На следующее утро я услышал историю этого человека. Он пас буйволов между Гаруппу и скотоводческой фермой, когда услышал выстрел. Рано утром на ферму приходил племянник старосты его деревни. Он собирался незаконным образом подстрелить читала. Пастух сидел в тени дерева и размышлял о том, был ли выстрел удачным или нет и оставят ли ему на ужин порцию оленины. В это время он услышал за спиной шорох и, оглянувшись, увидел, что возле него стоят пятеро людей. Ему было приказано встать и отвести их к тому месту, откуда раздался выстрел. Пастух сказал, что он спал и не слышал выстрела. Тогда ему велели показать дорогу на ферму, куда, как они полагали, придет охотник. Ни один из них не имел при себе огнестрельного оружия, однако человек, бывший, по всей вероятности, их вожаком, держал в руках обнаженный меч. Он сказал, что отсечет пастуху голову, если тот вздумает удрать или попытается предупредить об опасности.

Когда шли через джунгли, человек, вооруженный мечом, сказал пастуху, что они из шайки Султаны, лагерь которого расположен неподалеку. Услышав выстрел, главарь бандитов

приказал принести ружье. Если на ферме им окажут сопротивление, они сожгут ее, а проводника убьют. Эта угроза поставила моего приятеля перед необходимостью сделать выбор. Его друзья на ферме были стойкими людьми, а если они окажут сопротивление, его несомненно убьют. Но, если они и не будут сопротивляться, пастуху никогда не простят, что он привел страшных разбойников Султаны на ферму. В то время как у него в голове проносились эти неприятные мысли, из джунглей выскочил читал, преследуемый сворой диких собак, и пробежал в нескольких ярдах от них. Увидев, что его конвоиры остановились и наблюдают за погоней, пастух прыгнул в высокую траву на краю тропинки. Человек с мечом пытался его зарубить и ранил в ногу. Несмотря на это, пастуху удалось оторваться от преследователей и выбраться на магистральную дорогу, где он и наткнулся на нас, когда мы поджидали леопарда.

Султана принадлежал к племени бханту, которое считалось преступным. Я здесь не буду говорить о том, справедливо или несправедливо объявлять какое-либо племя «преступным» и заставлять его жить в четырех стенах форта Наджибабад. Достаточно сказать, что Султану с молодой женой и маленьким сыном, так же как и несколько сотен других людей из племени бханту, поместили в форте под надзор Армии спасения. Не вынеся жизни в заключении, Султана однажды ночью перелез через земляную стену форта и бежал, поступив так, как сделал бы на его месте любой молодой и отважный человек. Побег был совершен за год до того времени, о котором здесь идет речь. За этот год Султана собрал вокруг себя сотню родственных ему душ. Эта внушительная банда, не скрывавшая своих разбойничьих целей, бродила в джунглях Тераи и Бхабара. Район ее деятельности простирался на несколько сотен миль от Гонда на востоке до Сахаранпура на западе. По временам банда совершала налеты на соседнюю провинцию Пенджаб.

В правительственных учреждениях имеется много разбухших папок с делами Султаны и бандитов из его шайки. Я не имел доступа к этим материалам. В моем рассказе речь идет только о тех событиях, участником или свидетелем которых я был сам, и, если мое повествование отличается от официальных правительственных докладов или противоречит им, я могу лишь выразить сожаление. Вместе с тем я не откажусь ни от одного написанного мною слова.

Впервые я услышал о банде Султаны, когда она расположилась лагерем в джунглях Гаруппу, в нескольких милях от нашего зимнего дома в Каладхунги. В то время комиссаром[40] Кумаона был Перси Уиндхем. Поскольку леса Тераи и Бхабара,

где, как мы предполагали, обосновался Султана, относились к территории, управляемой Уиндхемом, он просил правительство предоставить в его распоряжение Фрэдди Янга, молодого энергичного полицейского офицера, несколько лет прослужившего в Соединенных провинциях. Правительство удовлетворило просьбу Уиндхема и разрешило создать специальный отряд из трехсот тщательно подобранных полицейских для борьбы с разбойниками. Во главе отряда поставили Фрэдди; ему было предоставлено право отбирать для себя нужных людей по своему усмотрению, что он и сделал, вызвав недовольство офицеров из соседних округов, которым не хотелось отдавать людей, способных помочь захватить Султану, за что была назначена награда.

В то время как Фрэдди создавал свой отряд, Султана время от времени давал знать о себе, совершая набеги на небольшие города в районах Тераи и Бхабара. Первую попытку захватить Султану Фрэдди предпринял в лесах к востоку от Рамнагара. Лесной департамент производил здесь порубку деревьев. На лесоразработках было занято очень много людей. Когда стало известно, что где-то поблизости находится лагерь Султаны, одного из подрядчиков заставили пригласить его на танцы, за которыми должен был последовать пир. Султана и его веселые товарищи приняли приглашение, однако перед началом празднества убедили хозяина внести некоторые изменения в программу: сначала организовать пир, а потом танцы. Султана сказал, что его люди будут больше наслаждаться танцами, если их желудки не будут пусты.

Здесь я должен объяснить тем читателям, которые никогда не были на Востоке, что гости, приглашенные на танцы, или, как их здесь называют, «наутч», не принимают в них никакого участия. Танцует труппа профессиональных танцовщиц в сопровождении оркестра, состоящего из мужчин.

Как у Султаны, так и у его преследователей не было недостатка в средствах, а поскольку на Востоке деньги так же широко используются для получения информации, как и на Западе, первые ходы обеих сторон, участвующих в этой игре, состояли в организации эффективной секретной службы. В этой области Султана имел преимущество. В то время как Фрэдди мог лишь вознаграждать за оказанные услуги, Султана мог и карать тех, кто не хотел сообщать необходимые ему сведения или информировал полицию о его действиях. Когда стало известно, как он поступает с такими людьми, то желающих вызвать его неудовольствие не осталось.

В течение нескольких лет заключения в форте Наджи-бабад

Султана познал, что значит быть бедным, действительно бедным, и потому сохранил теплоту и симпатию ко всем беднякам. О нем рассказывали, что на протяжении всей своей бандитской карьеры он не отнял ни одной пайсы у бедного человека, никогда не отказывал в милостыне. Мелким лавочникам он платил за все купленные товары вдвое больше установленной ими цены. Неудивительно поэтому, что у него были сотни разведчиков, и ему стало известно о том, что приглашение на танцы и пир было сделано по указаниям Фрэдди.

Тем временем шли приготовления к знаменательному вечеру. Подрядчик, считавшийся богатым человеком, пригласил своих друзей из Рамнагара и Кашипура, а также лучших танцовщиц и оркестры. Большое количество съестного и напитков — последнее специально для бандитов — было закуплено и привезено в повозке, запряженной волами.

В тот вечер, когда должны были поймать Султану, гости подрядчика собрались в назначенное время и пир начался. Гости, возможно, не знали, кто еще присутствует на празднестве. В подобных случаях представители различных каст сидят отдельно, по группам, а света от костров и нескольких фонарей явно недостаточно. Султана и его люди хорошо поели и попили, и, когда пир приближался к концу, главарь бандитов отвел хозяина в сторону, поблагодарил за гостеприимство и сказал, что, поскольку ему и его людям предстоит дальний путь, они, к сожалению, не смогут остаться на танцы. Но прежде чем уйти, Султана потребовал, а его требования никогда не оставались без внимания, чтобы праздник продолжался так, как он был заранее задуман.

Основным музыкальным инструментом на «наутче» является барабан. Звуки барабана должны были возвестить Фрэдди о том, что пора выходить из укрытия и начинать окружение разбойников. Одну группу войск Фрэдди возглавлял лесничий, но, поскольку ночь была темная, он заблудился. Эта группа, которая должна была преградить путь к отступлению людям Султаны, проблуждала весь остаток ночи. По-видимому, лесничий был умным человеком, и ему к тому же приходилось жить в лесу вместе с Султаной. Вообще-то он мог и не затруднять себя этими блужданиями, так как, добившись изменения в программе празднества, Султана получил возможность ускользнуть из расставленных сетей до того, как будет подан условленный сигнал. Таким образом, наступающие войска после длительного и трудного перехода через лесную чащу обнаружили на месте пиршества лишь перепуганных танцовщиц, еще более перепуганных музыкантов и озадаченных друзей подрядчика.

Покинув район Рамнагара, Султана посетил Пенджаб. Здесь не было лесов, где можно укрыться, и он чувствовал себя не в своей тарелке. После кратковременного пребывания в Пенджабе, когда было добыто на сотню тысяч рупий золотых украшений, Султана вернулся в густые джунгли Соединенных провинций. На обратном пути бандиты должны были перейти через один из магистральных каналов, питаемых Гангом. Мосты через него отстояли друг от друга на четыре мили. За передвижением Султаны следили, и те мосты, по которым он мог скорее всего пройти, усиленно охранялись. Султана обошел их стороной и направился к мосту, который, по сообщениям разведчиков, не охранялся. Проходя мимо большой деревни, он услышал звуки оркестра, исполнявшего индийскую музыку. Узнав от проводников, что женится сын богатого человека, Султана приказал провести себя в деревню.

Участники брачной церемонии и несколько тысяч гостей собрались на широкой площади посреди деревни. Появление Султаны в кругу, ярко освещенном сильными лампами, вызвало волнение, однако он попросил собравшихся оставаться на своих местах, добавив, что им нечего бояться, если его требования будут выполнены. Затем он призвал к себе старосту деревни и отца жениха. Султана сказал, что, поскольку сейчас благоприятный момент для получения подарков, он хочет, чтобы ему подарили ружье, недавно купленное старостой, а его товарищам — десять тысяч рупий наличными. Ружье и деньги были принесены моментально, и, пожелав собравшимся доброй ночи, Султана ушел из деревни. Лишь на следующий день он узнал, что его помощник Пайлван похитил невесту. Султана не любил, когда бандиты из его шайки насильничали над женщинами. Пайлвана строго наказали, а девушку отправили назад, снабдив подарками, которые должны были вознаградить ее за причиненное беспокойство.

После случая с пастухом, которому порезали ногу, Султана еще некоторое время оставался в нашем районе. Он часто менял стоянки, и во время охоты я несколько раз натыкался на остатки покинутых им лагерей. Однажды со мной произошел интересный случай. Как-то вечером я застрелил превосходного леопарда на выжженном огнем участке в пяти милях от дома. Поскольку у меня не было времени пойти за людьми, которые помогли бы принести убитого зверя, я освежевал его на месте и унес шкуру домой. Придя домой, я обнаружил, что забыл свой любимый охотничий нож. На следующий день рано утром я отправился на поиски. Подойдя к месту, где накануне свежевал леопарда, я увидел, что за лесной просекой горит огонь. В последние дни

поступали сведения о том, что в нашем районе орудует банда Султаны, и я решил выяснить, кто разжег огонь. Обильная роса, лежавшая на опавших листьях, позволяла двигаться бесшумно. Прячась за всевозможные укрытия, я подкрался к костру, который был разложен в небольшой впадине. Вокруг него сидело человек двадцать — двадцать пять. У дерева стояло несколько ружей, и свет костра отражался в их стволах. Я видел, что Султаны здесь нет, поскольку по описанию знал, что это молодой человек небольшого роста, всегда опрятно одетый в полувоенный костюм цвета хаки. Передо мной, по-видимому, находилась часть его банды. Но что я мог сделать?

На престарелого старшего констебля и таких же старых двух его помощников в Каладхунги вряд ли можно всерьез рассчитывать, а Халдвани, где были сконцентрированы значительные полицейские силы, находился в пятнадцати милях.

Пока я раздумывал, как мне быть, я услышал, как один из сидевших у костра сказал, что пора уходить. Опасаясь, что моя попытка скрыться будет замечена и приведет к неприятным последствиям, я быстро шагнул вперед и оказался между сидевшими людьми и их ружьями. Ко мне повернулись удивленные лица. На мой вопрос, что они здесь делают, люди переглянулись, и первый оправившийся от удивления ответил: «Ничего». Из расспросов выяснилось, что эти люди угольщики, они шли из Барейли и заблудились в лесу. Взглянув в сторону дерева, я обнаружил, что предметы, которые показались мне ружьями, на самом деле были топорами, составленными вместе. Их топорища, блестевшие от долгого употребления, отражали свет костра. Сказав, что у меня промокли и замерзли ноги, я сел у огня. После того как мы выкурили мои сигареты и поговорили о разных вещах, я объяснил им, как пройти в лагерь угольщиков, который они разыскивали, затем нашел свой нож и вернулся домой.

Если человек долгое время пребывает в состоянии возбуждения, воображение странным образом обманывает его. Однажды, сидя на земле возле убитого тигром замбара, я слышал, как тигр приближается все ближе и ближе, но так и не подошел ко мне. Когда напряжение стало нестерпимым, я повернулся, держа палец на спусковом крючке, и обнаружил, что у меня над головой гусеница откусывает один за другим кусочки хрустящего листка. В другой раз, когда начало темнеть и пришло время тигру вернуться к убитому им животному, я краем глаза увидел приближающегося крупного хищника. В то время как я, сжимая в руках винтовку, готовился к выстрелу, в нескольких дюймах от моего лица на сухую веточку выполз муравей. Теперь, когда мои

мысли были сосредоточены на Султане, отблеск огня на отполированных рукоятках топоров превратил их в стволы ружей, и я не взглянул на них больше до тех пор, пока не убедился в том, что передо мной угольщики.

Располагая более действенной организацией и лучшими транспортными средствами, Фрэдди стал все более энергично преследовать Султану, и банда во главе со своим предводителем ушла в Пилибхит, на восточной границе округа, чтобы облегчить свое положение.

К этому времени число бандитов значительно сократилось, так как многие покинули Султану, а другие были схвачены. В Пилибхите банда пробыла несколько месяцев, грабя окрестные селения вплоть до Горакхпура и пополняя запасы золота. Вернувшись в наши леса, Султана узнал, что очень богатая танцовщица из штата Рампур недавно поселилась у старосты деревни Ламачур, расположенной в семи милях от нашего дома. Предвидя налет, староста создал дружину из тридцати арендаторов. Дружина была безоружной. Когда в деревне появился Султана, прежде чем его люди успели окружить дом, танцовщица выскользнула через заднюю дверь и скрылась в непроглядной ночи, унеся все свои драгоценности. Деревенский староста и его арендаторы были схвачены во дворе. Поскольку они отрицали, что знают, где находится танцовщица, был отдан приказ связать их и бить для освежения памяти. Один из арендаторов стал пререкаться с Султаной. Он сказал, что Султана может делать все что угодно с ним самим и другими арендаторами, но что он не имеет права связывать и избивать старосту и тем позорить его. Ему приказали замолчать. Однако, когда один из бандитов приблизился к старосте с веревкой в руках, этот отважный человек вытащил из крыши навеса бамбуковую палку и бросился на бандита. Он упал, сраженный выстрелом в грудь. Опасаясь, что на выстрел сбегутся вооруженные люди из соседних деревень, Султана поспешно удалился, захватив с собой лошадь, недавно купленную старостой.

Услышав на следующее утро об убийстве храброго арендатора, я послал одного из своих людей в Ламачур выяснить, какая семья у него осталась. Другого человека я направил с открытым письмом к старостам всех окрестных деревень, предлагая помочь создать фонд для семьи убитого. Как я и ожидал, в ответ на мое предложение была обещана щедрая помощь, ибо бедные всегда щедры. Однако фонд не был создан. Человек, отдавший жизнь за своего хозяина, прибыл из Непала двадцать лет назад, и ни его друзья, ни я, обращавшийся с

запросами в Непал, не смогли выяснить, была ли у него жена или дети.

После этого случая я принял предложение Фрэдди участвовать в поимке Султаны. Месяц спустя я присоединился к нему в его штаб-квартире в Хардваре. Пребывая восемнадцать лет на посту коллектора[41] в Мирзапуре, Уиндхем нанимал для охоты на тигров десять помощников из племени коль и бхуниа, живших в лесах Мирзапура. Лучшие из них — мои старые приятели — были переданы Уиндхемом в распоряжение Фрэдди и ожидали меня в Хардваре. Было намечено, что я с четырьмя товарищами выслежу Султану, а затем проведу отряд Фрэдди в такое место, откуда удобно атаковать банду. Обе операции надлежало осуществить ночью.

Султана проявлял беспокойство. Возможно, он просто нервничал, но, может быть, его предупредили о планах Фрэдди. Так или иначе, он не оставался на одном месте больше одного дня и за ночь перебрасывал отряд на большие расстояния.

Стояла ужасающая жара. Устав от бездействия, я и четверо моих людей устроили военный совет. Вечером, после обеда, когда Фрэдди удобно восседал в прохладной части веранды, где нас не могли подслушать, я сообщил ему план, выработанный на совете. Фрэдди должен был распространить слух, что Уиндхем отозвал своих людей для охоты на тигра, на которую пригласил и меня. Затем он купит для нас билеты на ночной поезд до Халдвани и проводит на вокзале в Хардваре. На первой остановке четверо наших людей, вооруженных предоставленными Фрэдди ружьями, и я со своей собственной винтовкой сойдем с поезда. Затем мы должны были любым способом захватить Султану и доставить его живым или мертвым.

После того как я изложил этот план, Фрэдди долго сидел с закрытыми глазами: он весил около ста тридцати килограммов и был склонен дремать после обеда, но на этот раз он не спал. Внезапно он приподнялся и решительно заявил: «Нет. Я отвечаю за вашу жизнь и не санкционирую этот безумный план». Спорить было бесполезно, и на следующее утро мы отправились по домам. Я был не прав, выступая со своим предложением, и Фрэдди правильно сделал, что отклонил его. Четыре выделенных человека и я не были официальными лицами, и, если бы при попытке захватить Султану произошло кровопролитие, наши действия нельзя было бы оправдать. Вообще же жизнь Султаны, а также наша не подвергалась никакой опасности, поскольку мы согласились, что, если Султану не удастся взять живым, мы вообще не будем пытаться захватить его. За себя же мы сумели бы постоять.

Спустя три месяца, когда муссон был в самом разгаре, Фрэдди попросил Герберта из лесного департамента, Фрэда Андерсона, управляющего государственными имениями в Тераи и Бхабаре, а также меня приехать к нему в Хардвар. По прибытии мы узнали, что, по имевшимся сведениям, постоянный лагерь Султаны находился в самом центре наджибабадских джунглей. Он хотел, чтобы мы помогли ему окружить лагерь и отрезать Султане путь к отступлению, если он выскользнет из окружения.

К этому времени Фрэдди в полной мере оценил дееспособность разведывательной службы Султаны и, кроме двух своих помощников и нас троих, никому не сказал о планируемой операции. Каждый вечер полицейский отряд в полном вооружении направлялся по своему обычному маршруту. Мы четверо совершали не менее длительный поход, возвращаясь после наступления темноты в дом смотрителя плотины, где мы жили. В условленный вечер, вместо того чтобы, как всегда, пересечь равнину, отряд направился через хардварские товарные склады к железнодорожной ветке, на которой стоял железнодорожный состав с паровозом и тормозным вагоном. Двери вагонов были открыты со стороны, противоположной железнодорожной станции. Мы вскарабкались в вагон, где ехала стража, захлопнулась последняя дверь, и поезд без всяких предупредительных свистков тронулся. Было сделано все возможное, чтобы устранить любые подозрения, вплоть до того, что в казармах, где готовили пищу для солдат, накрыли обеденный стол и для нас. Мы отправились в путь через час после наступления темноты. В девять часов вечера поезд остановился на перегоне между двумя станциями в самом сердце джунглей. От вагона к вагону был передан приказ выгружаться, и, как только приказ был выполнен, поезд ушел.

Отряд Фрэдди насчитывал триста человек. Из него были отобраны пятьдесят человек, которые служили в отрядах индийской кавалерии во Франции во время Первой мировой войны. Они были посланы в дальний обход с тем, чтобы выйти к месту, где их ждали лошади, и помешать бегству Султаны. Начальником конников был назначен Герберт. Основной отряд в составе двухсот пятидесяти человек во главе с Фрэдди и Андерсоном, куда входил и я, отправился к месту назначения, до которого, как говорили, было примерно двадцать миль. Весь день небо было затянуто тяжелыми тучами, и, когда мы высадились из поезда, дождь лил как из ведра. Мы прошли милю на север, затем две мили на восток, затем еще милю на север, далее две мили на запад и наконец опять двинулись на север. Я знал, что изменения в направлении нашего движения были вызваны тем, что мы

обходили деревни, где имелись люди, подкупленные Султаной. Тот факт, что ни одна деревенская собака — лучший сторож в мире — не залаяла на нас, свидетельствует об искусстве, с которым была проведена операция. Час за часом я брел под проливным дождем, замыкая колонну, состоявшую из двухсот пятидесяти тяжело нагруженных людей, которые оставляли за собой глубокие следы в мягком грунте. Почти на каждом шагу я по колено проваливался в эти углубления.

На протяжении многих миль мы шли через заросли слоновой травы, смыкавшейся у меня над головой. Удерживать равновесие на неровной и скользкой земле стало еще труднее, поскольку одной рукой приходилось защищать глаза от твердых и острых, как бритва, стеблей травы. Я часто удивлялся неистощимому запасу энергии, которой обладал Фрэдди, несмотря на свой вес, но этой ночью он меня особенно поразил. Правда, он шел по сравнительно твердой почве, в то время как я брел по трясине. Но ведь он весил на тридцать килограммов больше меня.

Мы выступили в поход в девять часов вечера. В два часа ночи я передал по цепочке вопрос, адресованный Фрэдди, движемся ли мы в правильном направлении. Я спрашивал потому, что прошел уже час, как мы оставили наше первоначальное направление на север и стали двигаться на восток. Через длительный промежуток времени пришел ответ: «Господин капитан говорит, что все правильно». После того как мы еще два часа продирались через густые заросли деревьев, кустов и высокой травы, я вторично обратился к Фрэдди, прося его остановить отряд и подождать, пока я подойду переговорить с ним. Когда мы выступали, всем было предложено хранить молчание, и я, направляясь к голове колонны, проходил мимо совершенно безмолвных и усталых людей. Некоторые из них сидели на мокрой земле, другие стояли, прислонясь к деревьям.

В голове колонны я нашел Фрэдди, Андерсона и четырех проводников. Когда Фрэдди спросил, все ли в порядке, я понял, что его интересовало, не отстал ли кто-либо из наших людей. Я ответил, что в этом отношении все в порядке, но в остальном дело обстоит неблагополучно, ибо мы кружимся на одном месте. Проведя большую часть жизни в джунглях, где так легко заблудиться, я выработал способность ориентироваться как днем, так и ночью. Я так же ясно ощущал изменения в направлении нашего движения как вначале, так и два часа назад, когда мы стали двигаться не на север, а на восток. Час тому назад я заметил, что мы прошли мимо дерева симул[42] с гнездом хищной птицы. Вновь очутившись возле этого дерева, я попросил Фрэдди остановиться.

Из четырех проводников двое были из племени бханту. Несколько дней назад их захватили на базаре в Халдване. Наша операция была подготовлена на основании полученных от них сведений. Эти люди на протяжении двух лет время от времени жили в лагере Султаны, и им была обещана свобода за услуги, оказанные в этой ночной операции. Два других проводника были скотоводами, они всю свою жизнь пасли скот в этих джунглях и ежедневно снабжали Султану молоком. Все четверо упорно отрицали, что заблудились, однако под нажимом вынуждены были признать, что смогли бы лучше определить нужное направление, если бы видели горы. Увидеть горы на расстоянии примерно тридцати миль темной ночью, когда туман спустился до верхушек деревьев, было невозможно. Таким образом, мы столкнулись с препятствием, которое угрожало сорвать все хорошо разработанные планы Фрэдди и, что еще хуже, превратить нас в посмешище для Султаны.

Мы намеревались внезапно напасть на лагерь разбойников. Для этого необходимо было до рассвета приблизиться на такое расстояние, с которого можно нанести удар. Проводники сообщили, что днем невозможно приблизиться к лагерю незамеченными с той стороны, откуда мы двигались. Нас обязательно заметили бы двое часовых, постоянно дежуривших на махане, устроенном на высоком дереве, с которого просматривался большой участок травяных зарослей к югу от лагеря.

Теперь наши проводники прямо признались, что заблудились. Но до рассвета оставался всего лишь час, и, что хуже всего, мы не знали, как далеко находимся от лагеря и в каком направлении он расположен. Поэтому возможность внезапного нападения уменьшалась с каждой минутой. И тут я нашел выход из положения. Я спросил проводников, не знают ли они какого-нибудь ориентира, например ручья или четко обозначенной тропинки, проложенной скотом, который указывал бы направление, откуда мы начали свой путь, и таким образом помог бы вновь определить положение на местности. Когда они сказали, что знают старую и хорошо различимую проселочную дорогу, проходящую в миле к югу от лагеря, я испросил у Фрэдди разрешения возглавить колонну. В быстром темпе я пошел в сторону, где, как считали мои спутники, была расположена железнодорожная линия, откуда мы выступили семь часов назад.

Дождь прекратился, свежий ветер расчистил небо от туч, и, когда на востоке начало светать, я наткнулся на глубокую колею, проложенную повозкой. Это и была та самая заброшенная дорога, о которой говорили проводники. Судя по радости, которую они

проявили, увидев дорогу, я еще раз утвердился в своем мнении о том, что они не намеренно заблудились в джунглях. Они вновь стали во главе колонны и вели нас по этой дороге на протяжении мили до того места, где ее пересекала хорошо утоптанная звериная тропинка. Пройдя по ней полмили, мы вышли к глубокой и медленно текущей речке шириной футов тридцать. Я боюсь рек, протекающих в районе Тераи, поскольку там водятся огромные питоны. Поэтому я обрадовался, увидев, что тропинка идет вдоль правого берега, заросшего высокой травой, доходящей до плеч.

Пройдя еще несколько сотен ярдов, проводники замедлили шаг. По тому, как они посматривали налево, я решил, что мы приближаемся к махану, где находятся часовые. Рассвело, лучи солнца играли на верхушках деревьев. Проводник, шедший впереди, присел и, когда его товарищи также присели, подозвал нас. Передав по цепочке приказ остановиться и сесть на землю, Фрэдди, Андерсон и я подползли к проводнику, находившемуся в голове колонны. Мы легли на землю рядом с ним и стали смотреть через траву в указанном им направлении. Там мы увидели махан, сооруженный на верхушке большого дерева на высоте тридцати — сорока футов от земли. На махане сидели два человека, освещенные восходящим солнцем. Один повернулся правым боком к нам и курил кальян, а другой лежал на спине, согнув колени. Дерево, на котором был устроен махан, росло на границе джунглей и травяных зарослей, и с него просматривался большой участок открытого пространства. Проводники сказали, что лагерь Султаны расположен в трехстах ярдах в глубине леса.

В нескольких футах от того места, где мы лежали, у правого берега реки начинался участок невысокой травы, шириной двадцать ярдов, протянувшийся по открытой местности на большое расстояние. По-видимому, следовало немного отойти назад, перейти речку и затем вновь пересечь ее недалеко от лагеря Султаны. Проводники, однако, сказали, что это невозможно. Речка была слишком глубокой для перехода вброд, и, кроме того, на левом берегу ее находились зыбучие пески. Оставалась сомнительная возможность незаметно перебросить весь отряд через участок, заросший низкой травой, где в любую минуту нас могли увидать часовые.

Фрэдди был вооружен армейским пистолетом, у Андерсона не было никакого оружия, и только я из всего отряда имел винтовку. Полицейские были вооружены мушкетами 12-го калибра,[43] стреляющими дробью на расстоянии от шестидесяти до восьмидесяти ярдов. Таким образом, только я один мог снять часовых на таком большом расстоянии. Выстрелы, конечно, будут

услышаны в лагере, и сопровождавшие нас бханту полагали, что, когда часовые не вернутся в лагерь для доклада, будут посланы на разведку другие люди. Тем временем, они считали, мы успеем окружить лагерь.

Два человека, сидевшие на махане, были преступниками и, возможно, убийцами. Стреляя из своей винтовки, я мог вышибить кальян из рук курильщика или отстрелить каблук от ботинка второго человека, не причинив им самим никакого вреда. Но застрелить этих людей ни с того ни с сего было свыше моих сил. Поэтому я предложил другой план. Я попросил Фрэдди разрешить мне подкрасться к часовым; сделать это будет совсем легко, поскольку высокая трава и лесные заросли подходили вплотную к дереву, на котором был устроен махан, и кругом было мокро после дождя, шедшего всю ночь. Я должен был захватить махан с двумя часовыми, а Фрэдди со своими людьми в это время занялись бы своим делом.

Сначала Фрэдди заколебался, так как на махане у часовых имелось два ружья. Однако в конце концов он согласился, и я без дальнейших промедлений перебежал через открытое пространство. Надо было спешить, поскольку, как сказали сопровождавшие нас бханту, приближалось время смены часовых.

Пройдя примерно третью часть расстояния до дерева, я услышал сзади шум и увидел, что за мной бежит Андерсон. Не знаю, что сказал Андерсон Фрэдди или Фрэдди Андерсону — оба были моими хорошими друзьями. Так или иначе, Андерсон решил сопровождать меня. Он признавал, что не в состоянии передвигаться по джунглям бесшумно, что люди на махане уже, вероятно, услышали или увидели нас. К тому же мы могли наткнуться на смену часовых или на дополнительный пост у основания дерева. Он понимал также, что без оружия не сможет защитить себя. Тем не менее и вопреки всему он не собирался позволить мне идти одному. Человек, родившийся на берегах Клайда,[44] упрямее мула. В отчаянии я повернул назад, чтобы прибегнуть к помощи Фрэдди. Однако он уже достаточно поразмыслил, чтобы пожалеть о данном им разрешении. Впоследствии я узнал, что сопровождавшие нас бханту сообщили Фрэдди о том, что на махане сидели очень хорошие стрелки. Когда он увидел, что мы возвращаемся, он подал отряду сигнал к выступлению.

Около пятидесяти человек пересекли открытое пространство, и мы, шедшие впереди, находились в двухстах ярдах от лагеря, когда рьяный молодой констебль, увидев махан, выстрелил из мушкета. С быстротой молнии часовые спустились с махана на землю, вскочили на лошадей, привязанных к дереву, и помчались

в лагерь. Больше не было надобности соблюдать тишину, и голосом, не нуждавшимся в мегафоне, Фрэдди отдал приказ о наступлении. Мы двинулись на лагерь сомкнутым строем, но обнаружили, что он покинут.

Лагерь был разбит на небольшом возвышении и состоял из трех палаток и травяной хижины-кухни. Одна из палаток служила складом. Ее заполняли мешки атта, риса, дала, сахара, жестянки с буйволиным маслом, здесь же находились две пирамиды ящиков с несколькими тысячами патронов 12-го калибра и одиннадцать ружей в чехлах. Две другие палатки предназначались для сна. В них валялись одеяла и различная одежда. Около кухни на ветвях висели три освежеванные козьи туши.

Возможно, что в смятении, вызванном появлением часовых, некоторые бандиты укрылись в высокой траве, окружавшей лагерь. Поэтому был отдан приказ выстроиться длинной шеренгой и прочесать большой участок джунглей в направлении к тому месту, где находились Герберт и его конники. Пока люди выстраивались, я осмотрел возвышение, на котором был разбит лагерь. Обнаружив следы десяти — двенадцати пар босых ног в высохшем русле реки неподалеку от лагеря, я предложил Фрэдди проследить, куда они ведут. Ширина русла была пятнадцать футов, а глубина — пять. Фрэдди, Андерсон и я шли по нему примерно двести ярдов и достигли участка, покрытого гравием, где я потерял следы. Дальше русло расширялось, и на левом берегу его, неподалеку от места, где мы стояли, возвышался огромный развесистый баньян с многочисленными стволами-отростками.[45] Целый лес этих ветвей, спускающихся к земле, показался мне идеальным местом для укрытия, и, подойдя к берегу высохшего русла, я попробовал вскарабкаться наверх. Ухватиться было не за что, и всякий раз, когда я пытался сделать ногой углубление в мягкой земле, почва уходила у меня из-под ног. Тогда я решил выбраться из русла там, где оно было менее глубоким. Но в это время со стороны лагеря донеслись выстрелы, а затем крики. Мы бросились назад тем же путем и около лагеря обнаружили хавилдара с простреленной грудью и рядом с ним бандита в набедренной повязке, который был ранен в обе ноги. Хавилдар сидел на земле, прислонившись спиной к дереву. Его рубашка была расстегнута, и на груди у левого соска виднелось пятно крови. Фрэдди взял фляжку и поднес ее к губам хавилдара, но тот покачал головой и, отстраняя фляжку, сказал: «Это вино, я не могу его пить». Когда мы стали настаивать, он добавил: «Всю свою жизнь я не пил вина и не хочу предстать перед творцом, осквернив свои губы вином. Меня мучит жажда, и я умоляю дать мне глоток воды». Рядом стоял его брат. Кто-то дал ему шляпу, он

бросился к речке и через несколько минут вернулся с грязной водой. Хавилдар с жадностью выпил ее. Рана была нанесена дробью, и, не нащупав ее под кожей, я сказал: «Мужайся, хавилдар, доктор в Наджибабаде вылечит тебя». Улыбнувшись, он ответил: «Я буду мужаться, но никакой врач не вылечит меня».

Бандит не знал запретов в отношении вина и несколькими глотками опорожнил фляжку. Он крайне нуждался в таком подкреплении, поскольку в него стреляли с очень близкого расстояния из мушкета 12-го калибра.

Из предметов, найденных в лагере Султаны, было сооружено двое носилок, и добровольцы понесли их. Не делалось никакого различия между полицейским, принадлежавшим к высшей касте, и бандитом из низшей касты. Носильщики и шедшие рядом с ними полицейские направились через джунгли в наджибабадскую больницу, расположенную в двенадцати милях. Разбойник умер в пути от потери крови и шока, а хавилдар — через несколько минут после того, как его доставили в больницу.

От облавы мы отказались. Герберт со своим отрядом не вступил в дело. Султану предупредили о сосредоточении конников, и никто из бандитов не попытался пересечь линию, охраняемую им. Общий итог нашей тщательно спланированной операции, в провале которой никто не был виноват, состоял в захвате всего лагерного имущества Султаны, за исключением нескольких ружей, и в убийстве двух человек. Один из них был бедняком, не вынесшим заключения. Он попытался обрести свободу и добывал себе на жизнь единственным доступным ему способом. Его будет оплакивать вдова в Наджибабадском форте. Другой пользовался уважением своих начальников и любовью подчиненных. О его вдове позаботятся. Он мужественно принял смерть, верный своему принципу, хотя вино подкрепило бы его и он смог бы дожить до того момента, когда его положили бы на операционный стол.

Через три дня после операции Фрэдди получил письмо от главаря разбойников, в котором Султана выражал сожаление, что нехватка оружия и боеприпасов у полиции заставила ее произвести набег на его лагерь. Султана писал, что если в будущем Фрэдди сообщит ему о своих потребностях, то он, Султана, охотно предоставит ему все необходимое.

Тот факт, что Султана получал оружие и боеприпасы, был особенно неприятен для Фрэдди. В этой связи были изданы строжайшие приказы. Однако каждый торговец оружием, имевший патент, и каждый владелец оружия, живший в районе, где действовал Султана, стоял перед выбором: либо навлечь на себя недовольство правительства, либо отказаться выполнить

требования Султаны. Тогда его дом наверняка был бы ограблен, а ему самому, возможно, перерезали бы горло. Поэтому предложение Султаны предоставить Фрэдди оружие и боеприпасы имело под собой реальную основу. Таким образом, главарь разбойников нанес самый чувствительный удар начальнику специального полицейского отряда по борьбе с бандитизмом.

Банда Султаны, лишившаяся укрытия и сократившаяся до сорока человек, правда хорошо вооруженная, поскольку разбойники вскоре приобрели новое оружие и боеприпасы, была вынуждена скитаться по Тераи и Бхабару. Фрэдди полагал, что для Султаны настало время сдаться. Получив разрешение правительства, Фрэдди пригласил Султану встретиться с ним в удобное для него время в любом назначенном им месте. При этом всю ответственность за это мероприятие Фрэдди брал на себя. Султана принял приглашение, назначил день, время и место и выставил условие, чтобы оба пришли на встречу без сопровождающих лиц и оружия. В условленный день Фрэдди вышел из леса с одной стороны большой поляны, в центре которой росло одинокое дерево, а Султана появился с другой. Встреча проходила в дружеской обстановке, как это могут себе представить те, кто жил на Востоке. Один казался огромным сгустком энергии и хорошего настроения и был облечен полномочиями правительства. За голову другого — маленького человека с быстрыми движениями — была назначена награда. Они уселись в тени под деревом. Султана вынул арбуз и, улыбаясь, предложил Фрэдди не стесняться. Переговоры, однако, зашли в тупик, поскольку Султана отказался принять требование Фрэдди о безоговорочной капитуляции. Во время этой встречи Султана просил Фрэдди избегать ненужного риска. Он рассказал, что в день набега на его лагерь он сам с десятью вооруженными людьми укрылся под баньяном и наблюдал, как Фрэдди и двое других подходили к дереву по высохшему руслу реки. «Если бы господину, который пытался вскарабкаться на берег, удалось это сделать, — добавил Султана, — пришлось бы застрелить всех троих».

Теперь предстояло организовать последнюю схватку этих двух бойцов тяжелого и легкого веса. Фрэдди пригласил Уиндхема и меня в Хардвар принять участие в этом деле. Султана с остатками своей банды, уставшей от непрерывного передвижения, расположился на скотоводческой ферме в самом центре наджибабадских джунглей. План Фрэдди состоял в том, чтобы переправить весь свой отряд через Ганг на лодках, высадиться в удобном месте и окружить ферму. Эту операцию, как и описанную выше, предполагалось произвести ночью, но на

сей раз ее приурочили к полнолунию.

В назначенный день весь отряд в количестве трехсот человек, а также племянник Фрэдди, Уиндхем и я с наступлением темноты погрузились в десять лодок местного образца, стоявших на приколе в уединенном месте на правом берегу Ганга в нескольких милях ниже Хардвара. Я находился на первой лодке, и все шло хорошо до тех пор, пока мы не подошли к левому берегу и не углубились в боковой канал. Плавание по этому каналу было самым страшным из всего того, что случалось со мной когда-либо на воде. На протяжении нескольких сотен ярдов лодка скользила по широкой глади, освещенной луной. В воде совершенно отчетливо отражались растущие по берегам деревья. Постепенно канал сужался, и скорость движения лодки увеличивалась. Одновременно мы услышали приглушенный расстоянием шум падающей воды. Я часто рыбачил в боковых каналах Ганга, поскольку рыбе они нравятся больше, чем основное русло реки. Меня всегда восхищало мужество лодочников, готовых рисковать жизнью и суденышками на этих порогах. И вот теперь мы со страшной скоростью приближались к ним. Лодка, в которой я плыл, так же как и девять остальных, была открытой грузовой баркой, прекрасно приспособленной для плавания по основному руслу Ганга. Но для здешнего узкого канала со стремительным течением она была слишком неповоротлива, и казалось, вот-вот разлетится в щепки всякий раз, когда она с силой ударялась днищем о подводные камни. Настойчивые обращения капитана к команде держать лодку подальше от скалистых берегов, посередине потока, ни в коей мере не устраняли моих опасений. Когда команда выполняла распоряжения капитана, лодку начинало сносить вбок, она ударялась о дно и ежеминутно могла разбиться или перевернуться. И все же ночной кошмар не может продолжаться вечно. В данном случае он продолжался довольно долго, поскольку мы должны были проплыть 20 миль, почти все время преодолевая пороги. В конце концов один из лодочников выпрыгнул на левый берег с длинной веревкой в руках и привязал лодку к дереву. Одна за другой лодки проходили мимо нас, и их привязывали ниже по течению, пока все десять не были пришвартованы.

Отряд высадился на берегу песчаного залива. Мы занялись порезами и ссадинами, полученными от соприкосновения с шероховатыми бортами лодок. Лодочники получили приказ отвести лодки еще на пять миль ниже по течению и ожидать дальнейших распоряжений, а мы выступили в путь. Приходилось пробираться по одному через заросли слоновой травы, настолько густые, что раньше я никогда бы не решился пройти через них

пешком. Высота травы достигала десяти — двенадцати футов. Речной туман и роса пригибали ее, и не успели мы пройти и сотни ярдов, как промокли до костей. Выбравшись наконец из зарослей, мы увидели широкую водную гладь, которая, по-видимому, являлась участком старого русла Ганга. Группы разведчиков были посланы направо и налево, чтобы найти кратчайший обход. Первыми вернулись посланные направо. Они сообщили, что в четверти мили от нас «озеро» сужалось и дальше, вплоть до соединения с каналом, по которому мы приплыли, виднелась река с быстрым течением. Вскоре вернулась вторая группа и сообщила, что в дальнем конце в озеро впадает река, которую невозможно перейти вброд. Стало совершенно ясно, что лодочники преднамеренно или случайно высадили нас на острове.

Надо было что-то предпринять, потому что близился рассвет, а наши лодки уплыли. Мы двинулись направо с тем, чтобы посмотреть, не удастся ли перейти реку вброд в узком месте, где в нее вливались воды двух каналов. Выше этого места глубина достигала двадцати футов, а ниже течение убыстрялось. В то время как все мы глядели на стремительно проносившиеся воды и размышляли, удастся ли кому-нибудь перебраться на ту сторону, Уиндхем начал раздеваться. Я заметил, что в этом нет необходимости, поскольку он и так промок до костей. Он ответил, что заботится не об одежде, а о своей жизни. Раздевшись догола, он завязал одежду в рубашку, положил узел на голову и, взяв за руку рослого молодого констебля, стоявшего рядом, сказал: «Пойдем со мной». Молодой человек был страшно ошеломлен тем, что его избрали для столь почетной миссии — утонуть вместе с господином комиссаром. Он ничего не сказал, и, взявшись за руки, они вошли в воду.

Я думаю, что у всех нас перехватило дыхание, пока мы наблюдали за этой переправой. Временами вода доходила Уиндхему и его спутнику до груди, а иногда и до подмышек. Подчас казалось, что они не смогут устоять на ногах и их снесет в ревущий поток, где никто, даже самый лучший пловец, не сможет уцелеть. Два храбреца — один самый старый в отряде, а другой, вероятно, самый молодой — упорно продвигались вперед, и когда наконец они выбрались на противоположный берег, вздох облегчения вырвался у всех нас. Мы рады были бы приветствовать храбрецов громкими криками, чтобы их услышали за двадцать миль в Хардваре, но должны были молчать.

Там, где могут пройти двое, пройдут и триста. Люди выстроились цепочкой, и хотя некоторых вода сбивала с ног, цепь держалась, и весь отряд благополучно переправился на

противоположную сторону. Здесь нас встретил один из наиболее доверенных осведомителей Фрэдди. Показывая на поднимающееся солнце, он сказал, что мы прибыли слишком поздно и что такому крупному отряду не удастся незамеченным пересечь открытое пространство, отделявшее нас от леса. Поэтому единственное, что нам остается, — вернуться назад на остров. И мы отправились обратно. На этот раз переправа показалась не столь тяжелой.

Очутившись в зарослях слоновой травы, мы сразу же принялись высушивать одежду. Мы быстро справились с этим делом, поскольку солнце уже начинало сильно припекать. Когда мы переоделись в сухое и согрелись, Фрэдди вытащил из своего вместительного ранца цыпленка и буханку хлеба, которым мы очень обрадовались, несмотря на то что они побывали в холодных водах Ганга. Я обладаю способностью спать в любом месте и в любое время и проспал почти весь день в песчаной впадине. Меня разбудило чье-то сильное чиханье. Подойдя к своим друзьям, я обнаружил, что все трое страдают различной формой сенной лихорадки. Трава, в которой мы находились, цвела метелками, но когда мы рано утром проходили через нее, метелки были мокрыми. Теперь под горячими лучами солнца они распустились, и мои друзья, разгребая траву в поисках прохладного места для отдыха, стряхивали пыльцу, отчего и получили сенную лихорадку. Индийцы не подвержены сенной лихорадке, и у меня ее также никогда не было. Сейчас я впервые видел, как люди страдают от этой болезни, и начал испытывать беспокойство. Хуже всех чувствовал себя племянник Фрэдди, плантатор из Бенгалии, приехавший в гости. Его глаза слезились и распухли до такой степени, что он ничего не видел. К тому же у него был сильный насморк. Фрэдди кое-как видел, но беспрерывно чихал, а когда Фрэдди чихает, земля дрожит. Закаленный и выносливый Уиндхем, хотя и уверял, что чувствует себя вполне нормально, не мог отнять платка от носа и глаз. Нас швыряло в открытой лодке, мы высадились на безлюдном острове и переходили вброд ревущие потоки, но теперь наступало самое худшее. При одной мысли о том, что мне придется идти во главе колонны из трехсот полицейских и вести трех человек, могущих потерять зрение, назад в Хардвар, я похолодел еще больше, чем когда переправлялся вброд в ледяной воде Ганга. К счастью, вечером состояние больных, к моему величайшему облегчению, улучшилось. К тому времени, когда мы в третий раз перешли вброд, Фрэдди и Уиндхем чувствовали себя хорошо, а зрение племянника Фрэдди восстановилось настолько, что больше не надо было говорить ему, когда поднять ногу, чтобы не наткнуться

на камень.

Осведомитель и проводник Фрэдди поджидали нас и провели через открытое пространство к устью высохшего канала шириной около ста ярдов. Луна только что поднялась, и видимость была почти такой же хорошей, как и при солнечном свете. И вот, выйдя из-за изгиба русла, мы столкнулись лицом к лицу со слоном. Мы слышали, что в этой местности обитает свирепый слон, отбившийся от стада. Теперь он стоял перед нами. Его бивни блестели в лунном свете, уши были расправлены, и он издавал трубные звуки. Настроение наше не улучшилось, когда проводник сообщил, что слон обладает очень дурным нравом: он убил уже многих людей и, несомненно, убьет кое-кого из нас. Казалось, слон оправдает предсказания проводника, когда с высоко поднятым хоботом он подошел к нам на несколько ярдов. Но он повернулся и скрылся в джунглях, откуда вскоре донесся его победный клич. Пройдя еще милю, мы вышли к месту, которое, как сказал проводник, ранее было выжжено огнем. Идти здесь было приятно. Мы шли по короткой зеленой траве, любуясь лунным светом, отражавшимся в каждом листочке, и, забывая о цели нашего похода, наслаждались красотой джунглей. Когда мы подошли к участку выжженной травы, где старый павлин, сидя на высохшем дереве, посылал в ночь свои предупредительные крики, два леопарда вышли на дорогу, увидели нас и удалились грациозными прыжками, растворившись в тени. Во время длительного плавания по боковому каналу я чувствовал себя вне родной стихии. Теперь же, увидев слона, который, как я знал, просто проявлял любопытство и не хотел причинить нам вреда, услышав, как павлин предупреждает обитателей джунглей об опасности, и, наконец, наблюдая, как леопарды слились с тенями, я снова попал в привычную обстановку, которую любил и понимал.

Сойдя с дороги, проходившей с востока на запад, проводник повел нас в северном направлении через заросли кустов и деревьев. Пройдя милю или более, мы вышли к берегу небольшого ручья, над которым навис гигантский баньян. Здесь нам было предложено сесть и подождать, пока проводник сходит на ферму посоветоваться со своим братом. Ожидание было долгим, утомительным и отнюдь не облегчалось голодом, который мучил нас, поскольку мы ничего не ели с тех пор, как закусили цыпленком и хлебом, а было уже за полночь. К тому же у меня, единственного курильщика, кончились сигареты. Проводник вернулся под утро и сообщил, что Султана с остатками своей банды, которая сократилась к тому времени до девяти человек, ушел накануне вечером с фермы, чтобы

совершить набег на деревню, расположенную на пути в Хардвар. Он мог вернуться либо ночью, либо на следующий день. Прежде чем уйти за продовольствием, в котором мы так нуждались, проводник и осведомитель предупредили, что мы находимся на территории Султаны и поэтому лучше не покидать своего убежища под баньяном.

Прошел еще один день томительного ожидания. Это был последний день, когда Уиндхем мог оставаться с нами, поскольку он был не только комиссаром Кумаона, но также политическим агентом[46] в княжестве Техри и должен был через два дня встречать правителя в Нариндра-Нагаре. После наступления темноты подъехала повозка, груженная травой. Сняв траву, мы обнаружили несколько мешков поджаренного грэма и сорок фунтов гура.[47] Это скудное, но желанное продовольствие было распределено между нашими людьми. Проводник не забыл и о господах и, прежде чем уехать назад, передал Фрэдди несколько чапати, завернутых в кусок материи, много повидавшей на своем веку. Мы лежали на спине и, поскольку все темы для разговоров были исчерпаны, думали о горячей пище и мягких постелях в далеком Хардваре. В это время я услышал звуки, говорившие о том, что леопард убил читала в нескольких сотнях ярдов от нашего дерева. Появилась возможность плотно поесть. Моя порция чапати не только не утолила голода, но даже обострила его. Я вскочил на ноги и попросил у Фрэдди его кукри.[48] Когда он спросил, зачем он мне понадобился, я ответил: «Чтобы отрезать задние ноги читала, только что убитого леопардом». «О каком леопарде и о каком читале вы говорите?» — спросил он. Да, он слышал крики читалов, но кто мог поручиться, что их потревожили не люди Султаны, выслеживающие нас. И во всяком случае, даже если я прав, в чем он сомневался, Фрэдди не понимал, каким образом мне удастся отнять читала у леопарда, если я не могу стрелять из мушкета вблизи скотоводческой фермы (на этот раз я не захватил винтовки, поскольку не знал, каким образом мне могут предложить ее использовать). По мнению Фрэдди, вся затея была абсурдной. Сожалея о невозможном, я опять улегся на землю голодным. Каким образом я мог убедить людей, не знавших повадки обитателей джунглей и их языка, что не люди потревожили читалов, а читалы кричали, потому что видели, как леопард убивает одного из них. Я знал, что могу совершенно спокойно забрать убитое животное или часть его, не рискуя ничем.

Остаток ночи прошел без происшествий, и на рассвете Уиндхем и я отправились обратно в Хардвар. Мы перешли Ганг по плотине у Бхимгоды. Наскоро перекусив в конторе смотрителя

плотины, вечером мы занялись рыбной ловлей на широком водном просторе. Эту ловлю мы запомнили надолго.

На следующее утро, когда Уиндхем намеревался отправиться на аудиенцию в Нариндра-Нагар, а я собирал кое-какое продовольствие для моих голодных товарищей, гонец принес весть, что Фрэдди захватил Султану.

Накануне вечером Султана вернулся на скотоводческую ферму. После того как отряд Фрэдди окружил ферму, сам он подкрался к большому сараю, в котором обычно жили скотоводы. Увидев спящего на единственной в сарае постели человека, он уселся на него. Придавленный огромным весом, Султана не смог оказать сопротивление и осуществить свое намерение не сдаваться живым. Из шести разбойников, находившихся во время облавы в сарае, четверо, включая Султану, были схвачены, а двое других — помощники Султаны (Бабу и Пайлван) пробились через полицейский кордон и сбежали, несмотря на то что в них стреляли.

Я не знаю, сколько убийств было на совести Султаны, но когда он предстал перед судом, он обвинялся прежде всего в том, что один из членов его банды убил арендатора деревенского старосты из Ламачура. Находясь в камере смертников, Султана послал за Фрэдди и поручил ему свою жену и сына, находившихся в Наджибабадском форте, а также собаку, которую он очень любил. Собаку Фрэдди взял себе. Тем, кто знает Фрэдди, нет надобности говорить, что он честно выполнил свое обещание позаботиться о семье Султаны.

Несколько месяцев спустя Фрэдди получил повышение. Он был самым молодым из всех работников полиции в Индии, награжденных его величеством королем орденом Индийской империи, и присутствовал в Морадабаде на ежегодном торжестве — неделе полиции. Одним из мероприятий этой недели был обед, на который приглашались все полицейские офицеры данной провинции. Во время обеда один из официантов шепнул Фрэдди о том, что его вестовой хочет ему сообщить что-то. Вестовой сопровождал Фрэдди все годы, когда он преследовал Султану. Теперь, располагая свободным вечером, он зашел на Морадабадский вокзал. В это время прибыл поезд. Вестовой от нечего делать разглядывал пассажиров. Из ближайшего вагона вышли двое. Один из них что-то сказал другому, и тот быстро прикрыл лицо платком. Вестовой, однако, успел заметить, что к носу этого человека прилеплен кусочек ваты. Он наблюдал за этими людьми, у которых было много багажа, и, когда они удобно устроились в углу зала ожиданий, нанял экку[49] и поспешил к Фрэдди сообщить об увиденном.

Когда Бабу и Пайлван пробивались через полицейский кордон, окружавший скотоводческую ферму, в них стреляли. Вскоре после этого какой-то человек посетил маленькую аптеку около Наджибабада и попросил осмотреть рану в носу. Он сказал, что его покусала собака. Провизор, перевязывавший рану, заподозрил, что она была нанесена дробью, и сообщил об этом случае в полицию. Поэтому все полицейские провинции искали человека с поврежденным носом, тем более что Бабу и Пайлвану приписывалось большинство убийств, за которые банда Султаны несла ответственность.

Услышав сообщение вестового, Фрэдди прыгнул в автомобиль и помчался на вокзал. (Именно помчался, потому что, когда Фрэдди спешит, для него не существует остального движения и поворотов.) Прибыв на вокзал, он расставил стражу у всех выходов из зала ожидания, затем подошел к этим двум людям и спросил, кто они такие. «Купцы, направляемся из Барейли в Пенджаб», — ответили они. «Почему же в таком случае вы сели на поезд до Морадабада?» — спросил Фрэдди. В ответ он услышал, что на вокзале в Барейли стояло два поезда и что им указали не тот, который нужно. Узнав, что у путников нет никакой еды и что им придется ждать поезда до утра, он попросил их следовать за ним и быть его гостями. На мгновение они заколебались, но потом сказали: «Как вам угодно, господин».

Посадив этих людей на заднее сиденье автомобиля, Фрэдди медленно поехал, подробно расспрашивая их и получая на свои вопросы незамедлительные ответы. Затем они спросили Фрэдди, является ли это обычным делом для господ приезжать по ночам на вокзал и увозить с собой пассажиров, оставляя их багаж, который могут разграбить все кому не лень. Фрэдди понимал, что его действия без должным образом оформленного ордера могут быть квалифицированы как проявление самоуправства и что это может навлечь на него серьезные неприятности, если участники банды Султаны, отбывающие срок наказания в Морадабадской тюрьме, не опознают своих бывших сообщников. В то время как такого рода мысли мелькали у него в голове, автомобиль подъехал к дому, где Фрэдди остановился на время.

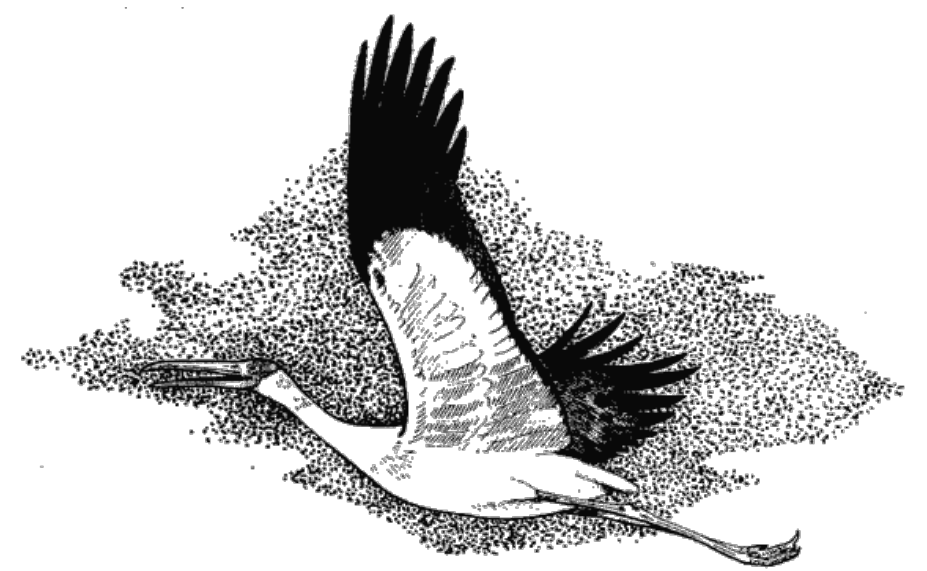
Все собаки любили Фрэдди, и собака Султаны не составляла исключения. За прошедшие несколько месяцев этот бродячий пес с примесью крови терьера отдал всю свою любовь Фрэдди. Когда автомобиль остановился и все трое вышли из него, собака выскочила из дома. Затем она в удивлении остановилась и бросилась к двум путникам, проявляя все признаки восторга, на которые только способна собака. Прошла напряженная минута, в течение которой Фрэдди и два человека молча смотрели друг на

друга. Затем Пайлван, который знал, какая судьба его ожидает, нагнулся и, потрепав собаку по голове, сказал: «Перед лицом этого честного свидетеля, молодой господин, нам нет смысла отрицать, что мы именно те, за кого вы нас принимаете».

Общество нуждается в защите от преступников, и Султана был преступником. Его судили по закону страны, признали виновным и казнили. Тем не менее я не могу побороть в себе большого восхищения этим маленьким человеком, который в течение трех долгих лет сводил на нет все усилия правительства и который своим мужественным поведением завоевал уважение стражи, охранявшей его в камере смертников.

Мне бы хотелось, чтобы суд не выставлял Султану, закованного в ручные и ножные кандалы, на посмешище тем, кто дрожал при одном упоминании его имени, когда Султана был на свободе. Я желал бы еще, чтобы приговор был более мягким по той простой причине, что Султана происходил из племени бханту и на него с детства поставили клеймо преступника, да и вообще жизнь обошлась с ним сурово. Я желал бы этого также потому, что, обладая властью, он не угнетал бедных, а когда я пришел по его следам к баньяну, он даровал жизнь мне и моим друзьям. И наконец, я хотел бы этого и потому, что, идя на встречу с Фрэдди, он вооружился не ножом и пистолетом, а арбузом.

ДОВЕРИЕ



Почтовый поезд шел с максимальной скоростью тридцать миль в час по знакомой мне стране. Миля за милей он проходил мимо освещенных только что взошедшим солнцем полей, на которых жали золотую пшеницу. Дело происходило в апреле, поезд шел по долине Ганга, самой плодородной местности Индии.

В прошлом году в стране был неурожай, вызвавший страшный голод. Я видел целые деревни, жители которых питались древесной корой, мелкими семенами трав, собранными в результате нечеловеческого труда на выжженных равнинах, или дикими сливами, растущими на заброшенных землях, слишком истощенных, чтобы давать урожай. К счастью, погода изменилась, обильные зимние дожди вновь сделали почву плодородной, и люди, голодавшие целый год, теперь с радостью собирали хороший урожай.

Несмотря на ранний час, всюду кипела работа, причем каждый вносил свою долю труда. Жали женщины, в основном безземельные труженицы, которые по мере созревания урожая переходят из одной местности в другую. Работая от зари до зари, они получают от двенадцатой до шестнадцатой части зерна, сжатого ими за день.

Я смотрю из окна вагона. Никакие заборы и изгороди не мешают осматривать местность. На полях не видно ни одной

сельскохозяйственной машины. Пашут плугом, в который впрягают пару волов. Жнут длинными изогнутыми серпами. Снопы, перевязанные жгутами из пшеничной соломы, доставляют на ток в запряженных волами повозках на деревянных колесах. На току, обмазанном коровьим навозом, быки обмолачивают зерно. Их привязывают длинной веревкой к столбу, плотно вбитому в землю. По мере того как снопы увозят с поля, дети выгоняют на жнивье скот. Пробираясь между пасущимся скотом, старые и слабые женщины подбирают зерно, выпавшее из колосьев во время жатвы. Половину собранного зерна возьмет хозяин поля, а другую половину — один-два фунта, если почва не слишком растрескалась от жары, — им позволят оставить себе.

Мне предстояла тридцатишестичасовая поездка. Я был единственным пассажиром в вагоне. Поезд останавливался, когда наступало время для завтрака, ленча или обеда. Все было интересным вокруг. Но меня это не радовало. Мое настроение портилось при мысли о двухстах рупиях, лежавших в мешочке на дне моего стального сундучка.

Восемнадцать месяцев назад я нанялся работать инспектором по топливу на железную дорогу, по которой сейчас ехал. На работу я пришел прямо со школьной скамьи, и эти восемнадцать месяцев прожил в лесу, наблюдая за тем, как заготавливались 500 тысяч кубометров леса на топливо для паровозов. Сначала деревья срубали и распиливали на бревна длиной точно в тридцать шесть дюймов, а затем везли десять миль до ближайшей железной дороги. Там их складывали в штабеля, измеряли и грузили в специальные составы, которые развозили топливо по назначению. Прошедшие восемнадцать месяцев были наполнены напряженным трудом, и, несмотря на одиночество, я сохранял бодрость духа и работал с удовольствием. В лесу было много разнообразной дичи — читалов, четырехрогих антилоп, кабанов и лесных птиц. Река, протекавшая по краю леса, изобиловала разнообразной рыбой, крокодилами и питонами. Из-за своей работы я мог заниматься охотой и рыбной ловлей только по ночам. Охота при лунном свете совсем не то, что при дневном. Ночью легче подкрасться к читалу или пасущемуся кабану, но труднее сделать точный выстрел, если луна не светит прямо на мушку. Лесных птиц приходилось стрелять в гнездах, и я без стыда сознаюсь, что иногда занимался таким убийством. Дело в том, что на протяжении этих полутора лет я ел только то мясо, которое добывал на охоте в лунные ночи. С наступлением темных ночей я становился вегетарианцем.

Порубка леса дезорганизовала жизнь обитателей джунглей, и у меня на руках оказались многочисленные беспризорные и

сироты. Питон поселился в моей маленькой палатке, когда она была уже здорово перенаселена. В ней жили два выводка куропаток — серые и черные, четыре птенца, два зайчонка, два детеныша четырехрогой антилопы, которые только начали стоять на своих тоненьких ножках.

Однажды я вернулся домой через час после наступления темноты и, когда поил молоком четырехногих обитателей палатки, заметил, что в углу что-то блестит в свете фонаря. Оказалось, что это питон, забравшийся на соломенную подстилку, принадлежавшую детенышу антилопы. В результате быстрой проверки выяснилось, что все юные обитатели палатки на месте, и я оставил питона, которого назвал Рексом, в облюбованном им углу. Затем в течение двух месяцев Рекс ежедневно выползал из палатки погреться на солнце и возвращался в свой угол на закате. За это время он никому не причинил никакого вреда.

Из всех беспризорных и сирот, воспитанных мною в палатке и возвращенных в лес, когда они смогли сами о себе позаботиться, только детеныш четырехрогой антилопы по кличке Тиддли-моргунья не пожелала покинуть меня. Она последовала за мной и тогда, когда я перенес свою палатку поближе к железнодорожной линии, чтобы наблюдать за погрузкой топлива, и чуть не поплатилась за это жизнью. Вскормленная из моих рук, она не боялась людей. На другой день после того, как мы перебрались на новое место, она подошла к человеку и он пытался убить ее, приняв за дикую антилопу. Вернувшись в тот вечер в палатку, я увидел, что Тиддли-моргунья лежит около моей походной кровати. Приподняв антилопу с земли, я обнаружил, что у нее сломаны передние ноги и концы костей прорвали кожу. В то время как я пытался влить ей в горло хоть немного молока и собирался с духом, чтобы сделать то, что мне представлялось неизбежным, — прикончить ее, в палатку вошел мой слуга с человеком, который сознался в попытке убить несчастное животное. Как выяснилось, этот человек работал на своем поле, когда Тиддли-моргунья подбежала к нему. Полагая, что она забрела из соседнего леса, он ударил ее палкой и стал преследовать. Только когда антилопа вошла в мою палатку, он понял, что она ручная. Мой слуга советовал этому человеку уйти до моего возвращения, но он отказался. Рассказав, как все произошло, он пообещал вернуться рано утром с костоправом из своей деревни. Я мог лишь приготовить свежую мягкую подстилку и почаще поить раненое животное молоком. На рассвете этот человек вернулся с костоправом.

В Индии было бы неразумно судить о человеке по внешнему виду. Он казался слабым стариком. Но это был знаток своего

дела. По его просьбе я поднял раненое животное. Несколько минут он молча разглядывал его, а затем повернулся и вышел из палатки, бросив через плечо, что вернется через два часа. Месяцами я работал без всякого отдыха и поэтому считал себя вправе в это утро не пойти на работу. До возвращения старика я нарезал в близлежащих джунглях веток и соорудил небольшой загон в углу палатки. Костоправ принес несколько стеблей джута с содранной корой, зеленую клейкую массу, несколько молодых листьев рицинуса величиной с тарелку и моток тонкой джутовой веревки. Я сел на край походной кровати, положив Тиддли себе на колени так, чтобы ее вес приходился частично на задние ноги и частично на мои колени. Старик уселся на земле перед антилопой, положив рядом принесенные предметы.

Кости передних ног животного были раздроблены между коленями и маленькими копытцами. Безжизненно свисавшие части ног закрутились. Очень осторожно старик привел ноги в нормальное положение, покрыл их от коленных чашечек до копыт толстым слоем клейкой зеленой массы, сверху положил полоски листьев рицинуса (для того, чтобы клей оставался на месте), а поверх листьев наложил джутовые стебли и привязал их к ногам джутовой веревкой. На следующее утро он принес лубки, сделанные из стеблей джута. Когда их прикрепили к ногам Тиддли, она смогла сгибать колени и становиться на землю копытцами, которые на один дюйм высовывались из лубков.

Гонорар костоправа составлял одну рупию плюс две анна за клейкую массу и веревки, купленные на базаре. До тех пор пока лубки не были сняты и маленькая антилопа вновь обрела способность прыгать и скакать, он не брал платы и не принимал небольшого подарка, который я предложил ему в знак благодарности.

Теперь работа была закончена и я ехал в контору, чтобы дать отчет о произведенных расходах. Я опасался, что мне придется искать новую работу, поскольку паровозы перевели на уголь и дров больше не требовалось. Мои бухгалтерские книги были в идеальном порядке, и я полагал, что хорошо потрудился, поскольку за восемнадцать месяцев была сделана работа, на которую отводилось два года. Тем не менее я чувствовал себя тревожно: меня по-прежнему беспокоили лежавшие в мешочке деньги, которые я вез в своем стальном сундучке.

В девять часов утра я прибыл к месту назначения в Самастипур. Оставив багаж в зале ожидания, я отправился в контору начальника отделения, захватив с собой счета и мешочек с двумястами рупиями. В конторе привратник внушительного вида сказал, что хозяин занят и мне придется подождать. На

открытой веранде было очень жарко, и с каждой минутой ожидания моя нервозность усиливалась. Я вспомнил, что старый железнодорожный служащий, помогавший мне составлять счета, предупреждал, что излишек в двести рупий при сбалансированных счетах может привести к большим неприятностям. В конце концов дверь открылась и из комнаты начальника вышел взволнованный человек. Прежде чем привратник успел закрыть дверь, раздался громоподобный голос, приглашавший меня войти. Начальник отделения тяги Бенгальской и Северо-Западной железной дороги Райлз весил более ста килограммов и обладал голосом, наводившим ужас на всех подчиненных, но у него было золотое сердце. Предложив мне сесть, он придвинул к себе счета, вызвал клерка и весьма тщательно сверил мои цифры с данными, полученными от железнодорожных станций, куда отправлялось топливо. Затем он сказал, что, к сожалению, мои услуги больше не потребуются и что документы об увольнении будут выданы мне в тот же день. На этом наша беседа закончилась. Взяв свою шляпу, я направился к двери, однако меня позвали назад и сказали, что я забыл на столе какой-то предмет, возможно мешок с деньгами. С моей стороны было глупо полагать, что я смогу просто оставить двести рупий и уйти, но именно это я пытался сделать. Я вернулся и сказал, что деньги принадлежат дороге, и, поскольку я не знаю, как провести их по своим счетам, я принес их в контору. «Баланс у вас сошелся, — сказал Райлз, — и если вы не подделали счета, то должны объяснить, как все это получилось». Когда я давал объяснение, вошел старший клерк Тевари с бумагами и стал за креслом Райлза. В его добрых старых глазах я прочел поддержку. Дело обстояло так. Когда моя работа приближалась к завершению, пятнадцать возчиков, занимавшихся перевозкой топлива из леса до железной дороги, пришли однажды ночью ко мне и сказали, что их срочно вызывают в деревню для уборки урожая. Привезенные ими дрова были разбросаны на большой территории, и потребовалось бы несколько дней, чтобы сложить их в штабеля и измерить. Поскольку возчики должны были отправиться в дорогу той же ночью, они попросили меня прикинуть примерно, какая плата им причитается. Ночь была темной, и я не мог определить даже на глаз количество привезенных дров. Поэтому я сказал, что соглашусь с той цифрой, которую они сами назовут. Два часа спустя возчики вернулись, я расплатился с ними и через несколько минут услышал, как заскрипели их повозки, удаляясь в ночь. Возчики не оставили своего адреса. Через несколько недель, когда дрова были сложены и измерены, я обнаружил, что они обсчитали себя на двести

рупий.

Когда я передал все это Райлзу, он сказал, что завтра должен прибыть агент железнодорожной компании Изат и что он поручит ему заняться этим делом.

Представитель трех самых процветающих железнодорожных компаний Индии Изат прибыл на следующий день утром, а в полдень я был приглашен в контору Райлза. Когда я пришел, Изат, небольшой подвижный человек с проницательным взглядом, был один. Похвалив меня за окончание работы на шесть месяцев раньше срока, он сказал, что Райлз показал ему счета и рассказал о моем деле. Изат хотел задать мне один вопрос: почему я не положил в карман двести рупий и не промолчал об этом? По-видимому, мой ответ его удовлетворил, если судить по письмам, которые мне вручили вечером, когда я сидел на вокзале, не зная, что предпринять. В одном из них Тевари благодарил за двести рупий, внесенных в фонд вдов и сирот железнодорожников, почетным секретарем которого он являлся. Во втором письме Изат сообщал мне, что я остаюсь на службе, и предлагал явиться к Райлзу.

В течение следующего года я работал на различных должностях во многих пунктах железной дороги. Временами я разъезжал на паровозах, собирая сведения о количестве сжигаемого угля. Мне нравилась эта работа, поскольку иногда мне разрешали вести паровоз. Одно время я работал охранником на товарных поездах — нелегкий труд, если учесть, что железнодорожных служащих было немного и мне часто приходилось работать бессменно по двое суток. Временами я работал помощником заведующего складом или начальником станции. Однажды я получил распоряжение отправиться в Мокамех-Гхат для встречи с начальником паромной службы Сторраром. Бенгальская Северо-Западная железная дорога проходит по долине Ганга на различном расстоянии от реки. В нескольких местах от основной магистрали отходят боковые ветки, подходящие вплотную к Гангу. С помощью паромов железнодорожные составы переправляют на правый берег, где проходит ширококолейная железная дорога. Здесь расположен Мокамех-Гхат — важнейший железнодорожный узел.

Выехав из Самастипура на рассвете, я пересел в конечном пункте боковой железнодорожной ветки Самариа-Гхате на пароход «Горакхпур». Сторрар был извещен о моем приезде, но ему не было известно о цели этого визита, впрочем как и мне самому. Часть дня мы провели в доме у Сторрара, а остальное время бродили среди огромных складов, которые были, по-видимому, заполнены большим количеством грузов. Через два

дня меня вызвали в Горакхпур, где расположено управление железной дороги, и сообщили, что я назначаюсь в Мокамех-Гхат в качестве инспектора по транзитным перевозкам. Мое жалованье было увеличено со ста до ста пятидесяти рупий в месяц, и через неделю я должен был взять подряд на работу по переброске грузов.

Итак, я вернулся в Мокамех-Гхат на этот раз ночью, для того чтобы заняться работой, о которой не имел никакого представления, так же как и о том, где можно достать хотя бы одного рабочего. Хуже всего было то, что весь мой капитал составлял лишь сто пятьдесят рупий, которые я скопил за два с половиной года работы.

На этот раз Сторрар не ожидал меня. Однако он накормил меня обедом, и, когда я рассказал, почему вернулся, мы вынесли наши кресла на веранду, обдуваемую прохладным ветром с реки, и проговорили до поздней ночи. Сторрар был вдвое старше меня и работал в Мокамех-Гхате уже несколько лет. В его ведении находилась целая флотилия пароходов и барж, переправлявших пассажиров и железнодорожные вагоны из Самариа-Гхата в Мокамех-Гхат. От него я узнал, что восемьдесят процентов перевозок на дальние расстояния по Бенгальской Северо-Западной железной дороге проходит через Мокамех-Гхат. Каждый год с марта по сентябрь в этом пункте скопляется большое количество грузов, в результате чего железная дорога терпит значительные убытки. Перевалкой грузов на ширококолейную железную дорогу в Мокамех-Гхате занималась «Трудовая компания», которая имела контракт на перевоз грузов на всем протяжении этой дороги. По мнению Сторрара, ежегодное скопление грузов объяснялось безразличием компании к интересам узкоколейной железной дороги, а также сезонной нехваткой рабочей силы в связи с уборкой урожая в долине Ганга. Затем мне был задан весьма уместный вопрос, каким образом я, человек совершенно не знакомый с местными условиями и не располагающий средствами (доставшиеся мне большим трудом сбережения не принимались в расчет), собираюсь сделать то, чего не могла достичь «Трудовая компания», обладавшая всеми возможностями. Сторрар добавил, что склады в Мокамех-Гхате доверху забиты грузами, четыреста вагонов ожидают разгрузки на станции, а на противоположном берегу реки тысяча вагонов стоит в ожидании паромной переправы. «Мой совет вам, — заключил он, — завтра утром садитесь на пароход, отходящий в Самариа-Гхат, и возвращайтесь прямо в Горакхпур. Скажите администрации дороги, что вы не хотите брать подряд на погрузку».

На следующее утро я поднялся рано, но не сел на пароход, идущий в Самариа-Гхат. Вместо этого я отправился осматривать склады и товарную станцию. Сторрар не сгустил красок. В действительности положение было еще хуже. Разгрузки ожидали четыреста вагонов на одной дороге и столько же на другой. Для ликвидации затора в Мокамех-Гхате предстояло разгрузить пятнадцать тысяч тонн грузов, и я должен был это сделать. Мне еще не исполнилось двадцати одного года, и к тому же стояла летняя пора, когда мы все становимся немного безрассудными.

Начальником станции в Мокамех-Гхате был Рам Саран, который занимал этот пост уже два года. К тому времени, когда я встретился с ним, я уже принял решение взяться за работу, к каким бы последствиям это ни привело. Рам Саран, человек с огромной блестящей черной бородой, был старше меня на двадцать лет и являлся отцом пятерых детей. Его предупредили телеграммой о моем приезде, но он не знал, что я должен взять подряд на погрузку. Когда я сообщил ему об этом, его лицо расплылось в улыбке и он сказал: «Хорошо, сэр. Очень хорошо. Мы справимся». Услышав это «мы», я проникся теплыми чувствами к Рам Сарану, и эти чувства оставались неизменными вплоть до его смерти тридцать пять лет спустя.

Когда за завтраком я сообщил Сторрару, что решил взять подряд на погрузку, он сказал, что дураки никогда не внемлют добрым советам. Тем не менее он добавил, что окажет мне всю возможную помощь, и обещание это он честно выполнил. В последующие месяцы его паром днем и ночью бороздил воды реки, доставляя железнодорожные вагоны.

Поездка из Горакхпура заняла два дня, и поэтому, когда я прибыл в Мокамех-Гхат, у меня оставалось пять дней на ознакомление со своими обязанностями и подготовку к началу работ. Первые два дня ушли на знакомство с подчиненными. Помимо Рам Сарана имелся еще помощник начальника станции, величественный старик по имени Чаттерджи, годящийся мне в деды, шестьдесят пять клерков, а также сотня сцепщиков, стрелочников и сторожей. В сферу моих действий входил и Самариа-Гхат, расположенный на другом берегу реки. Там в моем распоряжении находилась сотня клерков и рабочих. Руководство этими людьми и забота о транзитных грузах — сама по себе задача ужасная. Кроме того, я должен был обеспечивать погрузку и разгрузку пятисот тысяч тонн грузов, которые должны были без задержек пропускаться через Мокамех-Гхат.

Рабочие «Трудовой компании» оплачивались сдельно, и поскольку вся работа в Мокамех-Гхате фактически приостановилась, у складов сидело несколько сотен недовольных

людей. Узнав, что я взял подряд на погрузочно-разгрузочные работы на железной дороге, многие стали предлагать свои услуги. Я не давал обязательства не нанимать людей «Трудовой компании», но счел разумным воздержаться от такого шага. Однако я не видел причины отказывать в работе их родственникам. В течение первого из трех оставшихся у меня дней я отобрал двенадцать человек и назначил их десятниками. Одиннадцать взялись привести с собой по десять рабочих для начала разгрузки товаров, а двенадцатый — шестьдесят мужчин и женщин для погрузки угля. Грузить предстояло различные товары, а это означало, что придется нанимать рабочих, принадлежащих к различным кастам.[50] Среди десятников было десять индусов, причем двое из них — «неприкасаемые», и два мусульманина. Только один десятник был грамотным. Поэтому для ведения счетов я нанял двух клерков — индуса и мусульманина.

Когда обе дороги обслуживала одна «Трудовая компания», грузы перекладывались прямо из вагона в вагон. Теперь каждая железная дорога должна была выгружать их сначала в склады, а потом переносить из складов в вагоны. За каждую тысячу маундов[51] всевозможных грузов (за исключением тяжелого машинного оборудования и угля), перегруженных из вагонов на склад или наоборот, мне должны были платить одну рупию семь анна. Тяжелое оборудование и уголь перевозились в одном направлении. Поскольку такие грузы перегружались прямо из вагона в вагон, ими мог заниматься только один подрядчик. Эта работа также была поручена мне, и я получал одну рупию четыре анна за каждую тысячу маундов выгруженных и погруженных грузов. Один маунд равен восьмидесяти фунтам, и, следовательно, тысяча маундов — это более тридцати шести тонн.[52] Такие расценки могут показаться невероятно низкими, но их точность можно проверить по архивам обеих железных дорог.

Подсчитав свои силы в последний вечер, я обнаружил, что располагаю одиннадцатью десятниками с десятью рабочими при каждом из них и одним десятником со смешанной бригадой из шестидесяти мужчин и женщин. Кроме того, имелось два клерка. Рано утром на следующий день я телеграфировал в Горакхпур, что приступил к исполнению обязанностей инспектора по транзитным перевозкам и соглашаюсь взять подряд на погрузку.

Начальником станции на ширококолейной железной дороге и коллегой Рам Сарана был ирландец по имени Том Келли. Он проработал в Мокамех-Гхате несколько лет и, хотя сомневался в успехе моего предприятия, весьма любезно предложил оказать

посильную помощь. В связи с тем что склады были забиты грузами и по четыреста вагонов на каждой дороге ожидали разгрузки, необходимо было предпринять какие-то решительные меры. Я договорился с Келли, что пойду на риск и выгружу тысячу тонн пшеницы прямо на землю. Таким образом, на складах высвободится место для тысячи тонн соли и сахара. Келли, вагоны которого будут разгружены, обеспечит мне свободное место на складах. Этот замысел удался чудесно. К счастью, пока тысяча тонн пшеницы находилась под открытым небом, не было дождя. За десять дней мы не только разгрузили склады, но и справились с образовавшимся затором вагонов. Теперь Келли и я могли рекомендовать своему начальству возобновить после двухнедельного перерыва отправку грузов через Мокамех-Гхат.

Я взял подряд в начале лета. В это время года по железным дорогам Индии перевозится особенно много грузов. Как только отправка грузов возобновилась, они начали поступать в Мокамех-Гхат непрерывным потоком по Бенгальской и Северо-Западной железной дороге и не в меньшем количестве по ширококолейной дороге. Ставки, которые были оговорены в моем контракте, были самыми низкими в Индии. Единственный способ, при помощи которого я мог рассчитывать удержать рабочую силу, состоял в том, чтобы сократить до абсолютного минимума число грузчиков и заставить их трудиться напряженнее. Тогда они заработают столько же или даже немного больше, чем другие на подобной работе. Все грузчики в Мокамех-Гхате работали сдельно. В конце первой недели мои люди и я с величайшей радостью обнаружили, что они заработали, по крайней мере на бумаге, на пятьдесят процентов больше, чем грузчики из «Трудовой компании».

Заключая со мною контракт, администрация железной дороги обещала оплачивать работу еженедельно, и я в свою очередь дал слово платить рабочим каждую неделю. Администрация, однако, не учла, что передача подряда из одних рук в другие будет связана с осложнениями в бухгалтерии, для устранения которых потребуется время. Для железной дороги это обстоятельство не имело существенного значения, чего отнюдь нельзя было сказать обо мне. Весь мой капитал в момент прибытия в Мокамех-Гхат состоял из ста пятидесяти рупий, и во всем мире не было человека, у которого я мог бы занять денег. Таким образом, до тех пор пока администрация не перечислит мне деньги, я не мог заплатить своим людям.

Я назвал этот рассказ «Доверие», так как полагаю, что никому не оказывали столько доверия, сколько оказали мне рабочие и служащие железной дороги в течение первых трех месяцев моей

работы в Мокамех-Гхате. Люди трудились с предельным напряжением сил. Рабочий день в будни и в праздники начинался в четыре часа утра и продолжался без перерыва до восьми часов вечера. Чтобы работа не приостанавливалась, клерки, осуществлявшие учет грузов, обедали по очереди в разное время. Грузчики, которым пищу приносили их жены, матери или дочери, ели прямо в складах. Все трудились весело и с душой. Всегда имелся стимул для работы. Им могло быть желание обеспечить семью лучшей пищей и одеждой, купить нового вола вместо состарившегося или выплатить долг. У меня и у Рам Сарана рабочий день заканчивался позже, чем у рабочих. Надо было разбирать корреспонденцию, планировать и подготавливать работу на следующий день. В течение первых трех месяцев никто из нас не спал более четырех часов в сутки. Мне не было еще двадцати одного года, и у меня было железное здоровье, чего нельзя было сказать о Рам Саране. За три месяца он потерял в весе около семи килограммов, но отнюдь не утратил своей бодрости.

Отсутствие денег было предметом моего постоянного беспокойства, и, по мере того как неделя шла за неделей, оно превращалось в кошмар, вечно преследовавший меня. Вначале десятники, а затем и рабочие заложили те дешевые и жалкие украшения, которые у них были, но затем кредит оказался исчерпанным. Положение осложнялось еще и тем, что рабочие из «Трудовой компании», завидуя моим людям, которые зарабатывали больше, начали насмехаться над ними. Несколько раз с трудом удалось избежать неприятных столкновений. Несмотря на голодное существование, рабочие продолжали верить мне и готовы были дать отпор всякому, кто хотя бы намекал на то, что я обманом заставил их работать на себя и они не увидят ни гроша из заработанных денег.

Муссон запаздывал в этом году, и раскаленное солнце, опаляя нас своим жарким дыханием, делало жизнь невыносимо тяжелой. В конце одного очень долгого и тяжелого рабочего дня я получил телеграмму из Самариа-Гхата, в которой сообщалось, что на сходнях, по которым вагоны спускались на паромы для переправы через реку в Мокамех-Гхат, паровоз сошел с рельсов. Я добрался на катере на другой берег реки, и в течение трех часов с помощью ручных домкратов мы дважды ставили паровоз на рельсы, но он снова сходил с них. Только после того как улегся ветер и под деревянные полозья удалось насыпать достаточное количество мелкого песка, паровоз был поставлен на рельсы в третий раз. Измученный, с воспаленными и опухшими от ветра и песка глазами, я присел, чтобы впервые за день поесть. В это

время в комнату вошли мои десятники. Увидев, что слуга ставит передо мной тарелку, они с присущей индийцам вежливостью вышли. Пока я обедал, с веранды до меня доносился разговор одного из десятников с моим слугою.

ДЕСЯТНИК. Что было на тарелке, которую ты поставил перед господином?

СЛУГА. Чапати и немного дала.

ДЕСЯТНИК. Почему только один чапати и немного дала?

СЛУГА. Потому что у нас нет денег, чтобы купить больше.

ДЕСЯТНИК. Что еще ест господин?

СЛУГА. Ничего.

После короткого молчания старейший из десятников, мусульманин с большой выкрашенной хной бородой, сказал своим товарищам: «Отправляйтесь домой, а я останусь и поговорю с господином».

Когда слуга убрал пустую тарелку, старик десятник попросил разрешения войти и, стоя передо мной, сказал следующее: «Мы пришли сказать вам, что наши желудки давно пусты и что послезавтра мы уже не сможем работать. Но мы увидели, что вы испытываете такие же лишения, и поэтому решили работать до тех пор, пока у нас хватит сил стоять на ногах. Теперь, с вашего разрешения, господин, я уйду и, во имя Аллаха, прошу вас, сделайте что-нибудь, чтобы помочь нам».

На протяжении нескольких недель я каждый день обращался к администрации железной дороги в Горакхпуре с просьбой прислать деньги, но добился лишь заверений, что принимаются меры к скорейшей оплате моих счетов.

После того как бородатый десятник ушел, я отправился на телеграф, где дежурный телеграфист передавал мой ежедневный доклад о проделанной работе. Взяв со стола бланк, я попросил освободить линию для передачи срочного сообщения в Горакхпур. Был первый час ночи, и я направил депешу следующего содержания: «В случае неполучения подтверждения о присылке двенадцати тысяч рупий с утренним поездом работа в Мокамех-Гхате прекращается сегодня в полдень». Прочитав депешу, телеграфист посмотрел на меня и сказал: «С вашего разрешения я попрошу своего брата, который дежурит сейчас, доставить телеграмму немедленно, не дожидаясь утра». Десять часов спустя, когда до истечения срока моего ультиматума оставалось два часа, я увидел, что ко мне спешит рассыльный с серовато-коричневым конвертом в руке. Все грузчики, мимо которых он проходил, прекращали работу и смотрели ему вслед, поскольку каждый в Мокамех-Гхате знал содержание телеграммы, отправленной мною в полночь. После того как я прочел телеграмму, рассыльный, сын

моего конторского слуги, спросил, хорошие ли новости. Когда я сказал, что хорошие, он бросился бегом назад, и склады, мимо которых он пробегал, оглашались криками восторга. Деньги не могли прибыть раньше утра следующего дня, но что значили несколько часов для людей, ожидавших долгие месяцы?

На следующий день в моей конторе появился кассир, сопровождаемый несколькими грузчиками, несшими на бамбуковом шесте денежный сундук под охраной двух полицейских. Кассир был веселым индусом, толстым и высоким, который в равной мере источал добродушие и пот. Я никогда не видел его без очков, державшихся на красной тесьме. Расположившись на полу моей конторы, он потянул за веревку, завязанную вокруг шеи, и непонятно откуда извлек ключ. Он открыл денежный сундук и вытащил 12 мешочков, в каждом из которых находилось по тысяче новеньких серебряных рупий. Облизав языком марку, он приклеил ее к моей расписке. Затем, нырнув рукой в карман, в котором вполне могла поместиться пара кроликов, он извлек конверт с банкнотами на сумму четыреста пятьдесят рупий — мое жалованье за три месяца.

Мне кажется, никто не испытывал такого удовольствия, выплачивая деньги, как я, передавая в руки каждого из двенадцати десятников по мешочку с тысячью рупий. Мне кажется также, что никто не испытывал такого большого удовольствия, получая деньги, как мои грузчики. Появление толстого кассира разрядило обстановку, которая была донельзя напряженной. Этот случай следовало отметить каким-то празднеством, и поэтому остаток дня люди не работали. Впервые за девяносто пять дней мы позволили себе отдохнуть. Я не знаю, как остальные провели это время. Я же, признаюсь, тотчас погрузился в глубокий, спокойный сон.

Двадцать один год я руководил перегрузочными работами в Мокамех-Гхате. На протяжении всех этих долгих лет, даже когда я находился во Франции и в Вазиристане[53] во время войны 1914–1918 годов, грузы проходили безостановочно по Бенгальской Северо-Западной железной дороге, не задерживаясь ни на минуту. Когда я впервые взял подряд, через Мокамех-Гхат ежегодно переправлялось от четырехсот до пятисот тысяч тонн груза. К тому времени, когда я передал подряд Рам Сарану, поток грузов увеличился до миллиона тонн.

Те, кто приезжает в Индию в поисках удовольствий или прибыли, никогда не соприкасаются с настоящими индийцами, доверие которых позволило горстке администраторов в течение почти двух столетий управлять огромной страной с многомиллионным населением. Пусть беспристрастные историки

судят о том, было ли это правление благотворным для тех людей, с которыми я вас познакомил, для бедняков моей Индии.

БУДХУ

Будху принадлежал к касте «неприкасаемых», и за все годы нашего знакомства я ни разу не видел его улыбающимся: жизнь наложила отпечаток на его душу. Когда он пришел наниматься ко мне на работу, я увидел высокого изможденного человека лет тридцати пяти. У Будху были жена и двое малолетних детей. По его просьбе я направил его на перегрузку угля с ширококолейной на узкоколейную дорогу в Мокамех-Гхате, поскольку здесь могли трудиться и мужчины и женщины, а Будху хотел, чтобы его жена работала вместе с ним.

Платформы с углем на ширококолейной дороге и вагоны для погрузки на узкоколейке стояли друг против друга. Между ними находилась наклонная платформа шириной в три фута. Уголь с платформы в вагоны перекидывался лопатами, а также переносился в корзинах. Работа была крайне тяжелой, особенно потому, что над платформой не было никакого навеса. Зимой мужчины и женщины работали на холоде и часто мокли целыми днями под дождем. Летом они натирали волдыри на ногах, ступая босиком по железному полу платформы и вагонов. Лопата в руках непривычного человека, пытающегося заработать на хлеб себе и своим детям, — жестокое орудие. После первого же дня работы человек уходит со стертыми руками и мучительной болью в спине. На второй день на руках образуются волдыри, а боль в спине становится еще мучительнее. На третий день волдыри

лопаются и начинают гноиться, а спина разгибается лишь с трудом. После этого в течение недели или десяти дней только сила воли может заставить несчастного работать. Я знаю это по собственному опыту.

Будху и его жена прошли через все эти испытания. Часто, когда, проработав шестнадцать часов, они тащились к жилью, которое я им предоставил, мне хотелось сказать, что они уже достаточно настрадались и им следует подыскать работу полегче. Но они хорошо зарабатывали, по словам Будху, лучше, чем когда бы то ни было, и я предоставлял им возможность продолжать работу. Наступил день, когда с окрепшими руками и спинами, которые больше не болели, они уходили с работы таким же быстрым и легким шагом, как и приходили.

В это время перегрузкой угля занималось около двухсот мужчин и женщин, поскольку летом приток грузов, в том числе и угля, усиливается. Вагоны, в которых в Калькутту перевозились зерно, опиум, индиго, кожи и кость, возвращались с угольных шахт Бенгалии, груженные углем. Через Мокамех-Гхат ежегодно проходило пятьсот тысяч тонн угля.

Однажды Будху с женой не вышли на работу. Чамари,[54] десятник бригады, занимавшейся погрузкой угля, сообщил мне, что накануне Будху получил открытку и утром со всей своей семьей двинулся в путь, сказав, что вернется, как только сможет. Через два месяца они вернулись и поселились на прежнем месте. Будху и его жена опять работали с таким же усердием, как и раньше. На следующий год примерно в то же время Будху, пополневший к этому времени, и его жена, которая более не выглядела такой изможденной, опять прервали работу. На этот раз они отсутствовали три месяца и, когда вернулись, вновь выглядели измученными и обессиленными.

Я интересуюсь личной жизнью моих рабочих только в тех случаях, когда ко мне обращаются за советом или по собственной инициативе рассказывают о своих делах, поскольку индийцы очень щепетильны в этом отношении. Поэтому я не знал, почему Будху время от времени бросает работу, и каждый раз после получения открытки. Почту для рабочих передавали десятникам, и они раздавали ее работающим под их началом мужчинам и женщинам. Я велел Чамари направить ко мне Будху, когда он в следующий раз получит открытку. Девять месяцев спустя, когда по железной дороге шло особенно много угля и все мои люди работали с полным напряжением сил, Будху с открыткой в руках появился в моей конторе. Открытка была написана таким почерком, что я не мог ее прочитать и попросил сделать это самого Будху. Но он оказался неграмотным, однако сказал, что

Чамари прочел открытку: в ней содержался приказ немедленно явиться для уборки урожая. Ниже я привожу историю Будху, которую он рассказал мне в тот день в конторе. Эта история типична для миллионов бедняков Индии.

«Мой дед, крестьянин, занял две рупии у бании в своей деревне. Одну рупию бания удержал в счет процентов за год вперед. Он заставил моего деда приложить палец к своей долговой книге. Время от времени дед имел возможность выплачивать бании несколько анна для погашения процентов. После смерти деда долг перешел на моего отца и составлял уже 50 рупий. За время жизни отца долг увеличился до ста пятнадцати рупий. Тем временем старый бания умер и его сын после смерти моего отца послал за мной. Он сказал, что, поскольку долг нашей семьи достиг значительной суммы, необходимо, чтобы я представил ему должным образом оформленный и снабженный маркой документ. Я выполнил это требование, но, так как у меня не было денег, чтобы уплатить за бумагу с гербовой маркой и за регистрацию документа, бания предоставил мне необходимые деньги и добавил их к долгу, который теперь вместе с процентами достиг ста тридцати рупий. В качестве особой милости бания согласился снизить проценты до двадцати пяти. Эта милость была оказана при условии, что моя жена и я каждый год будем помогать ему убирать урожай до тех пор, пока весь долг не будет выплачен. Соглашение о том, что моя жена и я будем бесплатно работать на банию, было записано на другой бумаге, к которой я приложил свой палец. В течение десяти лет моя жена и я помогали убирать урожай бании, и каждый год, подведя итог, он записывал его на оборотной стороне бумаги с маркой, заставляя меня прикладывать к записи свой палец. Я не знаю, насколько возрос долг после того, как я взял его на себя. На протяжении многих лет я не мог ничего внести для погашения долга. После того как я начал работать у вас, я уплатил один раз пять, другой раз семь и третий раз тринадцать рупий, всего двадцать пять рупий».

Будху никогда не приходила в голову мысль отказаться от уплаты долга. Он опорочил бы не только себя, но и, что еще хуже, своего отца и деда. И он продолжал выплачивать долг деньгами и работой и жил, не имея надежды погасить его. После его смерти он перейдет на его старшего сына.

Узнав от Будху, что в деревне, где живет бания, имеется вакиль,[55] я записал его имя и адрес. Будху же я сказал, что он может вернуться на работу, а я тем временем посмотрю, что можно сделать с банией. Последовала длительная переписка с местным вакилем, смелым брамином, ставшим нашим надежным

союзником, после того как бания оскорбил его, приказав убраться из своего дома и не вмешиваться в чужие дела. От вакиля я узнал, что долговая книга, перешедшая к бании по наследству от отца, не может фигурировать в суде в качестве доказательства, поскольку в ней запечатлены отпечатки пальцев давно умерших людей. Бания обманом заставил Будху составить документ, в котором ясно сказано, что он, Будху, занял сто пятьдесят рупий из расчета двадцать пять процентов годовых. Вакиль советовал мне не оспаривать прав бании, поскольку документ, составленный Будху, имел законную силу и Будху признал его законность, сделав три взноса в счет уплаты процентов, а также приложив свой палец к записям, произведенным на документе в связи с этими выплатами. Когда я направил вакилю распоряжение об оплате всего долга и процентов, бания отдал документ. Однако он отказался признать недействительным частное соглашение, в силу которого Будху и его жена должны были бесплатно работать на уборке урожая. И только когда по совету вакиля я пригрозил бании, что привлеку его к ответу за вымогательство, он отдал второй документ.

Пока шли эти переговоры, Будху ощущал постоянное беспокойство. Он никогда не заговаривал со мной об этом деле, но, судя по тому, как он смотрел на меня каждый раз, когда я проходил мимо него на работе, я догадывался, что Будху думает о том, правильно ли он поступил, предоставив мне иметь дело с всемогущим банией, и в каком положении он очутится, если бания неожиданно появится и потребует объяснений. Наконец я получил заказное письмо с несколькими печатями. В нем находился документ со многими отпечатками пальцев, обязательство Будху, также скрепленное отпечатками пальцев, письмо, в котором сообщалось, что Будху стал свободным человеком, и расписка вакиля в получении гонорара, снабженная маркой. Все это дело обошлось мне в 225 рупий.

В этот вечер я встретил Будху, когда он возвращался с работы. Вынув документы из конверта, я попросил его подержать их, пока я подожгу их спичкой. «Нет, господин, нет, — сказал он, — вы не должны сжигать эти бумаги, поскольку теперь я ваш раб, и если богу будет угодно, выплачу вам свой долг». Будху не только никогда не улыбался, но был к тому же еще и молчаливым человеком. Когда же я сказал, что если он не хочет, чтобы я сжег бумаги, то может оставить их себе, он только сложил руки и коснулся ими моих ног. Но когда он поднялся и повернулся, чтобы уйти, было видно, как слезы прокладывают светлые дорожки на его черном от угольной пыли лице.

Только один из многомиллионной армии бедняков был

освобожден от долга, давившего три поколения людей. Но моя радость была безгранична, и никакие слова не смогли бы произвести на меня большее впечатление, чем молчаливый жест Будху и слезы, которые заволакивали его глаза, когда он спотыкаясь уходил, чтобы сообщить своей жене, что они свободны.

ЛАЛАДЖИ

Пассажирский пароход из Самариа-Гхата прибыл с опозданием. Я стоял на пристани и наблюдал за тем, как пассажиры высаживаются и быстро идут по насыпи к поезду ширококолейной железной дороги, отправку которого я задержал из-за них на несколько минут. Последним с парохода сошел худой человек с глубоко запавшими глазами, одетый в заплатанный костюм, который когда-то, в давно минувшие дни, был белым. В руках он держал небольшой сверток, завязанный в цветной носовой платок. Судорожно цепляясь за поручни трапа, он спустился на пристань, однако не стал подниматься на насыпь. Медленно, еле передвигая ноги, он побрел к берегу реки, и там его несколько раз сильно вырвало. Затем он нагнулся, вымыл лицо, развязал свой сверток и вынул из него простыню. Расстелив ее на берегу, он лег так, чтобы воды Ганга омывали подошвы его ног.

Он, по-видимому, не собирался садиться на поезд и даже не пошевелился, когда раздался третий звонок и машинист дал свисток. Человек лежал на спине, и, когда я сказал ему, что он опоздал на поезд, он открыл свои ввалившиеся глаза, посмотрел на меня и промолвил: «Теперь мне не нужны никакие поезда,

господин, ведь я умираю».

Это был сезон созревания плодов мангового дерева — самое жаркое время года, когда особенно свирепствует холера. Уже в тот момент, когда человек проходил мимо меня возле сходен, мне показалось, что он болен холерой, и подозрения мои подтвердились, когда я увидел, что его мучает сильная рвота. Отвечая на мои вопросы, он сообщил, что путешествует один и что у него нет друзей в Мокамех-Гхате. Я помог ему подняться и пройти двести ярдов от Ганга до моего бунгало. Я устроил его в пустовавшем домике моего слуги-опахальщика, стоявшем в стороне от жилья других слуг.

Я работал в Мокамех-Гхате уже десять лет и нанимал много рабочих. Часть их жила в предоставленных мною домах, а остальные — в близлежащих деревнях. Среди них, да и среди деревенских жителей было много случаев заболевания холерой. Я достаточно насмотрелся на них и, если когда-нибудь заболел бы этой отвратительной и заразной болезнью, стал бы молиться о том, чтобы нашелся добрый самаритянин, который из жалости пристрелил бы меня или дал мне большую дозу опиума.

Мало кто поверит мне, если я скажу, что из десятков тысяч людей, ежегодно умирающих от холеры, половину убивает не сама болезнь, а страх. Мы, живущие в Индии, в отличие от людей, приезжающих сюда на время, являемся фаталистами и верим, что человек не может умереть раньше положенного срока. Это, однако, не означает, что мы безразлично относимся к эпидемическим заболеваниям. Вся страна боится холеры, и, когда начинается эпидемия, от одного страха умирает не меньше людей, чем от самой болезни.

Человек, которого я поместил в домике моего слуги, был, несомненно, болен холерой. Помочь ему выжить могли только его вера и моя примитивная помощь. Единственный врач во всей округе был грубым, бессердечным и бездарным человеком. Я убежден, что рано или поздно я доставил бы себе удовольствие, перерезав его жирную глотку, если бы молодой клерк-стажер, присланный ко мне для обучения, не нашел более приемлемый способ избавиться от этого эскулапа, которого ненавидел весь мой персонал. Подающий надежды молодой клерк вошел в доверие к врачу и его жене, которые оба были крайне аморальными людьми. Каждый из них доверительно сообщил клерку о том, что им сильно не хватает тех прелестей жизни и наслаждений, которые они имели до приезда в Мокамех-Гхат. Услышав это, молодой клерк призадумался. Через несколько дней как-то вечером, незадолго до отхода пассажирского парохода в Самариа-Гхат, врач получил письмо. Прочитав его, он сказал

жене, что его срочно вызывают к больному в Самариа-Гхат и он будет занят всю ночь. Прежде чем отправиться в путь, врач принарядился. У дома его встретил клерк. Соблюдая строжайшую конспирацию, он повел его в конец квартала, где стоял домик стрелочника, недавно умершего от отравления светильным газом. Клерк проводил врача в пустую комнату с решеткой на окне и оставил одного.

Некоторое время врач просидел в ожидании. Затем дверь открылась и в комнату вошла женщина под густой вуалью, после чего дверь снова закрыли и заперли снаружи.

В этот вечер я поздно возвращался домой и, проходя мимо складов, услышал обрывки оживленного разговора между клерком-стажером и его приятелем, которого он сменял на ночном дежурстве. На следующее утро по дороге на работу я увидел толпу, собравшуюся перед домом, в котором жил покойный стрелочник. Один из присутствовавших с самым невинным видом сообщил мне, что кто-то, по-видимому, находится внутри, хотя дверь заперта снаружи на висячий замок. Я попросил принести молоток и сбить замок, а сам поспешно ушел по своим делам, чтобы не быть свидетелем того, в каком положении окажется врач и его жена, когда откроют дверь, хотя они и заслужили это. В тот день я сделал в своем дневнике три записи: «1) Доктор с женой срочно уехали в связи с личными делами. 2) Шив Деб — стажер — назначен клерком по учету с окладом в 20 рупий в месяц. 3) Замок, по-видимому, сломался и заменен новым». С тех пор в Мокамех-Гхате больше не видели человека, позорившего почетную профессию врача.

Я не мог уделять много времени уходу за подобранным мною человеком, поскольку у меня на руках находилось еще трое больных холерой. От своих слуг мне также нечего было ждать помощи, так как они принадлежали к другой касте. К тому же я не считал возможным подвергать их опасности заражения. Все это, однако, не имело бы значения, если бы мне удалось убедить больного в том, что мое лечение поможет ему. Поэтому я прямо сказал, что привел его к себе не для того, чтобы он умер и доставил мне беспокойство, связанное с кремацией, а для того, чтобы вылечить его, и сделать это я смогу только с его помощью. Первую ночь я опасался, что, несмотря на наши совместные усилия, он умрет, но к утру ему стало лучше, и в дальнейшем его состояние улучшалось с каждым днем. Оставалось лишь подкрепить его силы, ибо холера изматывает человека больше, нежели любая другая болезнь. В конце недели он был в состоянии рассказать мне свою историю.

Человека звали Лаладжи, и еще не так давно он был

преуспевающим торговцем зерном. Несколько лет тому назад он совершил ошибку, взяв себе компаньона, о котором ничего не знал. Их дело процветало, и все шло хорошо, но однажды, вернувшись из длительной поездки, он обнаружил, что лавка пуста, а компаньон исчез. Остававшейся у него небольшой суммы денег хватило лишь для уплаты его собственных долгов, и, лишившись кредита, он вынужден был искать работу. Он нанялся к купцу, с которым раньше торговал, и в течение десяти лет работал за семь рупий в месяц, которых едва хватало на жизнь ему и его сыну. Жена его умерла вскоре после того, как компаньон ограбил их. Он ехал по поручению своего хозяина из Музаффарпура в Гайя и в поезде заболел. При переправе на пароме ему стало хуже, и он с трудом сошел на берег, чтобы умереть возле священного Ганга.

Лаладжи пробыл у меня около месяца. Поправившись, он попросил разрешения продолжить свою поездку в Гайя. С этой просьбой он обратился ко мне, когда мы проходили мимо складов. К тому времени он достаточно окреп и каждое утро провожал меня некоторую часть пути, когда я шел на работу Я спросил его, что он будет делать, если по прибытии в Гайя узнает, что хозяин нашел на его место нового человека. Лаладжи ответил, что попытается найти другую работу. «Почему ты не попробуешь найти кого-нибудь, кто помог бы тебе снова стать торговцем?» — спросил я. Он ответил: «Господин, мысль о том, чтобы снова стать торговцем и получить возможность дать сыну образование, не покидает меня ни днем ни ночью. Во всем мире, однако, не найдется человека, который одолжил бы пятьсот рупий мне, слуге, работающему за семь рупий в месяц».

Поезд на Гайя отправлялся в восемь часов вечера, и когда незадолго до этого я вернулся с работы в бунгало, то обнаружил, что Лаладжи в свежевыстиранной одежде и с узелком, несколько большим, чем тот, с которым он прибыл, поджидал на веранде, желая попрощаться со мной. Когда я вложил ему в руку билет до Гайя и пять ассигнаций по сто рупий, он буквально онемел и лишь временами переводил взгляд с денег на мое лицо до тех пор, пока не раздался звон колокола, предупреждающего пассажиров о том, что поезд отправится через пять минут. Затем, склонив голову к моим ногам, он сказал: «Через год ваш раб вернет вам эти деньги».

Итак, Лаладжи покинул меня, увозя большую часть моих сбережений. Я ни на минуту не сомневался, что вновь увижу его, поскольку бедняки Индии никогда не забывают добра. Тем не менее мне казалось, что выполнить свое обещание Лаладжи не сможет. Однако я ошибся. Вернувшись однажды поздно вечером

домой, я увидел у себя на веранде человека в безупречном белом костюме. Свет из комнаты ослеплял меня, и я не сразу узнал его. Это был Лаладжи, прибывший за несколько дней до окончания срока, установленного им самим. Ночью, сидя на полу около моего кресла, он рассказал о торговых делах и успехах, которых ему удалось добиться. Начав торговлю с нескольких мешков зерна и удовлетворяясь прибылью в размере четырех анна с мешка, он постепенно и непрерывно расширял свое дело. Теперь он мог торговать партиями зерна весом до тридцати тонн, получая три рупии прибыли с тонны. Его сын учился в хорошей школе, и, поскольку Лаладжи мог теперь содержать жену, он женился на дочке богатого купца из Патны. Всего этого он добился менее чем за двенадцать месяцев. Когда до отхода его поезда оставалось немного времени, он положил мне на колени пять бумажек по сто рупий. Затем, вынув из кармана мешочек, он протянул его мне и сказал: «Здесь проценты с одолженных вами денег из расчета 25 процентов годовых». Мне кажется, я лишил его половины удовольствия, сказав, что у нас нет обыкновения брать проценты с друзей. Прежде чем уйти, Лаладжи сказал: «В течение месяца, проведенного у вас, я узнал от ваших слуг и рабочих, что было время, когда вы питались лишь чапати и далом. Если что-либо подобное повторится, да избавит вас от этого Парамешвар,[56] ваш раб принесет к вашим ногам все, что у него есть».

И пока я жил в Мокамех-Гхате, в течение одиннадцати лет я ежегодно получал большую корзину отборных манговых плодов из сада Лаладжи. Его мечта вновь стать торговцем осуществилась, и он вернулся в дом, который покинул, когда компаньон ограбил его.

ЧАМАРИ

Чамари, как видно из его имени, принадлежал к самым низшим слоям шестидесяти миллионов «неприкасаемых», живущих в Индии. Он пришел ко мне просить работу вместе со своей женой, угловатой женщиной, на лице которой лежала печать многолетних страданий. За ее оборванную юбку цеплялись два малыша.

Чамари был низкорослым и слабым человеком, слишком слабым, чтобы работать на складах, и я направил его с женой на разгрузку угля. На следующее утро я дал им обоим лопаты и корзины, и они мужественно начали работать с прилежанием, намного превышавшим их силы. К вечеру мне пришлось направить других рабочих доделать норму Чамари и его жены, поскольку задержка в разгрузке одного из пятидесяти вагонов привела бы к простою нескольких сотен людей.

В течение двух дней Чамари и его жена трудились героически, но непроизводительно. Утром третьего дня, когда они ожидали назначения на работу со стертыми до крови руками, завязанными грязными тряпками, я спросил Чамари, может ли он читать и писать. Услышав, что он немного грамотен, я велел ему вернуть лопаты и корзины на склад и явиться ко мне в контору. За несколько дней до этого я уволил за пьянство десятника,

руководившего разгрузкой угля. Он был единственным человеком, которого я уволил. Мне к тому же было совершенно ясно, что ни Чамари, ни его жена не смогут заработать на жизнь, занимаясь разгрузкой угля, и я решил испробовать Чамари на должности десятника.

Чамари думал, что его вызвали в контору для увольнения. Увидев, что это не так, он вздохнул с облегчением. Я дал ему новую учетную книгу и карандаш и поручил записывать номера разгружаемых угольных вагонов ширококолейной железной дороги, а также имена грузчиков — мужчин и женщин, разгружавших каждый вагон. Через полчаса он вернулся, собрав необходимые сведения, и аккуратно записал их в книгу. Проверив правильность записей, я вернул ему книгу и сказал, что назначаю его десятником бригады по погрузке угля, в которой работали двести мужчин и женщин. Я подробно объяснил ему его обязанности. Скромный человек, который всего лишь час назад трудился, испытывая на себе все отрицательные последствия низкого происхождения, вышел из моей конторы с высоко поднятой головой, с книгой под мышкой и карандашом за ухом.

Чамари был одним из самых добросовестных и трудолюбивых людей, работавших у меня. В бригаде, которой он руководил, были мужчины и женщины всех каст, включая браминов, чхаттри[57] и тхакуров. Не было случая, чтобы он оскорбил кого-либо из людей, принадлежавших к высшим кастам, отнесясь к ним с недостаточным уважением. Никто ни разу не оспаривал его власть. Он должен был записывать выработку всех грузчиков, работавших под его началом, и в течение двадцати лет, пока он работал у меня, правильность его записей ни разу не подвергалась сомнению.

Воскресными вечерами Чамари и я — он на циновке, а я на стуле — восседали около большой кучи медных пайсов, окруженные покрытыми угольной пылью мужчинами и женщинами, с нетерпением ожидавшими своего недельного заработка. Я получал от этих воскресных вечеров не меньшее удовольствие, чем простые трудолюбивые люди, сидевшие вокруг меня. Я испытывал такую же радость, давая им деньги, заработанные ими в поте лица своего, как и они, получая эти деньги. Всю неделю они работали на платформе длиной в полмили, и поскольку некоторые из них жили в домах, сооруженных мною, а другие в окрестных деревнях, у них было мало возможностей для общения. Они могли это делать лишь в воскресные вечера. Трудолюбивые и много работающие люди всегда веселы, потому что у них нет времени выдумывать несуществующие неприятности, которые всегда страшнее, чем

действительные. Мои рабочие были, разумеется, бедняками и имели достаточно неприятностей. Тем не менее они были веселы, и поскольку я владел их языком не хуже их самих, я мог принимать участие в их добродушном подтрунивании друг над другом и понимать их шутки.

Администрация железной дороги платила мне в зависимости от количества прошедших грузов, а я платил своим рабочим, где бы они ни работали, за каждый разгруженный вагон. За работу на складах я платил десятникам, которые затем оплачивали своих подчиненных. Но мужчинам и женщинам, работавшим на разгрузке угля, я выдавал зарплату сам. Чамари менял полученные от меня банкноты на пайсы на базаре в Мокамех-Гхате. Затем, когда наступал воскресный вечер, мы усаживались возле кучи пайсов и он зачитывал имена мужчин и женщин, разгружавших вагоны на протяжении недели, а я, быстро подсчитывая в уме, платил каждому столько, сколько ему причиталось. Я платил 40 пайсов (10 анна) за разгрузку одного вагона. Когда причитающуюся сумму нельзя было разделить поровну между рабочими, разгружавшими тот или иной вагон, я давал кому-нибудь из них лишнюю пайсу, и этот человек потом покупал соль, которую делил со всеми. Такая система оплаты удовлетворила всех, и хотя труд был нелегким, он давал возможность заработать в три раза больше, чем на сельскохозяйственных работах. К тому же эта работа была не сезонной, а постоянной.

Вначале заработная плата Чамари составляла пятнадцать рупий в месяц, но постепенно я довел ее до сорока рупий, что превышало заработок большинства клерков, служивших на железной дороге. Кроме того, я разрешил ему нанять бригаду из десяти человек для работы на складе. В Индии достоинство человека определяется в значительной мере размером его доходов и тем, на что он их расходует. Чамари пользовался уважением среди всех прослоек рабочих, потому что он много зарабатывал. Однако еще большее уважение он заслужил своей скромностью в расходовании денег. Изведав, что такое голод, он считал своим долгом не допускать, чтобы люди, которым он может помочь, страдали, как некогда страдал он. Его дом был открыт для всех нуждающихся. Представителей низшей касты он приглашал разделить трапезу с ним, а тем, кому кастовая принадлежность не позволяла есть приготовленную его женой пищу, Чамари давал продукты, чтобы они могли сами приготовить себе еду. Когда по просьбе жены Чамари я беседовал с ним относительно того, что он держит открытый дом, он неизменно отвечал, что его семье вполне достаточно пятнадцати

рупий, которые я первоначально платил ему, а давать жене больше этой суммы было бы равносильно поощрению ее склонностей к излишествам. На мой вопрос, в чем могут заключаться эти излишества, он ответил, что жена все время говорит, что он должен одеваться лучше, чем его подчиненные. Сам же он считал, что следует использовать деньги на пищу для бедных. И в подтверждение своих доводов он говорил: «Посмотри на себя, махараджа, — он величал меня этим титулом с первого и до последнего дня, — ты носишь этот костюм годами. Если ты можешь поступать таким образом, почему я не могу?» В отношении моей одежды он ошибался. У меня было два одинаковых костюма, и пока один очищался от угольной пыли, я носил другой.

Я проработал в Мокамех-Гхате уже шестнадцать лет, когда кайзер Вильгельм развязал войну. Администрация железной дороги была против моего ухода в армию, но не стала возражать, когда я согласился сохранить за собой подряд. Я собрал рабочих, но не смог объяснить им, что такое война. Однако они все до одного были готовы продолжать работать в мое отсутствие. И только благодаря их преданности и самоотверженности грузы проходили через Мокамех-Гхат без единой задержки в течение всех лет моей военной службы сначала во Франции, а затем в Вазиристане. Во время моего отсутствия Рам Саран исполнял обязанности инспектора по транзитным перевозкам. Через четыре года я вернулся к своим людям с приятным ощущением, будто мы не виделись всего один день. Мое благополучное возвращение они объясняли тем, что денно и нощно молились о моем здравии в храмах, мечетях и домашних молельнях.

В то лето, когда я вернулся, по всей Бенгалии свирепствовала холера. Однажды две женщины и один мужчина из бригады, разгружавшей уголь, заболели холерой. Чамари и я по очереди ухаживали за больными, вселяя в них уверенность, и лишь сила воли победила болезнь. Как-то ночью вскоре после этого случая я услышал, что кто-то ходит у меня на веранде. Я жил в бунгало один, поскольку Сторрар, получив повышение, уехал. На мой вопрос, кто это, голос из темноты ответил: «Я — жена Чамари и пришла сказать вам, что он заболел холерой». Я попросил ее подождать, быстро набросил на себя кое-какую одежду, зажег фонарь, и мы отправились в путь, захватив с собой палку, поскольку Мокамех-Гхат кишел ядовитыми змеями.

В тот день Чамари работал часов до четырех, а потом сопровождал меня в близлежащую деревню, где, как нам стало известно, серьезно заболела женщина-грузчица по имени Парбатти из его угольной бригады. Вдова с тремя детьми, она

первой вызвалась работать у меня, когда я прибыл в Мокамех-Гхат, и в течение двадцати лет работала не покладая рук. Всегда веселая и довольная, готовая оказать помощь каждому, кто в ней нуждался, она была душой наших воскресных собраний. Будучи вдовой, она могла болтать со всеми о чем угодно, не боясь людской молвы. Мальчик, принесший весть о болезни этой женщины, не знал, что с ней случилось, но был убежден, что она умирает. Захватив с собой простые лекарства и пригласив по пути Чамари, я поспешил в деревню. Мы нашли Парбатти лежащей на полу в ее хижине. Голова женщины покоилась на коленях ее седовласой матери. Это был первый и, я надеюсь, последний случай столбняка, который мне пришлось увидеть. Зубы Парбатти, которые принесли бы целое состояние кинозвезде, были поломаны при попытке разжать их, чтобы напоить больную водой. Она была в сознании, но не могла говорить, и у меня не хватает слов описать страдания, выпавшие на ее долю. Единственное, что я мог сделать для облегчения ее страданий, — это помассировать сведенные судорогой мышцы гортани, чтобы ей легче дышалось. В то время как я делал массаж, ее тело содрогалось от страшных конвульсий, как будто через нее пропускали электрический ток. К счастью, ее сердце перестало биться и страдания окончились. Чамари и я молча возвращались из убогой хижины, где уже начались приготовления к кремации. Несмотря на то что между этой женщиной из высшей касты и нами лежал целый океан предрассудков, мы очень любили ее. Оба мы знали, что этой веселой трудолюбивой маленькой женщины нам будет недоставать в большей мере, чем мы в этом признавались себе. В тот вечер я уже не видел Чамари, поскольку мне пришлось уехать по делам в Самариа-Гхат. И вот приходит его жена и сообщает, что он заболел холерой.

Мы в Индии ненавидим холеру и боимся ее, но нас не пугает опасность заразиться этой болезнью, может быть, потому, что мы — фаталисты. И поэтому я не удивился, увидев несколько человек, сидящих на полу вокруг кровати Чамари. В комнате было темно, но он узнал меня при свете фонаря, принесенного мною, и сказал: «Прости эту женщину за то, что она позвала тебя в такой поздний час, — было два часа ночи, — я приказал не беспокоить тебя до утра, но она не послушалась». Всего лишь десять часов назад я расстался с Чамари, и он был совершенно здоров. Теперь я был поражен изменениями, происшедшими в нем всего за несколько часов. Чамари всегда был худым и слабым, но теперь казалось, что он уменьшился вдвое. Глаза его глубоко запали, и голос превратился почти что в шепот. В комнате стояла удушающая жара, и я, прикрыв полуголое тело

больного простыней, заставил присутствующих мужчин вынести его вместе с кроватью во двор, где ему было легче дышать.

Чамари и я выходили многих холерных больных, и он лучше, чем кто-либо другой, осознавал, как опасно проявление паники и как необходима безграничная вера в простые лекарства, которыми я располагал. Он героически сражался с этой ужасной болезнью, никогда не терял надежды и принимал все лекарства, чтобы побороть болезнь и подкрепить организм. Несмотря на жару, ему было холодно. Единственный способ поддержать тепло в его организме заключался в том, что я поместил жаровню с тлеющими углями под его кровать и заставил своих помощников втирать толченый имбирь в ладони его рук и ступни ног. Борьба продолжалась в течение сорока восьми часов, причем в любую минуту могла наступить смерть. Затем этот мужественный человек впал в состояние прострации, пульс почти пропал, а дыхание стало прерывистым. С полуночи и почти до четырех часов утра Чамари продолжал оставаться в таком состоянии. Я знал, что мой друг не поправится. В течение всех этих долгих часов ухаживавшие вместе со мной за больным люди молча сидели на земле или стояли вокруг Чамари. Внезапно он привстал и взволнованным, но совершенно естественным голосом сказал: «Махараджа, махараджа. Где вы?» Я стоял у изголовья кровати, и, когда нагнувшись положил руку ему на плечо, он схватил ее обеими руками и промолвил: «Махараджа, Парамешвар зовет меня, и я должен идти». Затем, сложив руки вместе и склонив голову, он сказал: «Парамешвар, я иду». Когда я опустил его на кровать, он был уже мертв.

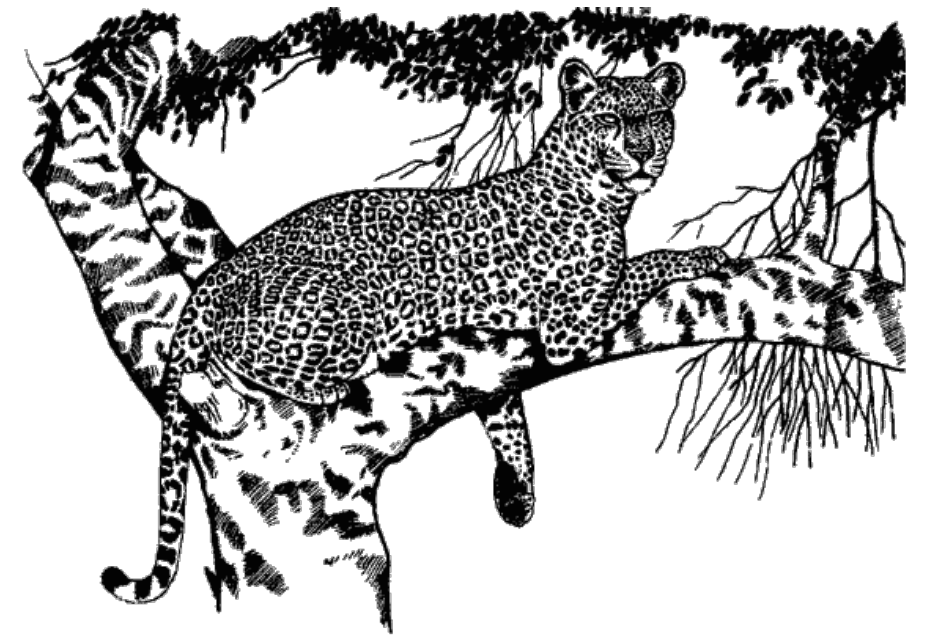
Около сотни людей всех каст присутствовали при кончине Чамари и слышали его последние слова. Среди них был незнакомец с сандаловым знаком на лбу, говорящим о его принадлежности к касте браминов. Когда я опустил на кровать исхудавшее тело, незнакомец спросил, кто это. Узнав, что это был Чамари, он сказал: «Я нашел того, кого долго искал. Я жрец большого храма Вишну в Каши.[58] Мой господин, главный жрец, узнав о добрых делах этого человека, послал меня разыскать его и привести в храм с тем, чтобы увидеть его. Теперь я вернусь к своему господину и сообщу, что Чамари умер. Я повторю ему слова, сказанные Чамари». Затем, положив сверток, который он держал в руках, на землю и сняв сандалии, этот жрец-брамин приблизился к ногам покойного и выразил почтение умершему из касты «неприкасаемых».

Никогда не увидит Мокамех-Гхат похорон, подобных похоронам Чамари. Все жители — богатые и бедные, индусы, и среди них брамины и «неприкасаемые», мусульмане и христиане

— пришли, чтобы отдать последний долг человеку, который прибыл сюда, придавленный своим низким происхождением. Тогда у него не было друзей. Ушел он от нас уважаемый всеми и любимый многими.

С точки зрения нашей христианской веры Чамари был язычником. Он принадлежал к самому низшему слою «неприкасаемых» Индии, но если после смерти мне отведут то же место, что занял он, я буду доволен.

ЖИЗНЬ В МОКАМЕХ-ГХАТЕ



Мы в Мокамех-Гхате не только трудились и спали. С самого начала работа требовала напряжения всех наших сил. Так было и в дальнейшем, но со временем наши руки огрубели, мышцы спины окрепли и мы привыкли к такому образу жизни.

Поскольку мы старались облегчить условия работы людей, зависевших от нас, мы трудились дружно, грузы шли бесперебойно, и у нас еще оставалось немного времени для развлечений. Ликвидировав большой завал грузов в Мокамех-Гхате и наладив нормальное движение, мы завоевали всеобщее уважение, что порождало в нас законную гордость и стремление сохранить его. Поэтому, если кто-либо из-за своих личных дел не выходил на работу, товарищи охотно выполняли его норму.

Когда у меня высвободилось немного времени и завелось несколько рупий в кармане, я организовал школу для сыновей моих рабочих и низкооплачиваемого персонала железной дороги. Эта идея зародилась в голове у Рам Сарана, который был страстным поборником просвещения, вероятно, потому, что в прошлом сам был лишен возможности учиться. Мы сняли хижину, пригласили учителя, и школа, известная впоследствии под названием школы Рам Сарана, открылась, приняв 20 мальчиков. Первое препятствие, на которое мы натолкнулись, состояло в кастовых предрассудках, но наш учитель в скором времени сумел

обойти их, убрав стены хижины. Дело в том, что мальчики из высшей и низшей каст не могут сидеть в одном помещении, но им не возбраняется находиться под общим навесом. Благодаря стараниям Рам Сарана и его неослабевающему интересу школа с самого начала пользовалась огромным успехом. После того как были выстроены подходящие здания, приглашено семь новых учителей и численность учеников возросла до 200 человек, правительство взяло на себя финансирование школы. Она была возведена в ранг средней школы, а Рам Сарану, к радости всех его друзей, был присвоен титул рай саиба.

Том Келли, коллега Рам Сарана, — начальник станции на ширококолейной железной дороге — был страстным спортсменом, и мы с ним организовали спортивный клуб. Мы расчистили участок земли, разметили поле для игры в футбол и травяной хоккей, поставили столбы для ворот, купили футбольный мяч, хоккейные клюшки, и каждый начал тренировать свою футбольную и хоккейную команды. Тренировки по футболу проходили сравнительно легко, чего нельзя сказать о хоккее. У нас не было достаточно средств, чтобы купить настоящие хоккейные клюшки, и мы приобрели так называемые клюшки «Хальса».[59] Их изготовляли в Пенджабе из терновника или особой породы низкорослого дуба, сгибая корень дерева под соответствующим углом. Вначале очень многие получали травмы, поскольку девяносто восемь процентов членов команды играли босиком, клюшки были тяжелы и не отполированы, а шайба была деревянной. Когда наши команды освоили основные правила обеих игр, т. е. узнали, в каком направлении следует гнать мяч, мы начали устраивать матчи между командами двух дорог. Эти игры доставляли одинаковое удовольствие и зрителям и игрокам. Келли был толстяком, хотя и не признавал этого, и всегда стоял в воротах своей или нашей объединенной команды, когда мы играли с командами других станций. Я же был худым и легким и играл центрального нападающего. Я очень смущался, когда, случайно наткнувшись на чью-либо ногу или хоккейную клюшку, оказывался на земле, потому что все игроки, за исключением Келли, бросив игру, подбегали ко мне, поднимали меня и помогали отряхивать одежду. Однажды, когда я был объектом такого внимания, игрок из другой команды провел мяч через все поле и забил бы гол, если бы зрители не отобрали мяч и не задержали его самого.

Вскоре после того как мы основали спортивный клуб, Бенгальская Северо-Западная железная дорога построила для клуба дом и соорудила теннисный корт для четырех европейцев из числа администрации железной дороги. Келли избрали

почетным членом клуба, и он оказался весьма полезен, поскольку хорошо играл на бильярде и в теннис. В теннис мы могли играть не более двух-трех раз в месяц. Но по окончании дневной работы мы часто встречались за бильярдом и провели много приятных вечеров.

Товарные склады и подъездные пути в Мокамех-Гхате протянулись более чем на полторы мили, и администрация железной дороги, желая избавить Келли от излишней ходьбы, предоставила ему дрезину и четырех человек для ее обслуживания. Дрезина доставляла нам много радости. В зимние месяцы, когда прилетали горные гуси, в период полнолуния мы ездили на ней по главной магистрали за девять миль. Там были небольшие водоемы, некоторые из них имели всего лишь несколько ярдов в поперечнике, а другие занимали площадь в акр или более. Вокруг были посевы чечевицы, что обеспечивало прекрасное укрытие. Мы выезжали с таким расчетом, чтобы прибыть к водоему к заходу солнца. Мы занимали позиции — Келли у одного водоема, а я у другого. Вскоре появлялись гуси. Десятки тысяч гусей днем находились на островах Ганга, а вечером прилетали поклевать водорослей или же созревающую пшеницу на полях за водоемами. Перелетев железнодорожную линию, расположенную на полпути между Гангом и нашей позицией, гуси начинали снижаться и пролетали на расстоянии ружейного выстрела. Стрельба при лунном свете требует известной практики, поскольку расстояние до птиц, пролетающих над головой, кажется большим, чем оно есть на самом деле. Поэтому стреляют со слишком большим упреждением. После выстрела птицы взмывают вверх и, еще до того как возобновят полет по прямой, оказываются вне досягаемости для выстрела из второго ствола.

Эти зимние вечера, когда полная луна поднимается над пальмами, окаймляющими реку, и в холодном ясном воздухе слышны крики диких гусей и свист воздуха, рассекаемого крыльями сотен птиц, относятся к числу самых счастливых воспоминаний, связанных с моим многолетним пребыванием в Мокамех-Гхате.

Работа никогда не казалась мне скучной, время шло быстро, поскольку, кроме перевозки через Ганг и перегрузки в Мокамех-Гхате миллиона тонн грузов, я должен был обеспечивать бесперебойное движение паромов, ежегодно переправляющих с одного берега реки на другой несколько сотен тысяч пассажиров. Переправа через реку, разливающуюся после сильных дождей в Гималаях на четыре-пять миль, всегда доставляла мне удовольствие. Я получал возможность дать отдых ногам,

спокойно покурить и, что самое важное, предаться своему любимому занятию — изучению людей. Переправа связывала две большие железнодорожные системы, уходящие на север и на юг. Среди семисот пассажиров, находившихся на борту парома при каждой переправе, были люди из всех частей Индии и из других стран.

Однажды утром я стоял на верхней палубе и, облокотившись на перила, смотрел, как пассажиры третьего класса занимают свои места на нижней палубе. Со мной был молодой человек, прибывший недавно из Англии для работы на железной дороге и направленный ко мне для изучения опыта организации работ в Мокамех-Гхате. Он провел у меня две недели и теперь возвращался в Самариа-Гхат, откуда должен был уехать в далекий Горакхпур. Рядом со мной на скамейке, скрестив ноги по-портновски, сидел индиец и тоже смотрел на нижнюю палубу. Мой юный спутник Кроствейт с большим энтузиазмом относился ко всему, связанному со страной, куда он прибыл работать. В то время как мы наблюдали за говорливой толпой, размещавшейся на открытой палубе, он заметил, что ему бы очень хотелось узнать, кто эти люди и почему они едут из одной части Индии в другую. Люди набились, как сельди в бочке, но я сказал, что попробую удовлетворить его любопытство. Я предложил начать обозрение палубы справа и знакомиться только с теми, кто расположился у бортов. Ближайшие к нам три человека являлись, по моим предположениям, браминами. В бережно охраняемом большом медном сосуде, запечатанном мокрой глиной, была вода из Ганга. Вода у правого берега Ганга считается более священной, чем у левого, и эти три брамина, слуги известного махараджи, наполнив сосуд у правого берега, везли его за восемьдесят миль по реке и железной дороге для махараджи, который всюду, даже в дороге, употреблял воду только из Ганга. «Рядом с браминами, — сказал я, — сидит мусульманин, трепальщик хлопка по профессии. Он переезжает со станции на станцию, занимаясь расчесыванием сбившейся ваты в старых матрасах с помощью похожего на арфу инструмента, который лежит рядом с ним на палубе. Он расчесывает вату до тех пор, пока она не становится похожей на волокна шелка-сырца. Рядом с ним находятся двое тибетских лам, возвращающихся из паломничества к буддистской святыне в Гайя. Им жарко даже в это зимнее утро, о чем вы можете судить по капелькам пота, выступившего у них на лбу. Рядом с ламами расположилась группа из четырех мужчин. Они совершили паломничество в Бенарес и теперь возвращаются к себе домой в предгорья Непала. Каждый из них везет по два стеклянных кувшина, привязанных к короткой бамбуковой палке.

В них вода, набранная в Ганге у Бенареса. Они будут буквально по каплям продавать ее для религиозных церемоний в своей и соседних деревнях».

Так мы перебрали всех пассажиров и остановились на последнем, сидевшем у левого борта. Я сказал Кроствейту, что этот человек мой старый друг, отец одного из моих рабочих, который переправляется на левый берег реки, чтобы вспахать свое поле.

Кроствейт с величайшим вниманием выслушал мой рассказ о пассажирах на нижней палубе. Затем он спросил, что за человек сидит на скамье рядом с нами. «Это мусульманин, — сказал я, — он торгует кожами и едет из Гайя в Музаффарпур». Когда я кончил говорить, человек на скамейке выпрямил ноги, опустил их вниз и засмеялся. Затем, повернувшись ко мне, он сказал на прекрасном английском языке: «Я получил большое удовольствие, слушая, как вы описываете вашему другу людей на нижней палубе, а также меня». Под загаром не видно было, как я покраснел; ведь я думал, что он не знает английского языка. «Я полагаю, что в отношении меня ваша характеристика была почти целиком правильна. Я действительно мусульманин и еду из Гайя в Музаффарпур, хотя не могу понять, каким образом вам это стало известно, поскольку я приобрел свой билет в Гайя и никому не показывал его. Но в одном вы ошиблись: я торгую не кожами, а табаком».

Иногда для важных лиц формировались специальные поезда, которые переправлялись через реку специальным паромом. Моя обязанность состояла в том, чтобы вовремя подать такой паром. Как-то днем я встречал специальный поезд, которым следовали премьер-министр Непала, двадцать придворных дам, секретарь и большая свита. Они направлялись из столицы Непала Катманду в Калькутту. Когда поезд остановился, с подножки спрыгнул гигантского роста блондин в национальной непальской одежде, подошел к вагону, в котором ехал премьер-министр, раскрыл большой зонтик и стал спиной к выходу. Дверь за его спиной открылась, и появился премьер-министр с палкой, увенчанной золотым набалдашником. С легкостью, выработанной практикой, он удобно расположился на вытянутой руке этого человека, после чего они двинулись в сторону пристани. На протяжении трехсот ярдов блондин нес свой груз по сыпучему песку столь же легко, как другой нес бы целлулоидовую куклу. Когда я сказал секретарю, с которым был знаком, что никогда еще не видел такого силача, он сообщил мне, что премьер-министр всегда использует этого белокурого гиганта, если отсутствуют другие транспортные средства. Мне было сказано, что этот человек —

непалец, однако я предполагал, что он выходец из Северной Европы, который в силу причин, известных ему одному или его хозяевам, поступил на службу в независимом государстве, граничащем с Индией.

В то время как премьер-министр направлялся на пароход, четыре служителя вынесли прямоугольный кусок черного шелка длиной примерно в двенадцать футов и шириной в восемь и расстелили его на песке около вагона, все окна которого были закрыты. По углам шелкового прямоугольника имелись петли. В них вставили крючки, прикрепленные к четырем серебряным прутьям длиной в восемь футов. Прутья поставили вертикально, и прямоугольный кусок материи превратился в нечто вроде ящика без дна. Затем одну сторону сооружения подняли до уровня дверей закрытого вагона и из него в шелковый ящик вышли двадцать придворных дам премьер-министра. Слуги несли прутья с внешней стороны шелкового ящика. Снизу виднелись лишь лакированные туфельки дам.

Процессия направилась к пароходу. У трапа край шелкового ящика приподняли и дамы, которым было по шестнадцать — восемнадцать лет, легко взбежали на верхнюю палубу, где я беседовал с премьер-министром. Когда я спросил, не нужно ли мне уйти, так как пришли дамы, мне ответили, что в этом нет необходимости, поскольку шелковый ящик предназначался лишь для того, чтобы скрыть придворных дам от взоров простых людей. Я не в состоянии подробно описать костюмы этих дам. Могу лишь сказать, что они были одеты в плотно облегающие лифы веселой расцветки и широчайшие шаровары, на изготовление которых уходит до сорока ярдов лучшего шелка. Как редкие великолепные бабочки, они порхали от одного борта парохода к другому, стремясь увидеть как можно больше.

В Мокамех-Гхате премьер-министра и его дам точно таким же образом доставили с парохода на ожидавший их специальный поезд. Когда все они вместе с горой багажа были погружены, поезд тронулся в направлении Калькутты. Через десять дней на обратном пути в Катманду я провожал их в Самариа-Гхат.

Несколько дней спустя, когда я писал отчет, который необходимо было отправить этой же ночью, в контору вошел мой знакомый, секретарь премьер-министра Непала. В грязной, измятой одежде, в которой он, вероятно, проспал не одну ночь, этот человек совершенно не походил на элегантного, хорошо одетого чиновника из свиты премьер-министра, каким я его видел в последний раз. Усевшись на предложенный мной стул, он без всякого предисловия сказал, что попал в большую беду. Ниже я привожу любопытную историю, рассказанную им.

«В последний день нашего пребывания в Калькутте премьер-министр привез своих дам в магазин самой крупной ювелирной фирмы города „Гамильтон и К°“. Здесь они выбрали драгоценности, за которые уплатили серебряными рупиями, ибо, как вы знаете, мы всегда берем с собой из Непала достаточное количество наличных денег для оплаты всех расходов и покупок. Выбор драгоценностей, пересчет денег, упаковка драгоценностей в саквояж, принесенный мною в магазин для этой цели, и опечатывание саквояжа ювелиром — все это заняло больше времени, чем мы предполагали. В результате нам все пришлось делать в спешке. Мы отправились в гостиницу, собрали свои вещи, а затем поехали на вокзал, где нас ожидал специальный поезд.

В Катманду мы возвратились поздно вечером. На следующее утро премьер-министр послал за мной и велел принести саквояж с драгоценностями. Все комнаты во дворце были обшарены, опросили всех, кто ездил в Калькутту, но никаких следов саквояжа обнаружить не удалось. Никто даже не видел его. Я помнил, что вынес его из автомобиля, доставившего меня из магазина в отель, но после этого не мог вспомнить, чтобы видел саквояж на протяжении всей поездки. Я несу личную ответственность за саквояж и его содержимое, и если он не будет найден, я потеряю не только работу, поскольку по законам нашей страны я совершил тяжкое преступление.

В Непале есть отшельник, которого все считают ясновидящим. Живет он в пещере у подножия большой горы. По совету друзей я отправился к нему. Отшельник, старик, одетый в лохмотья, молча выслушал меня и сказал, чтобы я пришел на следующее утро. На следующее утро я снова пришел к нему. Он поведал мне о том, что ночью ему было видение: саквояж с нетронутыми печатями лежал в углу комнаты, заваленной различными ящиками и мешками. Комната находится неподалеку от большой реки, имеет только одну дверь, открывающуюся на восток. Это все, что мог сказать мне отшельник, — заключил секретарь прерывающимся от волнения голосом. — Я получил разрешение уехать из Непала на неделю и прибыл сюда в надежде на вашу помощь, поскольку, может быть, Ганг и является той рекой, которая привиделась отшельнику».

В Гималаях никто не сомневается в способности ясновидящих оказывать помощь при розысках потерянных вещей. Секретарь, разумеется, тоже уверовал в предсказание отшельника и всеми силами старался найти саквояж до того, как другие обнаружат его и стащат драгоценности на сумму в 150 тысяч рупий.

В Мокамех-Гхате было много помещений, где хранились

разнообразные грузы, но ни одно из них не отвечало описанию, данному отшельником. Мне, однако, была известна такая комната — контора по отправке посылок на железнодорожном узле в двух милях от Мокамех-Гхата. Взяв у Келли дрезину, я отправил туда секретаря в сопровождении Рам Сарана. Заведующий конторой клерк отрицал, что ему что-нибудь известно о саквояже, однако не возражал против осмотра всех вещей, находившихся там. Когда это было сделано, обнаружился саквояж с нетронутыми печатями.

Как же все-таки саквояж попал в контору и клерк не знал об этом? На сцену выступил начальник станции, и в результате произведенного им расследования выяснилось, что саквояж в контору положил уборщик вагонов, самый низкооплачиваемый служащий железной дороги. Ему приказали прибрать в вагонах поезда, в котором премьер-министр приехал из Калькутты в Мокамех-Гхат. В одном из вагонов под сиденьем он и обнаружил саквояж. Закончив свое дело, он принес саквояж на платформу, расположенную на расстоянии четверти мили. Поскольку там никого не оказалось, он положил саквояж в углу конторы. Этот человек очень сожалел о содеянном и просил извинить его, если он сделал что-либо неправильно.

Холостяки и их слуги, как правило, со временем обретают более или менее устойчивые привычки, и в этом отношении я и мои слуги не составляли исключения. Я обычно возвращался домой в восемь часов вечера. Поджидавший меня на веранде слуга при моем приближении кричал водоносу, чтобы тот приготовил ванну, поскольку я и летом и зимой принимал горячую ванну. Три комнаты в моем доме выходили на веранду: столовая, гостиная и спальня, возле которой находилась небольшая ванная комната. В ней имелись две двери и маленькое окошко. Одна дверь вела на веранду, а другая в спальню. Окно было прорублено почти под потолком. В ванной комнате стояла деревянная ванна овальной формы, на дне которой лежала деревянная решетка. Кроме того, имелись два глиняных кувшина для холодной воды.

После того как водонос наполнял ванну, мой слуга закрывал дверь из ванной комнаты на веранду и, проходя через спальню, брал оставленные мною ботинки, чтобы почистить их на кухне. Там он оставался до тех пор, пока я не велел подавать обед.

Однажды вечером, когда слуга удалился на кухню, я пошел в ванную, захватив с собой маленькую ручную лампу, которую я потом поставил на низкий выступ, проходящий вдоль стены. Затем я запер дверь на задвижку, поскольку она плохо прикрывалась и, подобно большинству дверей в Индии, болталась

на слабо укрепленных петлях. В этот день я почти все время провел на угольной платформе и потому не жалел мыла. Когда пена, делавшая честь производителю мыла, покрыла мою голову и лицо, я открыл глаза, чтобы положить мыло в мыльницу, и с ужасом увидел, что над краем ванны в нескольких дюймах от моих ног возвышается голова змеи. Мои движения, по-видимому, раздразнили змею — большую кобру. Ее капюшон надулся, и длинный раздвоенный язык то высовывался, то исчезал в страшной пасти. Я должен был продолжать двигать руками, осторожно убрать ноги, медленно приподняться и отступить к двери, находившейся за моей спиной, не сводя при этом глаз с змеи. Я же по глупости ухватился за края ванны, быстро выскочил из нее и отодвинулся назад к низкому выступу. Поскользнувшись на цементном полу, я, пытаясь восстановить равновесие, погасил лампу. Комната погрузилась в непроглядную тьму.

Итак, я оказался запертым в маленькой темной комнате с одной из самых ядовитых змей Индии. Сделав шаг влево или назад, я очутился бы у одной из дверей, но, не зная, где лежит змея, я боялся двигаться, опасаясь наступить на нее голой ногой. Обе двери к тому же были заперты внизу на задвижки. Если бы я даже не наступил на змею и начал бы ощупью искать задвижку, я наткнулся бы на нее, так как, пытаясь выбраться из комнаты, она скорее всего находилась в этом месте.

Помещение для слуг находилось в пятидесяти ярдах от дома со стороны столовой, поэтому кричать было бесполезно. Моя единственная надежда на спасение заключалась в том, что слуге надоест ждать меня с обедом или что меня навестит кто-нибудь из друзей. Всем сердцем я желал, чтобы это произошло раньше, чем змея укусит меня. Каждая капля воды, стекавшая по моим ногам, превращалась в моем воображении в длинный раздвоенный язык кобры, которым она облизывала мое обнаженное тело прежде, чем вонзить свои зубы. Меня отнюдь не успокаивало то, что она, так же как и я, оказалась в западне, поскольку за несколько дней до этого аналогичный случай произошел с одним из моих рабочих. Он вошел в дом днем, чтобы спрятать свою получку. Открывая шкатулку, он услышал свист и, повернувшись, увидел, что к нему приближается кобра. Попятившись к стене, находившейся у него за спиной, этот несчастный пытался отбиться от кобры руками и получил двенадцать укусов в руки и ноги. Соседи, услышав крики, прибежали на помощь, но он умер через несколько минут.

Я не могу сказать, сколько времени я находился в комнате с коброй. Впоследствии слуга сказал, что прошло всего полчаса. Я не слышал звука более приятного, чем позвякивание посуды,

которую слуга ставил на стол. Я подозвал его к двери ванной, рассказал о случившемся и приказал принести фонарь и лестницу. После вторичного ожидания, показавшегося мне бесконечным, я услышал шум голосов, а затем царапанье лестницы о внешнюю стену дома. Фонарь был поднят к окну, находившемуся в десяти футах от земли, но он не осветил комнаты. Поэтому я велел человеку, державшему фонарь, разбить оконное стекло и просунуть фонарь вовнутрь. Отверстие было слишком маленьким, и фонарь приходилось просовывать боком. Он трижды гас, и его зажигали вновь. Наконец он оказался в комнате. Чувствуя, что кобра находится у меня за спиной, я повернул голову и увидел, что она лежит в двух футах от меня у порога двери, ведущей в спальню. Двигаясь очень медленно, я нагнулся, взял тяжелую деревянную решетку, высоко поднял ее и бросил на кобру, которая уже ползла ко мне. К счастью, я прицелился очень точно: удар пришелся по шее в шести дюймах от головы. Пока змея кусала деревянную решетку и била хвостом, я быстро шагнул к двери, ведущей на веранду, и в мгновение ока оказался среди людей с палками и фонарями в руках. Слух о том, что я веду смертельный бой с большой змеей в запертой комнате, успел, оказывается, дойти до служащих железной дороги.

Пригвожденная моим ударом змея была вскоре извлечена, и, только когда ушел последний человек, я осознал, что стою голый и мои глаза полны мыла.

Мне не удалось установить, каким образом змея попала в ванную комнату. Она могла проникнуть через одну из дверей или упасть с тростниковой крыши, изрешеченной ласточкиными гнездами и крысиными норами. Так или иначе, мы оба — слуга, готовивший ванну, и я — должны быть весьма признательны судьбе, ибо в тот вечер мы чуть было не переселились в «Леса счастливой охоты».

В Мокамех-Гхате мы не соблюдали ни индусских, ни мусульманских праздников, поскольку работа должна была продолжаться безостановочно. Имелся, однако, один день в году, которого все мы ожидали с нетерпением, предвкушая величайшее удовольствие: это было Рождество. В соответствии с установившейся традицией в этот день я оставался дома до десяти часов утра, когда появлялся Рам Саран, одетый во все самое лучшее. На голове у него красовался огромный тюрбан из розового шелка, который он берег специально для этого случая. Затем мы оба отправлялись в контору. У нас не было материи для изготовления флагов. Однако у нас имелось множество красных и зеленых сигнальных флажков. Рам Саран с целой толпой добровольных помощников с раннего утра украшал контору и

соседние постройки этими флажками и гирляндами из ноготков и жасмина, отчего все принимало веселый и праздничный вид. Около конторских дверей устанавливались стол и стул. На столе стоял металлический горшок с букетом моих лучших роз, крепко-накрепко связанных бечевкой. Перед столом выстраивался персонал железной дороги, мои десятники и рабочие. Все были в чистой одежде. Какими бы грязными мы ни ходили в течение всего года, на Рождество мы должны были быть чистыми.

После того как я усаживался на стул и Рам Саран вешал мне на шею гирлянду из цветов жасмина, торжество начиналось. Рам Саран произносил длинную речь, а затем я обращался к присутствующим с краткой речью. Детям раздавали сладости, и когда, ко всеобщему удовольствию, эта шумная и беспорядочная часть торжества заканчивалась, начиналось самое важное — выдача денежных премий Рам Сарану, служащим железной дороги и рабочим. Расценки, по которым оплачивались работы, производимые по взятому мною подряду, были крайне низкими. Несмотря на это, при дружной всеобщей поддержке мне удавалось получать прибыль, восемьдесят процентов которой распределялось на Рождество. Как ни мала была выдаваемая сумма (в хорошие годы она достигала размера месячной заработной платы служащего или рабочего), ее очень ценили. Выдача этих премий создавала обстановку благожелательности и добровольного сотрудничества. Именно такая обстановка позволяла мне перегружать миллионы тонн грузов ежегодно на протяжении двадцати одного года, без единого неприятного инцидента и не прерывая работы ни на один день.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

Антилопа четырехрогая (*Tetracerus qudricornis*) — обитает в Индии. У самцов помимо пары нормальных, тонких рогов на передней части лба имеется вторая пара коротких, до 3 см, рожек. Эти небольшие антилопы держатся поодиночке или парами вблизи воды. Очень осторожны, при малейшей опасности скрываются в чаще кустов.

Буйвол азиатский (*Bubalus bubalis*) — семейство полорогие, отряд парнокопытные. Единственный одомашненный вид из четырех видов буйволов. Масса тела до 1000 кг. И самки и самцы имеют широкие в основании рога, серповидно изогнутые назад и внутрь. Окраска от темно-серой до черной. Широко распространен во всех странах Юго-Восточной Азии. Продолжительность жизни до 25 лет.

Выдра (*Lutra lutra*) — хищный зверь весом 6–10 кг. Обитает в реках и озерах Европы, Азии и Северной Африки. Питается преимущественно рыбой. В последние годы во многих районах редка и нуждается в охране.

Горал (*Nemorhaedus goral*) — горная антилопа весом 30–40 кг, внешне напоминающая козу. Самцы и самки имеют короткие рога. Длинный мех окрашен в серый, рыже-бурый и белый тона, летом окраска темнее, чем зимой. Распространены от Гималаев до Вьетнама и Приморья. Населяют скалистые участки среди леса или открытые склоны гор до 4000 м над уровнем моря. В нашей стране находится под угрозой исчезновения, занесен в Красную книгу.

Дикобраз индийский (*Hystrix indica*) — семейство дикобразовые, отряд грызуны. Все тело покрыто длинными иглами, окрашенными в бурые или желтоватые тона, часто с черными или белыми кольцами. Ведут сумеречный и ночной образ жизни. Питаются различными частями дикорастущих и культурных растений. Живут в сложных норах, пещерах. В неволе живут до 20 лет. Мясо дикобразов употребляется в пищу.

Дронго (*Dicruridae*) — насекомоядные птицы величиной с дрозда. Окраска обычно черная, хвост удлиненный. Обитают в лесах и саваннах от Африки до Австралии. Ракетохвостый дронго (*Dictrus paradiseus*) распространен от Гималаев до Явы и Борнео. Длина птицы от клюва до конца рулевых перьев до 68 см.

Замбар (*Cervus unicolor*) — олень темной окраски, весом 200–300 кг. Самцы имеют ветвистые рога. При опасности издает

громкий трубный звук. Обитает в лесах от Пакистана до Вьетнама.

Зимородки (*Alcedinidae*) — семейство птиц отряда ракшеобразных. Размеры тела варьируют для разных видов (всего 88 видов) от 15 до 45 см. Голова массивная, клюв длинный, прямой, черного или красного цвета. Окраска тела — сочетания белого, серого, черного, рыжего, синего и голубого цветов. Распространены главным образом в тропических зонах. Питаются мелкой рыбой, насекомыми и даже грызунами и пресмыкающимися.

Кабан (*Sus scrofa*) — парнокопытное животное весом до 290 кг. Окраска от светло-бурой до почти черной. Питается различными кормами, преимущественно растительными. Обитает в тростниковых и кустарниковых зарослях, лесах, горах Европы, Азии (кроме Севера), Северной Африки. Является предком домашней свиньи.

Каркер — местное название оленя-мунтжака (*Muntiacus muntjak*). Животное размером с косулю (вес до 35 кг), с небольшими рогами. Обитает в кустарниковых зарослях от Индии до о-ва Калимантан. При опасности и во время гона издает громкий лающий звук.

Кобра — скорее всего, речь идет о виде *Naja kaouthla* семейства аспидовые (*Elapidae*). Яд кобры относится к категории нейротоксинов. Короткие ядовитые зубы неподвижно закреплены в верхней челюсти; чтобы поразить добычу, кобра должна вцепиться в нее и нанести несколько ран. Предупреждая об опасности, высоко поднимает переднюю часть тела и раскрывает устрашающий капюшон с характерным рисунком.

Козел домашний (*Capra hircus*) — распространен по всему земному шару. Одомашнен предположительно около 7 тыс. лет до нашей эры. Предком, вероятно, являлся бородатый козел (*C. aegagrus*), а возможно, также альпийский (*C. ibex*) и винторогий (*C. falconeri*) козлы.

Козел каменный (*Capra sibirica*) — животное весом 100–130 кг, населяет высокогорья от Афганистана до Монголии, в том числе — Памир, Тянь-Шань, Алтай, Саяны. Придерживается крутых скальных склонов и осыпей. В ряде мест численность сильно сократилась.

Крокодил болотный (*Crocodilus palustris*) — обитает в реках и озерах Южной и Юго-Восточной Азии. Длина до 4,5 м. Питается рыбой, реже водоплавающими птицами, рептилиями и млекопитающими. Крупные экземпляры могут представлять опасность для человека.

Куропатки — птицы средней величины, принадлежат к

семейству фазановых (*Phasianidae*). Ведут наземный образ жизни, прекрасно бегают. Питаются в основном растительной пищей. Относятся к категории ценной дичи.

Лев (*Panthera leo*) — хищник семейства кошачьих. Масса тела взрослого льва от 180 до 230 кг. Шерсть короткая буровато-желтая, а у самцов шея, плечи и грудь покрыты длинношерстной гривой. В отличие от других представителей семейства, живущих в одиночку или, реже, парами, львы образуют группы (прайды) до 20 особей и более. Населяют Центральную Африку (африканский лев); небольшая популяция сохранилась в индийском штате Гуджарат в Гирских лесах (азиатский лев).

Леопард (*Panthera pardus*) — хищник весом до 100 кг, пятнистой, иногда черной окраски. Питается преимущественно копытными. В районах с высокой численностью тигров или львов активен по ночам, в других местах иногда и днем. Обитает в лесах, саваннах, горах, зарослях по берегам рек. Распространен в Африке и Азии. Сохранился в Туркмении, единичные экземпляры — на Кавказе, на юге Узбекистана, в России в Приморском крае. Занесен в Красную книгу. Случаи людоедства на территории бывш. СССР достоверно не отмечались.

Махсир, **индийский усач** (*Tor tor*) — рыба длиной до 1,5 м. Обитает в горных реках Северной Индии. Объект местного промысла.

Медведь гималайский (*Ursus thibetanus*) — черной, реже бурой окраски с белой полосой на груди. Обитает в горных лесах в Гималаях, Тибете, Восточной Азии, в Приморье, изредка на Памире. В северной части ареала зимой впадает в спячку. Берлога обычно в дупле крупного дерева.

Павлин обыкновенный (*Pavo cristatus*) — широко известен благодаря роскошному «хвосту» самцов, образованному удлиненными перьями надхвостья. Обитает в лесах Индии, Шри Ланки. В южных странах часто разводится как домашняя птица.

Питон тигровый (*Python molurus*) — неядовитая змея длиной до 8 м. Обитает в лесах по берегам водоемов от Пакистана до Зондских о-вов. Питается птицами и мелкими млекопитающими. Крупные экземпляры могут представлять опасность для человека, хотя случаи подобных нападений достоверно известны только для более крупного сетчатого питона.

Слон индийский (*Elephas maximus*) — второе по величине после африканского слона млекопитающее суши. Вес до 5 т. Обитает в лесах от Пакистана до о-ва Суматра. Используется как верховой и рабочий скот. В неволе размножается очень плохо. Самцы в период гона могут представлять опасность для человека. В последние годы численность сильно сократилась. Занесен в

Международную Красную книгу.

Тигр (*Panthera tigris*) — один из крупнейших хищников суши. Вес до 300 кг. Обитает в лесах, кустарниковых и тростниковых зарослях. Питается преимущественно копытными. Распространен в Южной и Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке. В бывш. СССР ранее был широко распространен в низовьях Дона, Закавказья, Средней Азии, на юге и востоке Казахстана. В настоящее время сохранился только на юге Дальнего Востока. Занесен в Красную книгу. Тигр-людоед на территории бывш. СССР достоверно был отмечен один раз — убит около Тбилиси в 1907 году.

Читал (*Chital*) — местное название оленя-аксиса (*Cervus axis*), весом до 100 кг. Животное имеет пятнистую окраску, обитает в лесах от Пакистана до Вьетнама. У самцов большие ветвистые рога. При опасности издает громкий свистящий звук.

Шакал (*Canis aureus*) — млекопитающее, похожее на волка, но мельче него: длина тела 70–85 см. Окраска рыжевато-серая. Распространен в Юго-Восточной Европе, Южной, Средней и Передней Азии, Северной Америке. Обитает в предгорьях, в прибрежных зарослях, реже в пустынях. Почти всеяден.

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР И КАЛИБРОВ РУЖЕЙ В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МЕР

Английская миля — 1609 м
Ярд — 91,439 см
Фут — 30,48 см
Дюйм — 2,54 см
Акр — 0,405 га
Фунт — 453,593 г
Кварта — 1,136 л

Автор упоминает об использовании различных видов оружия, отличия которых не всегда видны из контекста. В ряде случаев упоминается гладкоствольное охотничье ружье — дробовик, но в основном Дж. Корбетт применял нарезные двуствольные штуцера больших калибров или многозарядные винтовки (обычно пятизарядные). У штуцера оба ствола могут иметь одинаковый калибр или же различный, например 450/400. В книгах Дж. Корбетта перечислены следующие калибры нарезного оружия:

222 — 5,59 мм
240 — 5,99 мм
256 — 6,30 мм
275 — 6,98 мм
400 — 10,16 мм
405 — 10,28 мм
450 — 11,43 мм
500 — 12,70 мм
577 — 14,65 мм.

Примечания от выполнившего OCR и корректуру

В электронное собрание «Все книги Джима Корбетта на русском языке» (в нескольких каталогах) входят пять из шести написанных им книг. Последний изданный посмертно труд («Tree Tops», 1955) на русский язык не переводился. По теме он отличен от предыдущих пяти.

Перевод данной книги на русский язык публиковался три раза:

1961 г. — «Наука»;

1999 и 2002 гг. — «Армада-пресс» (она же «Дрофа»).

OCR и корректура — по изданию 2002 г.

Добавлена карта региона, события в котором описываются в книге. Она выполнена по англоязычному электронному Атласу мира.

Иллюстрации известного художника-анималиста Александра Николаевича Сичкаря (есть ©; см. про художника в Сети) из книжного оригинала (не все по теме; особенно первая).

Представленные после основного текста сведения о животных специфичны именно для данной книги (в оригинале 2002 г. был общий список для трех трудов в томе; проведена выборка).

Можно полагать, что в приведенных уже престарелым автором материалах мемуарного характера имеет место идеализация окружавших его индийцев. Или же в его памяти произошла селекция. Удивительно, как Джим Корбетт сумел сохранить детскую веру в людей после своей работы «старшим прорабом» погрузки-разгрузки и длительной охоты за людоедами, когда он навидался разных ужасов и неоднократно бывал свидетелем убожества человеческой натуры.

OCR и корректура: Готье Неимущий (Gautier Sans Avoir). *saus@inbox.ru*

Апрель 2005 г.

Текст считан два раза.

notes

Примечания

1

На Индию и Пакистан. (*Здесь и далее, если не указано другое, — прим. ред.*)

2

Примерная оценка населения Индии (включая Пакистан) к концу Второй мировой войны.

З

Гамадриада — большая кобра, питающаяся змеями.

4

Арти, Пуластья и *Пулаха* — обожествленные мудрецы индусской мифологии, одни из десяти Праждпати, которым приписываются деяния по созданию вселенной и основание человеческого рода.

5

Пураны — произведения классической санскритской литературы, созданные в первом тысячелетии нашей эры и считающиеся священными у индусов. В Пуранах наряду с мифологическим материалом содержатся генеалогические таблицы царских династий, правивших различными государствами древней и раннесредневековой Индии, а также другие исторические сведения. «Сканда-Пурана» названа так по имени божества Сканды, от лица которого ведется повествование.

6

Алмора — Центр одноименного горного района в штате Уттар-Прадеш.

7

Парвати занимает главное место среди богинь индуистского пантеона; она считается женой бога Шивы и дочерью Химават (Гималаев).

8

Пандавы — родовое имя героев древнеиндийской эпической поэмы «Махабхарата», созданной предположительно в первом тысячелетии до нашей эры и записанной в начале нашей эры.

9

Кайлас (Кайласа) — название горы в Гималаях, куда индусская мифология поместила райскую обитель бога Шивы.

10

Кумаон — горная область на северо-западе Индии (штат Уттар-Прадеш).

11

Сал — порода дерева, древесина которого отличается большой твердостью.

12

Махан — платформа из сучьев, устраиваемая на дереве для охоты на хищных зверей; у русских охотников — засидка, лабаз.

13

Согласно религиозным обычаям индуизма, совместная трапеза с лицами, принадлежащими к другим, особенно к низшим, кастам, а также с иноверцами запрещена. Этот обычай особенно строго соблюдался среди браминов (брахманов) — высшей касты у индусов. Готовность дочерей старосты мыть посуду, из которой ел Джим Корбетт, служит доказательством искреннего уважения к нему. Именно поэтому Корбетта назвали «садху», т. е. подвижником, праведником.

14

Парда — занавеска, за которой обычно прячутся женщины-индуски во время пребывания в доме постороннего мужчины.

15

Согласно индуистской религиозной традиции, брамины занимают в кастовой иерархии самое высокое, привилегированное положение.

16

У ортодоксальных браминов кожаная обувь считается нечистой, оскверняющей. В глухих сельских районах Индии ее носили преимущественно лица из низших каст.

17

Бания — торговец из касты, распространенной в Северной Индии.

Дал — бобы или чечевица.

19

Пайса состоит из трех паи. Четыре пайсы равны одной анна, а шестнадцать анна составляют одну рупию.

20

Такуры (тхакуры) — одна из высших военно-земледельческих каст в Северной и Центральной Индии. Согласно религиозной традиции индуизма, тхакуры происходят из древнего сословия (варны) воинов.

21

Пагри — кусок материи, которую оборачивают вокруг головы в виде тюрбана.

22

Дерево руни, к которому тигрица прижала Хар Сингха (она, по-видимому, только что принесла тигрят, и ей не нравилось присутствие людей), имело почти восемнадцать дюймов в диаметре. В порыве бешенства тигрица ободрала третью часть дерева. Впоследствии оно служило вехой всем, кто охотился или занимался браконьерством в джунглях Гаруппу, до тех пор, пока примерно через двадцать пять лет его уничтожил лесной пожар. Рана Хар Сингха вскоре зажила, несмотря на грубую и неумелую помощь, оказанную ему тремя друзьями. Остатки растений, попавшие ему в живот вместе с внутренностями, не причиняли никакого вреда, и умер он от старости. (*Прим. авт.*)

23

Сир — мера веса, приблизительно равная 933 г. В Индии принято измерять молоко и другие жидкие продукты на вес.

24

Мужчины-индусы высших каст, ведущие свое происхождение от древних сословий брахманов, кшатриев и вайшьев, обычно в возрасте семи — десяти лет проходят обряд инициации, принятия в лоно индуизма, когда на них надевают священный шнур из белых хлопчатобумажных нитей. Шнур всегда носят на теле; он символизирует принадлежность индуса к высшим кастам. Замена износившегося шнура новым сопровождается специальной церемонией. Смоковница считается у индусов священным деревом.

25

Корбетт, по-видимому, придерживается ложной теории происхождения кастовой системы в Индии; эта теория была изложена в конце XIX в. в работах английского этнографа и антрополога Г. Рисли, который считает, что деление на касты основано на племенных и этнических различиях. Высшие касты, в особенности брахманы, рассматриваются как потомки арийских племен.

26

Лантана — кустарниковое растение типа вербеновых.

27

Речь идет о тигре. — См.: Дж. Корбетт. *Кумаонские людоеды*.

Чапати — пресные лепешки.

29

Шер Сингх — лев (хинди).

Грэм — горох.

31

Хавилдар — сержант индийских войск.

32

Гуркхи (гурки) — объединение народов (кхасы, гурунги, магары и др.), образовавших во второй половине XVIII в. конфедерацию и составивших ядро современных непальцев.

33

Магистрат — судья низшей инстанции, соединявший в своих руках судебную и исполнительную власть.

34

Катрин Майо (1867–1940) — американская писательница и публицистка. В 1927 г., после поездки в Индию, где она встречалась с Ганди, издала книгу «Мать Индии», в которой она, в частности, выступила против ранних браков.

35

Пури — пресные лепешки, поджаренные на рафинированном масле.

При ранних, детских браках у индусов свадебный обряд имеет практически то же значение, что обручение у христиан; причем период обручения длится несколько лет.

37

Чаддар — часть одежды, наподобие шали, которая носится обычно в зимние месяцы.

38

«*Неприкасаемые*» занимают низшие ступени в кастовой иерархии Индии. Как показывает самое название этой группы каст, какое-либо общение с ними и даже прикосновение к ним рассматриваются ортодоксальными индусами высших каст, в особенности браминами, как осквернение. Подавляющее большинство «неприкасаемых», в том числе и в Северной Индии, составляют безземельные сельскохозяйственные рабочие.

39

Небольшие больницы в Индии не обеспечивают пациентов ни должным уходом, ни питанием.

Комиссар — глава администрации области, включающей несколько округов.

Коллектор — глава администрации округа.

42

Симул (семал, сембхал) — «ватное дерево».

43

По-видимому, переводчик представил калибр в известной нам системе мер, а не в английской, приведенной в конце книги. (*Прим. выполнившего OCR.*)

Клайд — река в Шотландии.

45

Баньян (индийская смоковница) — дерево из семейства фикусовых. Ветви баньяна пускают воздушные корни-отростки, которые, врастая в почву, образуют новые стволы-отростки. Известны баньяны с несколькими сотнями и даже тысячами стволов, образующие целые рощицы.

46

Политический агент — представитель колониальных властей в мелких княжествах. Эту должность иногда занимали по совместительству старшие чиновники административного аппарата соседних с княжествами провинций Британской Индии. Техри-Гархвал — небольшое княжество в предгорьях Гималаев, которое после достижения Индией независимости и ликвидации княжеств вошло в состав штата Уттар-Прадеш.

Гур — патока, вываренная из сока сахарного тростника.

48

Кукри — большой кривой нож, употреблявшийся гуркхами в качестве оружия.

Экка — маленькая двуколка.

50

Согласно религиозно-кастовым представлениям, некоторые предметы у различных каст считаются нечистыми.

Маунд (ман) — мера веса, равная 37,324 кг.

Расчет произведен автором в так называемых больших, или длинных тоннах. Одна большая тонна равна 1016,05 кг.

53

Вазиристан — область в северо-западной пограничной провинции Индии (ныне Пакистана).

54

Чамари — то есть принадлежащий к касте чамаров, одной из самых больших каст «неприкасаемых» в Северной и Центральной Индии.

Вакиль — ходатай по делам.

Парамешвар — «всевышний», обращение к любому из высших божеств индусского пантеона.

57

Чхаттри — одна из высших военно-земледельческих каст в Северной и Центральной Индии.

Каши — другое, более древнее название города Бенареса.

59

Хальса — сикхская религиозная община. Здесь этот термин употреблен как фирменное название клюшек, которые изготовлялись в мастерских, принадлежавших сикхам.